

А. ШАЛИМОВ
**ТАЙНА
АТОЛЛА
МУАИ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

ЛЕНИНГРАД—1986

А. ШАЛИМОВ

ТАЙНА АТОЛЛА МУАИ

Научно-фантастические
повести
и рассказы

«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

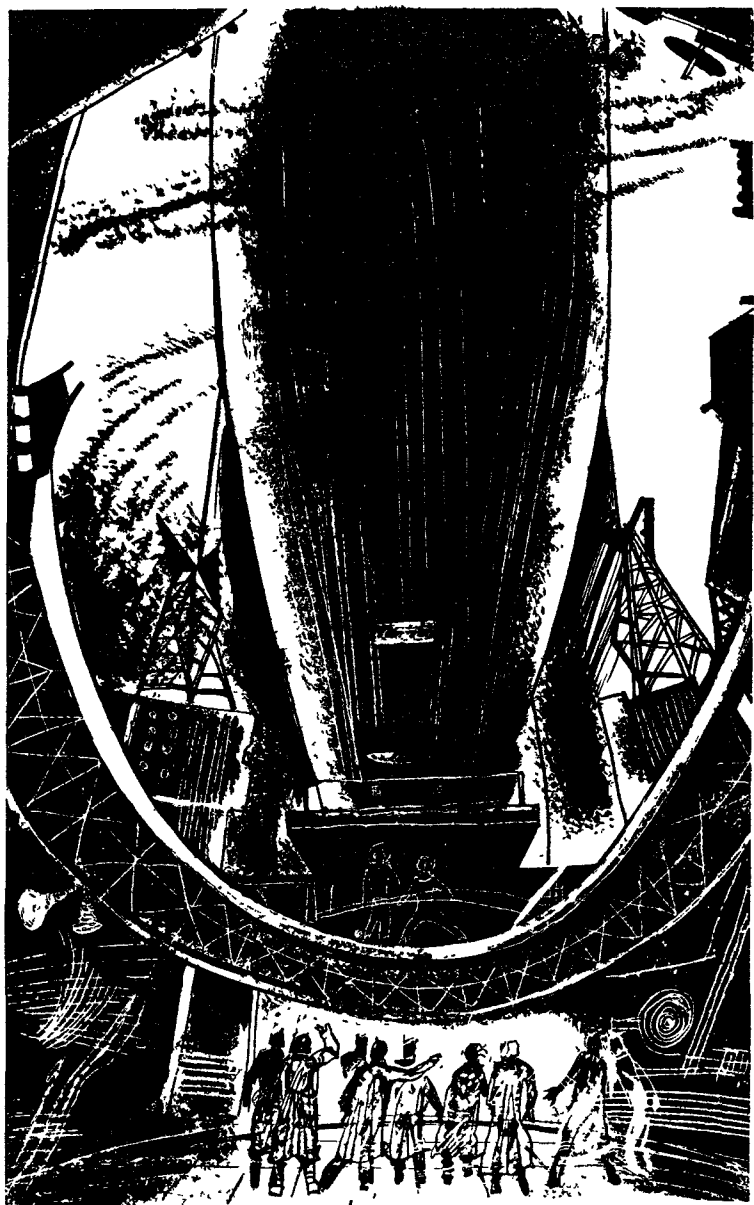
Рисунки А. КАРПОВА

Ш $\frac{4803010102-187}{M101(03)-86}$ 426—86

ЦЕНА БЕССМЕРТИЯ

ПОВЕСТЬ

*Улетали с Марса марсиане
В мир иной — куда глаза глядят...
И не в сказке, не в иносказанье —
Двести миллионов лет назад*

С. Орлов

СОЛНЦЕ ЗАХОДИТ НАД ПУСТЫНЕЙ

Закат угасал над красновато-бурой каменистой равниной. Вершины скалистых гряд еще багровели в лучах невидимого солнца, а в широких плоскодонных долинах уже густел фиолетовый сумрак. Цепи холмов тянулись к пустынному горизонту и исчезали в туманной оранжевой мгле. Небо темнело, мгла разрасталась, заволакивая далекие холмогорья, безжизненные голые долины, зубцы приземистых скал, похожие на проржавевшие развалины.

Стало темно и в большом кабинете Главного астронома. Лишь овал широкого окна светился тусклым красноватым пятном да на полусфере потолка тысячами застывших искр блестела звездная карта.

Ассистент, не отрываясь, смотрел в окно на темнеющую каменистую пустыню.

— Ночью придет ураган, — сказал он. — Опять не смогу продолжать наблюдения... Момент так благоприятен... Мауна близка к нам... Эти поразительные ночные блики по краям континентов. Они стали еще отчетливее, учитель... Чем больше думаю о них...

Главный астроном, неслышно ступая, приблизился из темноты. Откинув складки

плаща, коснулся тонкими пальцами холодного стекла. Не глядя на ассистента, процитировал поэта эпохи Древних царств:

— «Мудрец, познающий беспредельный мир, будь бесстрастен, как высший судия, холоден, как ночной сумрак плоскогорий Эны, нетороплив, как время... И когда в закатный час обе вечерние звезды блеснут одинаково ярко, перечеркни дневные мысли, чтобы еще раз начать сначала».

Он указал на две зеленоватые точки, которые проступили в потемневшем небе над бледнеющей каймой зари.

— Мауна,— прошептал ассистент.— Моя Мауна — далекая, прекрасная, полная тайн... Самая прекрасная и самая таинственная из планет Системы...

— «Бесстрастен, как высший судия, холоден, как ночной сумрак»,— повторил Главный астроном; в его голосе прозвучало осуждение.— Ученый не имеет права увлекаться, ассистент Од. Древний поэт не ради рифмы упомянул о двух вечерних звездах Эны... Сейчас рядом с Мауной мы видим ее ближайшую соседку — Вею. Разве она менее интересна? Разве все ее тайны разгаданы?

— Главная разгадана, учитель. На Вее нет и не может быть разумной жизни. Вея слишком близка к Солнцу. Под непроницаемой пеленой ее облаков — хаос ураганов, огненные вихри вулканических взрывов, превращенные в пар океаны. Может быть, там уже зародились живые клетки, но разум, прекрасный всемогущий разум появится лишь через миллиарды лет. А Мауна...

— О,— прервал Главный астроном,— что-то новое... Твоя скромность делает тебе честь, ассистент Од! Ты предсказываешь законы развития на миллиарды лет вперед?

— Простите, учитель! Мне не следовало говорить о Вее, ведь ее изучает астроном Тор... Но Мауна...

— Мауна так же лишена разумной жизни, жизни вообще, как и Вея,— резко возразил Главный астроном.— Можно фантазировать о смене температур на поверхности Мауны, о том, что белые спирали — это облака, а зеленоватые пространства — моря, заполненные жидкой водой; можно бездоказательно твердить, что в ее атмосфере, состоящей преимущественно из азота, кислорода больше, чем на Эне; можно рассказывать сказки о скоп-

лениях льда близ ее полюсов, но нельзя забывать главного... Главного, ассистент Од!.. Мауна в два раза ближе к Солнцу, чем Эна. Ультрафиолетовое излучение там во много раз сильнее. Живые клетки были бы разрушены... Ты забываешь о границе жизни. В нашей Системе она проходит вблизи орбиты Эны. За этой границей — зона смерти. Мауна безжизненна! В ее атмосфере, насыщенной парами и электричеством, убийственно горячее Солнце пылает над мертвыми пустынями, и реки, если они су-

ществуют, несут мертвые воды в безжизненные моря.

— Я полон уважения к вашим словам, учитель, но... Разве история нашей планеты не свидетельствует, как удивительно вынослива жизнь? Сколько тысячелетий жители Эны находятся под воздействием излучений гораздо более сильных? Без них мы теперь не могли бы даже...

— Молчи!.. Ты забыл, что наша лучевая среда создана искусственно? Излучение регулировали веками, постепенно приучая энов жить в новых условиях. Разумеется, эксперимент был очень опасен, но иного выхода не было... Кроме того, новые условия моделировались для высоко-развитых организмов. Они более гибки, легче приспособились к изменениям... А на Мауне жесткие природные излучения постоянно обрушивали чудовищную мощь своих импульсов на поверхность планеты. В минувшие эпохи, когда Солнце пылало ярче, интенсивность жесткого излучения была еще сильнее... Живая плазма, даже если она и возникала при каких-то природных реакциях, должна была неминуемо гибнуть в момент зарождения. Нет, дорогой мой, Мауна и Вея одинаково безжизненны; безжизненны, как и остальные планеты Системы, за исключением... нашей Эны... Да, теперь... за исключением нашей Эны...

— Теперь, учитель?.. Как странно прозвучало ваше «теперь»! А раньше?..

— Раньше?.. Я, вероятно, оговорился, ассистент Од. Я думал только об... одной Эне...

— Об одной... Эне?.. Много раз вы повторяли ваши доводы о границе жизни в Системе. Разумеется, я должен верить, как верят все... почти все... Но что-то восстает во мне... Не дает примириться. Неужели Эна — единственный оазис разумной жизни, жизни вообще в целой Системе?

— Жизнь — редчайшее явление материи. Разумная жизнь — редчайшее в редчайшем. Эна — исключение. Вся история ее цивилизации — двухсотвековая история народов Эны — подтверждает это. За двадцать тысяч лет ни один межпланетный, ни один межзвездный корабль не опустился на поверхность нашей планеты. А каждый пришелец, проникший в Систему, сразу понял бы, что Эна населена разумными существами. Геометрически правильный узор больших плантаций виден с громадного расстояния. В хорошие телескопы его, наверное, можно разглядеть даже с Мауны и Веи...

— Узор плантаций обитаемой зоны существует лишь пять тысяч лет, учитель...

— Я не забыл этого, — голос Главного астронома снова стал резким. — А вот ты забываешь, что и в минувшие эпохи на Эне было немало знаков высокой цивилизации. Они могли бы привлечь внимание космических пришельцев... И никого.... Никогда... Величайшие умы древности думали о братьях по разуму из иных миров. Искали их следы. Сохранилось описание лика Эны, составленное еще до Первой всемирной войны — более десяти тысяч лет назад. Тогда существовали моря, стояли руины циклопических городов эпохи Древних царств, остатки еще более древних сооружений... Среди них не было следов пришельцев. А космодромы сохранялись бы десятки тысячелетий. Нет, не двести веков нашей цивилизации, а сорок — пятьдесят тысяч лет — вот время, за которое можно поручиться. И если за пятьсот веков ни один космический корабль не приблизился к такой планете, как Эна, значит...

Бесшумно отворилась дверь в глубине кабинета. Полоса неяркого света легла на плиты пола, осветив их

причудливый геометрический узор. Стройная тоненькая фигурка, закутанная в длинный белый плащ, появилась в дверном проеме и остановилась, словно в нерешительности. Од вздрогнул: Ия; до боли знакомый контур прекрасной шеи и плеч, бледный овал лица в ореоле золотистых волос.

— Мы здесь, девочка! Войди,— сказал Главный астроном.— Тебя прислал Председатель?

— Да, учитель! Он хочет побеседовать с вами. Экраны волновой связи включают через десять минут. Он обратится к членам Совета... и ко всем знам...

— Иду, Ия... А ты...— Главный астроном повернулся к ассистенту,— ты будешь сегодня дежурить у большого телескопа?

— Не знаю, учитель. Ночью придет ураган...

— Да,— подтвердила Ия.— Ураган уже начался в западной пустыне. Через час будет здесь. Пойдем лучше слушать музыку, Од.

— Я так ждал эту ночь...

— Од рожден фантазером,— усмехнулся Главный астроном.— Он мечтает доказать, будто на Мауне есть жизнь, даже разумная жизнь, Ия. Я не в силах разубедить его. Попробуй ты, дитя мое...

Главный астроном шагнул в светлый прямоугольник двери и исчез.

— Идем, Од,— тихо сказала Ия.— Идем, потому что ты уже ничего не успеешь доказать... Они... Они хотят повторить Великую Жертву... И выбор сделан — это Мауна...

ДРУГОГО ВЫХОДА НЕТ...

Главный астроном задумчиво покачал головой:

— Не все члены Совета думают, как мы с вами.

— За Совет я готов поручиться,— голос Председателя был тверд и холоден.— Но молодежь...

— Молодежь! Если бы на Эне была молодежь...

— Я имею в виду таких, как ассистент Од...

— Од родился пятьдесят лет назад.

— Я и в мои девятьсот сорок лет не считаю себя стариком!

— Если бы понятие старости исчерпывалось суммой прожитых лет.. — пробормотал Главный астроном.— Обитатели Эны слишком дорого заплатили за свое бессмертие

— До полного бессмертия еще далеко,— резко возразил Председатель.— Мы лишь продлили жизнь...

— Две-три тысячи лет — это практически бессмертие...

— Те, кто заседает в Круге Жизни и Смерти, так не думают.

— Еще бы! Некоторым из них давно перевалило за две тысячи. Думают ли они? Могут ли вообще думать или уже окаменели заживо?..

— Это говорит Главный астроном Эны? — в голосе Председателя прозвучало удивление.— Дорогой Ит, так, кажется, тебя называли тысячу лет назад, позволь спросить: что с тобой? Наши предки сами выбрали то, что мы зовем бессмертием. Смерть или бессмертие — другого пути не было. Если бы тогда не удалось продлить жизнь немногих, Эна давно была бы мертва. И пески уже засыпали бы руины великой цивилизации.

— Все это не более чем отсрочка, Председатель. Нас осталось слишком мало — «бессмертных»... Добившись «бессмертия» единиц, мы окончательно потеряли бессмертие народа и обречены на исчезновение.

— Ты теряешь ценное чувство объективности, Главный астроном Эны. Рождаемость начала падать задолго до опытов продления жизни. Вспомни...

— Кто не помнит... Три всемирных войны... Лучевое заражение вод, воздуха и почвы. Гибель всего живого... Уцелели лишь немногие растения и горстка энов. Здесь все отравлено... И на Эне, и на ее спутниках. Ия последняя, рожденная на Эне.

— Да. Это правда... Ия была последней. С тех пор минуло... двадцать пять лет.

— Вот главное, Председатель, а не опыты дальнейшего продления жизни. Последняя дочь Эны рождена четверть века назад. И больше — ни одного рождения.. А сколько «бессмертных» умерло! Это тайна Круга Жизни и Смерти, не так ли? Выход остался один... Если он еще существует.

— Нет, старый Ит. То, что ты предлагаешь, не выход...

Нас действительно слишком мало. Мы не имеем права рисковать теми немногими, кто остался. Надо действовать наверняка. Вторая Жертва необходима... И не только ради продления жизни давно живущих. Нет, Ит, дело обстоит гораздо серьезнее... В ближайшие месяцы положение Мауны наиболее благоприятно...

— Не Жертва, а межпланетная экспедиция, Председатель. Нашлись бы смельчаки... И хватило бы энергии, если прекратить...

— Молчи! Это страшно, что ты готов произнести... Подумай об ответственности перед Кругом Жизни и Смерти.

— Подумай и ты, Председатель, о... заколдованном круге, из которого нет выхода...

Главный астроном умолк. Председатель тоже молчал, устремив взгляд на серебристые экраны.

«Через минуту они осветятся — и надо говорить. Члены Совета ждут...— Председатель вдруг ощутил ужасную усталость и пустоту.— Что сказать, если даже старый Ит...»

Из-под густых седых бровей он бросил вопросительный взгляд на Главного астронома. Их глаза встретились...

— Ты не поддержишь меня, Ит? — тихо спросил Председатель.

Главный астроном печально покачал головой.

— Поддержу. У меня тоже нет... выхода. Ни у кого из нас нет выхода. Мы сами создали свой заколдованный круг.

ТАМ СВЕТИТ ЗЕЛЕНАЯ МАУНА

Ия и Од поднялись по винтовой лестнице в башню большого телескопа. Огромный слабо освещенный зал был пуст. Сплетения металлических рам поддерживали гигантскую трубу — самый зоркий глаз Эны, постоянно нацеленный в дали космоса.

Од подошел к пульта управления, бросил взгляд на приборы.

— Остается двадцать минут до начала моих наблюдений, но...

— Ты ничего не успеешь сделать,— повторила Ия.
Од взял девушку за руку:

— Говори...

Ия пугливо оглянулась.

— Здесь нет никого,— успокоил Од.— Сегодня ночью дежурю только я.

— Выйдем на наружный балкон,— предложила Ия.

— Солнце зашло два часа назад. Холод уже очень силен.

— Выйдем, Од...

Не выпуская руки Ии, Од провел девушку между ажурными сплетениями матово поблескивающего металла к маленькой двери в стене зала. Нажал кнопку. Дверь бесшумно скользнула в сторону. Из открывшегося коридора пахло холодом. В небольшой нише у входа висели длинные красные плащи с коническими капюшонами.

Од взял один из них, набросил на плечи Ии. Поднял высокий капюшон. Эластичная ткань капюшона спереди была совершенно прозрачна и не скрывала лица.

Закутавшись в другой плащ, Од шагнул в коридор. Ия последовала за ним. Коридор плавно изгибался. Несколько шагов — и они очутились перед второй дверью. Од повернул рычаг в стене, и дверь отодвинулась. Открылась чернота неба, пронизанная колючими искрами звезд. В лицо ударил леденящий вихрь.

Взявшись за руки, пригибаясь при порывах ветра, Од и Ия добрались до каменной балюстрады, опоясывающей широкую террасу. Под ногами скрипел песок, занесенный ураганом снизу, из пустыни. У подножия башни ярко светились окна массивных зданий обсерватории. Временами их свет мутнел в струях песка и пыли, которые гнал ураган. На западе звезды уже исчезали в непроглядной пылевой завесе.

— В неудачном месте построили обсерваторию,— шепнула Ия, приблизив свой капюшон к самому лицу Ода.

Ассистент отрицательно качнул головой:

— Раньше здесь не было таких бурь. Воздух днем и ночью был чист и прозрачен. Климат Эны ухудшается год от года.

— Почему, Од?

— Наши предки лишили Эну ее океанов. Теперь мы бессильны перед наступлением песков. Дыхание пустынь

в этих порывах урагана, голос смерти в его свисте. Мы — последнее поколение умирающей планеты...

— Но мы овладели бессмертием.

— А зачем оно, если мы не способны продолжить жизнь, не способны дать новых поколений. Для кого наш труд? Для самих себя?.. Предки, дав нам бессмертие, отняли будущее.

— Страшно, что ты говоришь, Од. Но должен же быть выход... Наши ученые знают так много...

— Увы, Ия, они знают бесконечно мало. Они знают только страшный опыт своей многовековой истории. А что такое Эна и ее цивилизация в бездне Вселенной? Учитель считает, что мы одиноки в космосе, что разум неповторим. За ним опыт двухсот веков. Но наши двести веков — ничтожные секунды бесконечного времени Вселенной. Посмотри, сколько миров вокруг. У этих далеких солнц есть планеты. Неужели все они безжизненны? Нет, Ия, не могу верить в наше одиночество... И если мы не одиноки, в этом величайшая сила жизни. Может быть, в этом спасение древней цивилизации Эны...

Вот ты сказала, что наши ученые знают много. Допустим, это правда. Однако знать недостаточно. Надо еще и уметь; уметь дерзать, уметь добиваться поставленной цели, уметь доказать силу знания. Но, опасаясь за свою бессмертную жизнь, жители Эны давно перестали дерзать; они страшатся риска. Мы до сих пор остаемся пленниками Эны. Наши предки построили огромные искусственные спутники, целые планеты, а мы — продолжатели их дел — не осмеливаемся проникнуть дальше орбит этих спутников.

Посмотри, там светит зеленая Мауна — наша ближайшая соседка в Системе. Что мы знаем о ней? О, с какой радостью я отдал бы свое бессмертие за возможность межпланетного полета. Я был бы счастлив отдать жизнь ради доказательств жизни на других планетах.

— Молчи, Од, это страшное кощунство. Ничего нет ценнее жизни. Если тебя услышат...

— Я готов повторить перед Кругом Жизни и Смерти...

— Молчи! Мне страшно... за тебя. Не надо об этом. Слушай... Мне кажется, ты не совсем прав. Они ищут выход. Поэтому и хотят повторить Жертву...

— Решение уже принято?

— Нет. Сначала будет обсуждение на Совете. Председатель приехал к твоему учителю. Он ищет поддержки. Отсюда они обратятся по каналам волновой связи к членам Совета и объявят о заседании. Рекомендацию Совета утвердит Круг Жизни и Смерти.

— Когда назначена Жертва?

— Это держат в секрете, но... я слышала... мне кажется... Они торопятся. В ближайшие месяцы положение Мауны наиболее благоприятно.

— Но какое у нас право для этого?.. Какое право, Ия... А если на Мауне есть жизнь? Если ее населяют разумные существа? Мы же ничего не знаем...

— Ты увлекаешься, Од. С равным основанием можно предполагать жизнь и на Вее... и на Орте с его удивительным кольцом...

— Ия, ты когда-нибудь смотрела на Мауну в большой телескоп Эны?

— Никогда...

— Тогда идем. Наступает мое время наблюдений. У нас еще есть несколько минут, прежде чем песчаная туча скроет Мауну...

ВЫСШИЙ СОВЕТ ЭНЫ РЕШАЕТ...

Заседание Высшего Совета Эны продолжалось уже несколько часов. Десятки ораторов сменили друг друга на высокой трибуне, вознесенной над огромным амфитеатром.

Ассистент Од сидел рядом с Ией в одной из боковых лож; он тихо сказал:

— Этот старинный зал помнит далекие времена, когда на заседаниях Совета бывал полон, а сейчас...

Од кивнул на пустые ряды колоссального амфитеатра. Всего несколько сот энов находилось под прозрачным параболическим куполом древнего здания.

— Сейчас все население Эны поместилось бы здесь,— грустно шепнула Ия.

— И еще осталось бы немало свободных мест...

Осветился широкий голубой экран над столом президиума. Председатель встал, поднял руку:

— Будет говорить высокочтимый учитель Хор. Он

не мог прибыть на заседание. К членам Совета и приглашенным он обращается из города Уединения...

Шелест пробежал по рядам присутствующих.

Сзади зашумели. На балконе высокий меднолицый человек с бритой головой протестуяще взмахнул рукой и крикнул:

— Неправильно, Председатель. Члены Совета должны выступать лично тут, в этом зале! Иначе все голоса мертвцов Эны...

Его крик потонул в общем гуле.

— Это Шу — математик и философ, — сказал Од в ответ на вопросительный взгляд Ии. — Он член Совета, но он тоже против...

Председатель покачал головой, протянул руку, требуя тишины. Гул постепенно затихал.

— Мне тяжело и больно слышать твой упрек, Шу, — резким, звенящим голосом бросил Председатель. — Чему ты веришь, если перестал доверять Высшему Совету? И какой пример даешь молодежи!.. Я мог бы проголосовать вопрос о доверии. И ты был бы посрамлен. Но не сделаю этого. Я напому всем старинный закон Эны. Каждый член Круга Жизни и Смерти имеет право один раз выступить на Совете, не присутствуя лично в этом зале. Знайте все, высокочтимый учитель Хор... член Круга Жизни и Смерти. На этот раз он воспользуется своим правом. Слушайте все! Будет говорить член Круга Жизни и Смерти — высокочтимый учитель Хор.

Огромный зал замер в напряженной тишине. Все взгляды обратились к голубому экрану. Од почувствовал, что пальцы Ии сжали его руку.

Экран постепенно светлел, становился глубоким и прозрачным. Потом он исчез. В возникшей пустоте появилась белая фигура. Она приближалась, заполняя провал экрана.

Что-то похожее на вздох пронеслось над залом.

На месте экрана в голубом кресле полулежал древний старик. Его голова — обтянутый коричневой кожей череп — была бессильно опущена на грудь, высохшие руки беспомощно раскинулись на складках белого плаща. Казалось, старик спал.

В тишине негромко прозвучал голос Председателя:
— Учитель Хор, Совет слушает тебя...

Старик медленно поднял голову. Приоткрыл тяжелые складки век. Тусклый взгляд его глаз был неподвижен. Лицо, изрытое темными морщинами, казалось окаменевшим. Он беззвучно пожевал тонкими фиолетовыми губами и снова закрыл глаза.

Потом, не поднимая век, глухо заговорил:

— Бессмертные дети Эны, я слышал все, что вы говорили сегодня. Правы те, кто видит выход в повторении Великой Жертвы. Мы имеем на нее право; мы — единственные хозяева Системы и, быть может, единственные дети Разума этой галактики. У нас хватит сил осуществить Вторую Жертву... Уже через год каскады радиоактивных метеоритов обрушатся на поверхность Эны, неся нам залог дальнейшего бессмертия. Они не страшны подземным городам, а если пострадают наземные сооружения, мы легко восстановим их после того, как метеоритные потоки пойдут на убыль. Вы слышали расчеты... В течение ста двадцати лет после осуществления Жертвы дважды в год Эна будет проходить через облака радиоактивной пыли. Метеориты принесут новые запасы радиоактивных веществ, которых должно хватить на сорок — пятьдесят тысяч лет. За этот срок ученые найдут иной рецепт бессмертия, чем непрерывное радиоактивное облучение...

Короткий, прерывистый смешок прозвучал в глубине огромного зала.

— Ты напрасно смеешься, Шу, — не поднимая век, продолжал старый Хор. — Напрасно смеешься над моими словами. Я гораздо старше тебя и все-таки верю, что доживу до того момента, когда цена бессмертия будет иной, чем сейчас. А сейчас, бессмертные дети Эны, у нас нет иного выхода. Круг Жизни и Смерти поручил мне открыть вам одну тайну... Запасы металла, который дает нам бессмертие, на исходе. Месторождения нашей планеты давно выработаны. Метеоритные потоки ослабели. Спорить не о чем. Единственный выход — Вторая Великая

Жертва. Единственный объект Второй Жертвы — ближайшая к нам планета — Мауна... Я кончил...

Давно исчезла сгорбленная фигура старого Хора, давно погас широкий голубой экран, а в огромном зале еще царила глубокая тишина. Пораженные словами Хора, члены Совета и гости молчали. Никто не переговаривался с соседями, никто не просил слова.

Потом на балконе встал со своего места математик и философ Шу.

— Я имею вопросы к Совету и к тебе, Председатель,— громко произнес он.— Почему никто из нас — членов Совета — до этой минуты не знал, что положение так серьезно? Почему от нас все скрывают? И еще вопрос: слабость, апатия, потеря интереса к жизни, на которые последнее время жалуются многие эны, не результат ли это падения мощности реакторов бессмертия?

— На первый вопрос я не могу дать ответа, коллега Шу,— медленно сказал Председатель.— Так решил Круг Жизни и Смерти. Обратись лично к членам Круга... если ты знаешь их...

— Если бы мы знали их,— скривился Шу,— впрочем, теперь-то я знаю, что старый Хор — один из членов Круга, но, право, я не уверен...

Шу умолк, испытующе глядя на Председателя, потом добавил:

— Ты еще не ответил на последний вопрос...

— Я не ответил бы и на твой последний вопрос, Шу, ибо все, что связано с работой реакторов бессмертия, является тайной Круга Жизни и Смерти. И ты превосходно знаешь об этом. Но Круг приказал мне дополнить сообщение высокочтимого учителя Хора. Дело в том, что для поддержания индексов бессмертия на постоянном уровне мощность реакторов должна систематически увеличиваться... Постепенное уменьшение запасов радиоактивного горючего заставило Круг Жизни и Смерти последние несколько лет сохранять мощность реакторов постоянной. Возможно, что некоторые эны уже почувствовали...

Шум в зале заставил Председателя умолкнуть. Пслышались возмущенные возгласы. Многие из присутствующих поднимали руки, требуя слова.

— Кончайте глупую комедию! — громко кричал со своего места Шу.

— Мы хотим знать...
— Позор!..
— Конституция Совета и Круга должна быть пересмотрена!..
— Уже столетия мы лишены правдивой информации.
— Сло́ва, сло́ва!..
— Слово имеет член Совета, Главный астроном Эны,— объявил Председатель.
— Он-то как раз не просил слова,— насмешливо крикнул Шу.

В зале зашикали. Главный астроном уже поднимался на высокую трибуну.

Опершись руками о резную балюстраду, он дождался, пока стало тихо. Потом заговорил, глядя поверх голов присутствующих:

— Уважаемые члены Совета, гости, все жители Эны, вопрос слишком важен, чтобы его можно было решить не обсуждая. Совет хотел знать мнение большинства энов и, уже взвесив его, раскрыть то, что до сегодняшнего дня было известно немногим. Некоторые из присутствующих высказались за повторение Жертвы еще до того, как узнали все. Те, кто был против, имели время одуматься, сопоставить весомость возражений с серьезностью ситуации... Я... высказываюсь за повторение Великой Жертвы и предлагаю поставить вопрос на голосование. И еще я предлагаю, чтобы в голосовании участвовали не только члены Совета, но и все присутствующие здесь. Я напому, что, когда решался вопрос о Первой Великой Жертве — о судьбе планеты Фои,— решение принималось на всеобщем референдуме. Тогда все жители Эны сказали свое «да»...

— И многие из них поплатились за это своей бесценной жизнью,— крикнул Шу.

— Верно, коллега Шу,— повысил голос Главный астроном,— Первая Великая Жертва повлекла за собой гибель части наших граждан. Но, во-первых, ученые Эны еще не умели в те времена точно рассчитать силу поражающего удара; во-вторых, орбита Фои проходила гораздо ближе к нашей планете, чем орбита Мауны, и, в-третьих, часть населения в ту эпоху жила в городах, расположенных на поверхности Эны. При всем несовершенстве Первой Жертвы она дала горючес для реакторов бессмертия почти на две тысячи лет. Я могу подтвердить

цифры, которые назвал высокочтимый учитель Хор. Превращение Мауны в радиоактивное пылевое облако обеспечит нас необходимой энергией на сорок — пятьдесят тысяч лет...

— И конечно, можете подтвердить, что Мауна так же безжизненна, как и Фоя?! — снова крикнул Шу.

Главный астроном испытующе глянул на математика, потом отвел глаза и, уже сходя с трибуны, негромко сказал:

— Я могу подтвердить, что Фоя и Мауна — планеты одного типа, со сходным строением и... близкими условиями на их поверхности.

— Кто возражает против общего голосования? — спросил Председатель.

Ответом было молчание. Ассистент Од хотел встать, но Ия удержала его.

— Есть ли желающие выступить еще? — снова слышался голос Председателя.

— Есть,— негромко, но внятно произнес Од.

Все взгляды обратились на их ложу.

— Од,— умоляюще шепнула Ия.

Но ассистент Од уже стремительно шел к трибуне.

— Простите за дерзость, высокочтимые члены Высшего Совета Эны, глубокоуважаемые учителя и наставники,— взволнованно начал Од, взбежав на трибуну.— Вероятно, мне не следовало выступать здесь... И я не дерзнул бы, если бы не роковое решение, которое все готовы принять. Прошу выслушать меня, прежде чем нажмете клавиши голосования. Некоторые из присутствующих знают, что уже тридцать лет я изучаю Мауну...

— И теперь боишься лишиться объекта исследований! — насмешливо крикнули из зала.

— Не прерывайте,— загудел на балконе бас Шу.— Ассистенту Од есть что сказать...

— ...уже тридцать лет изучаю Мауну,— повторил Од,— с того самого времени, как на нее был запущен термоядерный зонд. Вы знаете, что взрыв произошел в атмосфере Мауны при отсутствии облаков в области большого темного пятна в северном полушарии. Результаты взрыва тогда ни у кого не вызвали сомнения. Напомню их. Темная окраска эпицентра взрыва вначале совсем не изменилась. Это дало основание некоторым

ученым утверждать, что взрыв произошел слишком высоко и зона высоких температур не достигла поверхности планеты.

Мой высокочтимый учитель — Главный астроном Эны, — производивший расчеты траектории термоядерного зонда, предположил, что большое темное пятно Мауны — это выходы скальных пород, на которых эффект взрыва никак не отразился... Через некоторое время облака покрыли место взрыва, и, когда они разошлись, эпицентр представлял собой отчетливый белый овал. Такой же белый, как полярные области Мауны. В течение нескольких лет пятно на месте взрыва вызывало ожесточенные споры. Одни его видели, другие нет. Сопоставив моменты наблюдений, удалось доказать, что эпицентр взрыва был виден лишь тогда, когда в северном полушарии Мауны наступала зима и граница северной полярной шапки смещалась далеко к югу.

— Короче, — закричали из зала. — Это известно!..

— Говори о главном, Од, — снова послышался голос Шу.

— Главное в том, что через несколько лет после зондирования пятно в эпицентре взрыва исчезло и больше никто его не видел, ни в зимние, ни в летние периоды Мауны.

Од замолчал.

— Ну и что же? — раздалось несколько голосов.

— А то, — медленно произнес Од, — что все эти явления могут быть объяснены только однозначно. Большое темное пятно в северном полушарии Мауны — огромный массив растительности. Это не травы и не кустарники Эны, а что-то более крупное. В слоях минувших геологических эпох Эны тоже известны остатки таких растений-гигантов, более высоких, чем многоэтажные здания. Кроны этих гигантских растений сохраняются и в зимние периоды. Атмосфера Мауны очень подвижна. Ветра сдувают иней или снег с этих растений, а почва не просвечивает сквозь густые кроны. Поэтому большое темное пятно всегда остается темным, хотя его структура зимой несколько иная, чем летом. Взрыв уничтожил и крупные растения и снег на поверхности Мауны. Поэтому эпицентр взрыва вначале был темным и не отличался от окружающих пространств, занятых растительностью. После выпадения

атмосферных осадков — инея или снега — эпицентр взрыва, лишенный растительности, стал белым. Мы его увидели. По этой же причине его всегда видели в зимние периоды северного полушария. Летом цвет грунта, покрытого быстро восстановившейся мелкой растительностью, был неотличим от цвета окружающих пространств. С течением лет восстановилась и крупная растительность в эпицентре. Место взрыва стало невидимым.

— Все было бы стройно, если бы не одно «но», — заметил Председатель. — Это «но» — спектр большого темного пятна Мауны. Спектр коренным образом противоречит твоей гипотезе, Од.

— А почему цвет растительности должен быть обязательно красным, как у нас на Эне? — быстро возразил Од. — Почему не предположить, что растения Мауны, возникшие в густой атмосфере, богатой парами воды, в условиях большей близости к Солнцу, обладают иной окраской?

— Какой?

Од замялся:

— Ну, например... синей, голубой, даже зеленой...

— В этом слабость твоей концепции, ассистент Од, — сказал Председатель. — Чтобы доказать одно маловероятное предположение, ты прибегаешь к еще менее вероятным. Такой растительности мы не знаем ни сейчас, ни в прошлом Эны. Молодость в какой-то степени извиняет тебя... Однако здесь, в этом зале, нельзя выступать с непродуманными фантазиями. Запомни сегодняшний день, ассистент Од.

Од опустил голову. В зале насмешливо улыбались.

— Ты кончил? — спросил, помолчав, Председатель.

Од отрицательно покачал головой.

Председатель пожал плечами и укоризненно взглянул на Главного астронома, сидевшего рядом за столом президиума.

— Может быть, достаточно? — процедил, почти не разжимая тонких губ Главный астроном.

— Может быть, — как эхо повторил Од. — Может быть, потому что не знаю, как пробить броню вашей убежденности в однажды установленных истинах. И еще... Нас осталось так мало. Круг изучаемого бесконечен. Каждым исследованием может заниматься только один

из нас. Все мы чудовищно одиноки в своих интересах и знаниях. Спорить, как равный с равными...

— Ассистент Од! — строго перебил Председатель.

— Обсуждать открытий не с кем, — словно не слыша, продолжал Од. — Раньше результаты исследований размножались на копировальных машинах, рассылались во многие библиотеки. Сейчас все остается в рукописях. В мои рукописи целые десятилетия не заглядывал никто... И вот что теперь получилось... Я убежден, что на Мауне есть жизнь, которую вы готовы уничтожить. А как убедить вас? Не хватит ночи, чтобы рассказать... о том... что знаю...

— Скажи о главном, самом главном, Од! — крикнул Шу. — Расскажи о ночных бликах на Мауне... А потом я напомню им кое о чем... Какой злой дух минувших эпох подсказал тебе начать с термоядерного зонда? Слишком многие из сидящих тут опозорились с этим зондом, в том числе и твой учитель. И ты не придумал ничего лучшего, как напомнить...

Возгласы возмущения заглушили слова Шу. На толстых губах математика появилась уничтожающая усмешка. Он скрестил руки на широкой груди и умолк.

— Я лишаю слова ассистента Ода, — объявил Председатель.

— Не имеешь права! — закричал, сложив руки рупором, Шу. — Меня, вероятно, уже можешь, а его еще нет, если, конечно, он хочет продолжать...

Зал загудел с новой силой.

Председатель, пошептавшись с соседями, встал. Прошло несколько минут, прежде чем в зале стало относительно тихо.

— Президиум дает ассистенту Оду три минуты, чтобы закончить... гм... выступление... Президиум лишает члена Высшего Совета математика Шу права голоса до начала голосования. Включаю счет оставшегося времени.

Послышалось негромкое щелканье метронома.

Од поднял голову:

— Благодарю, высокочтимый Председатель. Три минуты, чтобы рассказать о работах тридцати лет... Я воспользуюсь лишь двумя, третья нужна для другого. Слушайте. Вот итоги исследования Мауны. Тот, кому они не покажутся чрезмерно фантастичными, может найти все подробности в моем архиве. Главный вывод: Мауна

населена разумными существами с высоким уровнем культуры. Я не знаю, как они переносят убийственное ультрафиолетовое излучение Солнца, но... приспособились же наши организмы к радиоактивному излучению. Мы даже не могли бы существовать без него...

Вы знаете о вспышках в атмосфере Мауны. Там наблюдаются искры грозowych электрических разрядов. Ряд световых явлений связан с извержениями вулканов, возникают какие-то пока непонятные свечения в атмосфере вблизи полюсов... Я назвал их «медленными грозами». Однако, кроме всего этого, большой телескоп Эны позволил установить, а фотопленки запечатлели постоянные ночные блики в одних и тех же точках планеты. Многие блики располагаются по краям сероватых пятен, которые мы называем континентами Мауны. Эти блики видны только на ночной стороне планеты и, по-моему, не могут быть ничем, кроме... отблесков больших наземных городов. Яркость бликов за последнее десятилетие увеличилась. Значит, города жителей Мауны растут.

В отдельных точках удалось фиксировать мгновенные вспышки огромной яркости. Причина вспышек — термоядерные взрывы. Эти взрывы не могут быть природными. Они искусственные... Сначала мне пришла в голову мысль о термоядерной войне, которую ведут друг с другом жители Мауны, подобно тому, как некогда воевали наши предки. Однако местоположение термоядерных вспышек скорее говорит о другом. Это испытательные взрывы. Они пока производятся на очень больших расстояниях от ближайших «городов». Наконец...

— Осталась одна минута, ассистент Од, — раздельно произнес Председатель.

— Кончаю. Обращаюсь с просьбой к присутствующим здесь: отложите голосование. В ангарах Большого спутника еще сохраняются межпланетные корабли, построенные тогда, когда жители Эны не были... бессмертными. Я готов лететь один на Мауну и привезу оттуда доказательства разумной жизни. Поймите, установление связей с жителями иных планет — единственный путь к бессмертию культуры энов и... самого нашего народа. Разрушение других планет — только отсрочка, бессмертные жители моей родной планеты...

— Все! — сказал Председатель.

С высоко поднятой головой Од сошел с трибуны.
— Вот когда нужно было выступать учителю Хору,— шепнул Главный астроном.— Мы ошиблись, Председатель. Од оказался сильнее, чем мы думали.

— И в этом виноват ты. Ведь он твой ассистент,— бросил Председатель, вставая.

— Есть ли еще желающие выступить? — произнес он традиционную формулу, обязательную перед началом голосования.

Зал нерешительно гудел.

— Нет? — спросил Председатель.— Тогда...

Однако несколько голосов прервали его.

«Придется продолжать прения,— устало подумал Председатель.— Глупцы!»

К трибуне уже ковылял кругленький, маленький старичок — философ и лингвист Эг, знаток ста пятидесяти мертвых языков Эны, один из старейших членов Совета.

— Задачу нам задал молодой человек, этот, ну, как его,— начал Эг и закашлялся.— Да-с... Теперь, пожалуйста, решай. С Фоей было просто. Хорошо помню... Это, как его... референдум. Проголосовали: девятьсот девяносто девять из тысячи «за»... Подготовили транспланетный корабль с аннигилиновым зарядом. Запускали, не соврать бы, с космодрома, что был в Черной пустыне. Запустили прямо в сторону Фои... Это была ошибка, да-с. Через месяц... Трах... На небе новая звезда размером с маленькую Луну. Правда, погасла быстро... А через полгода началось. Пришлось перебираться в подземные города... Кошмар... Я тогда юнцом был, а помню хорошо... Самый крупный метеорит упал на руины Заки-оба. Был в древности такой город... Да-с... Жителей там, чтобы не соврать, числилось до пяти миллионов. Досталось ему во время Второй войны, а окончательно сожгли в Третью. Но руины кое-какие стояли. Одно время думали превратить в музей. А после падения метеорита получилась воронка площадью примерно в четыре Заки-оба... И метеорит вдобавок почти пустой оказался — осколок внешней оболочки Фои. Радиоактивных элементов меньше, чем воды на экваторе. Даже не стали разрабатывать...

Позвольте, а о чем я, собственно, хотел сказать?.. Повторение Великой Жертвы? Ну как же, помню, помню...

Мауна? Но я позволю себе задать один вопрос. Только один, высокочтимые члены Совета. А почему, собственно, Мауна? Почему? Почему, скажем, не Вея, не Орт, не еще там что-нибудь... Молодым людям, конечно, свойственны заблуждения... Ну, а вдруг этот юноша не совсем ошибается? Даже если на четверть он прав, и то надо подумать... Да-с. Я-то, конечно, во все эти бредни не верю,— вдруг закричал старик,— не верю, но от голосования воздержался бы... Да-с!..

— Что за язык! — шепнула Ия.

— Он владеет сотнями мертвых языков и разучился говорить на единственном живом,— тоже шепотом ответил Од.

— Какой же выход вы предлагаете, учитель Эг? — покусывая губы, спросил Председатель.

— А никакого, да-с! — снова крикнул старичок.— Думайте...

И он начал спускаться с высокой трибуны, озабоченно поглядывая себе под ноги и придерживаясь обеими руками за блестящие металлопластовые перила.

Прения разгорелись с новой силой. В потоке насмешек и обвинений, адресованных ассистенту Оду, прозвучало несколько голосов, требующих изменить объект Великой Жертвы. Называли Вею и даже Мео — ближайшую к Солнцу самую маленькую планету Системы.

— Ты должен выступить еще раз,— сказал Председатель, наклоняясь к самому уху Главного астронома.— Ты производил расчеты. Объясни им, что уничтожение Вей не даст и десятой доли того, что рассчитываем получить от Мауны. Скажи, наконец, что ассистент Од фантазер и глупец...

— Ты требуешь от меня слишком многого, Председатель,— покачал головой Главный астроном.— Я обещал тебе поддержку и выступил на Совете... Но я не могу выступать еще раз... Вспомни Канон Высшего. И потом, я не хотел бы разделить судьбу астронома Уота. Имя его предано проклятию и забвению, а сам он... Ты должен знать это...

— Клянусь, не знаю... И не понимаю, какое отношение...

Главный астроном проницательно глянул в настороженные глаза Председателя.

— Не понимаешь? И не слышал о метеорите Заки-оба, о котором здесь так некстати напомнил старый Эг?

— О метеорите кое-что припоминаю. Это было давно...

— Но сейчас это так близко нам... Астроном Уот много лет изучал Фою. Уот утверждал, что она лишена атмосферы, воды, жизни. Он твердил, что Фоя самый подходящий объект для Великой Жертвы... Произвел все расчеты... Перед референдумом он публично...

— Да-да... Вспомнил... Его выступление принесло успех референдуму. А потом, когда метеоритные потоки начали разрушать города Эны, Уота поставили перед Кругом Жизни и Смерти. Разумеется, несправедливость. Но ведь это случилось три тысячи лет назад...

— Круг Жизни и Смерти судил астронома Уота не за разрушительные метеоритные потоки, Председатель. Но... Здесь не место для... этих воспоминаний. Очередной оратор кончает. И никто не просит слова. Тебе надо вести заседание...

Последний из выступавших умолк и сошел с трибуны. Желавших говорить больше не было. Зал напряженно ждал. Председатель обменялся взглядом с членами президиума и, чуть заметно покивав головой, поднялся на трибуну.

— Высококочтимые члены Совета и гости,— медленно начал он,— уже поздно. Все утомлены, многие дезориентированы и колеблются. Президиум полагает, что сейчас не время принимать столь важное решение. Голосования сегодня не будет. Результаты обсуждения рассмотрит Круг Жизни и Смерти. Круг назначит новое заседание либо примет на себя тяжесть окончательного решения. Учитывая, конечно, все высказанные здесь доводы... Заседание закрывается.

Сквозь шорох шагов явственно донесся громкий, отрывистый смех Шу.

ТАЙНА ЗАКИ-ОБА

Ассистент Од сидел в своей лаборатории. Он задумчиво перебирал большие фотографии Мауны. Он знал на память все их детали, все до мельчайших черточек и чуть

заметных пятен, просвечивающих сквозь голубовато-зеленую, пронизанную белыми спиралями облаков атмосферу планеты. Вот самый большой из океанов, простирающийся от одной полярной шапки до другой, вот второй — поменьше, два треугольных континента между ними. Огромный, причудливо изрезанный материковый массив с неясными разноцветными пятнами... Закрыв глаза, Од мысленно представил себе зеленоватые моря с крутыми скалистыми берегами, невиданные заросли фантастических голубых растений, города, словно сотканные из прозрачного металла, толпы удивительных существ, веселых и оживленных, чем-то напоминающих энов и непохожих на них. Вот здесь, и здесь, и там находятся их города, огромные города, свет которых проникает даже сквозь космические дали. Обитатели Мауны живут, грустят и радуются, трудятся и отдыхают, грезят о будущем, и никто из них, ни один не подозревает о страшной, неотвратимой опасности, угрожающей всем от мала до велика, всем без исключения, всей их планете... Правда, решение, кажется, еще не принято, но Круг Жизни и Смерти может и не объявить его. Ия вчера уехала вместе с Председателем. Она всегда сопровождает Председателя в поездках. Говорят, что Ия его дочь, но даже она сама не уверена в этом.

На Эне никто не знает своих родителей. Все — дети всех... Этот закон был принят еще за тысячу лет до рождения Ода.

Бессмертные эны!.. И вот — цена их бессмертия!.. Если развитие жизни во Вселенной идет по одному пути, может, даже и лучше, что жители Мауны погибнут теперь и не доживут до «эры бессмертных»?

Од сжимает руками голову.

Вздор, разумеется, вздор! Эны сами виноваты во всем. Три чудовищных войны... Если бы не войны, все пошло бы иначе. Можно было сохранить моря, жить на поверхности планеты. Пустыни не разрослись бы с такой быстротой, атмосфера не лишилась бы большей части кислорода. А сами эны... Как не похожи они на своих далеких предков, живших тысячелетия назад, — сильных, веселых, красивых, настойчивых и смелых. «Теперь они кажутся нам великанами, а в действительности это мы измельчали, стали уродцами-карликами... Сохранились, как шлак по-

сле термоядерного урагана, как разновидность плесени, покрывшей необрабатываемые участки больших плантаций... Сохранились для бессмертия!»

Двери лаборатории бесшумно раздвинулись. На пороге стоял Шу.

— Ты один, Од? — Взгляд математика обежал столы, заваленные картами и фотографиями. — Нам надо поговорить.

— Я уезжаю, — тихо сказал Од.

Шу отрывисто кивнул:

— Знаю. Потому и пришел. Когда ты летишь?

— Ракета отправляется на Малый спутник раз в полгода. Старт через три дня.

— Изгнание?

— Так решил Главный астроном. Год я должен буду провести на Малом спутнике, наблюдая интенсивность метеорных потоков.

— Теперь это очень важно!.. Метеорные потоки... Кому это нужно, скажи, пожалуйста?..

— Эти наблюдения ведутся постоянно. На Малом спутнике работает автоматическая внешняя обсерватория. Там сейчас астроном Тор. Я сменю его.

— Ты будешь там совсем один?

— Вероятно. Если не считать автоматов...

— Это хорошо. Там тебе никто не мешает наблюдать.

Мауну.

— Увы, там нет большого телескопа.

— Там нет и запыленной атмосферы Эны. Одно другого стоит. Я тебе дам усиливающее устройство к обычному телескопу.

— Зачем?

— Это потом... А сейчас едем со мной.

— Куда?

— Далеко... В метеоритный кратер Заки-оба.

Од удивленно поднял голову:

— Зачем?

— Там узнаешь. Ты бывал в нем?

— Очень давно, когда учился.

— Тебя возили туда? — удивился Шу.

— Нет, я был один. В юности я много ездил и бродил по поверхности Эны.

— В юности, — недобро усмехнулся Шу. — А сейчас

какую пору своей бессмертной жизни ты переживаешь, глубокоочтимый ассистент Од?

— Никогда не задумывался над этим, учитель Шу.

— Напрасно... Так едешь со мной?

— Если вы этого хотите.

— Не терплю пустословия. Идем!

— Когда мы вернемся?

— Когда ты захочешь.

— Но...

— Никаких «но». Мы не воспользуемся подземными трассами. Я прилетел на гравилете. Он стоит на посадочном круге обсерватории.

Они вышли из лаборатории, в кабине лифта стремительно вознеслись в первый подземный этаж. По узкой винтовой лестнице поднялись в наземный павильон. За прозрачными стенами павильона все тонуло в мутной красноватой мгле. Сквозь завесу стремительно увлекаемой ураганом пыли чуть просвечивало маленькое багровое Солнце.

— Ничего,— сказал Шу.— Здесь близко. Добежим.

В низком прозрачном коридоре двери бесшумно раскрывались и снова задвигались за спиной. В наружных секциях под ногами закрипел песок. Раздвинулась последняя дверь — и в лицо ударил пыльный вихрь. Шу пригнулся и побежал, Од последовал за ним. Ветер зло и упруго бил в лицо. Под ногами текли коричневые струи песка, похожие на быстрых, извивающихся змей.

Синеватое полушарие гравилета выросло неожиданно в разрыве между двумя облаками крутящейся пыли. Корпус аппарата покоился на восьми невысоких коленчатых ногах-амортизаторах, глубоко ушедших в песок.

Шу и Од пробрались между амортизаторами под плоское дно гравилета. Люк открылся. Из входного тамбура опустилась легкая площадка. Поворот рычага, площадка поднялась. Автоматически включился аппарат продувки тамбура. Пыль с лица и одежды исчезла, воздух стал прозрачным. Од облегченно вздохнул, шагнув вслед за математиком в центральную кабину гравилета.

Шу опустился в кресло перед пультом управления, указал Од место возле себя. Аппарат дрогнул и быстро пошел вверх. Дно кабины стало прозрачным; Од увидел под ногами сферические крыши башен обсерватории. Они

стремительно проваливались вниз, то появляясь, то снова исчезая в тучах красноватой пыли. Быстро светлело, солнце светило все ярче. Зона урагана осталась где-то внизу. Гравилет перестал подниматься и полетел на юго-восток.

Скорость не ощущалась. Казалось, аппарат висит неподвижно под синевато-фиолетовым куполом неба, а внизу плывут на северо-запад красноватые равнины, местами задернутые клубящейся коричневой завесой песка и пыли.

Пустыня сменилась плоской буровой низменностью — дном давно исчезнувшего моря. Пересекли полосу больших плантаций, заброшенных тысячелетия назад. Пыльная мгла внизу исчезла.

Шу снизил гравилет и еще увеличил скорость. Плоская равнина, испещренная оспинами полуразрушенных кратеров, словно огромная красноватая река, текла навстречу и исчезала где-то далеко в туманном мареве западного горизонта.

Летели молча. Шу откинулся в кресле и прикрыл массивной волосатой рукой глаза. Лишь изредка он бросал быстрый взгляд на контрольные приборы.

Од внимательно глядел на плывшие под ногами равнины. Он не был в этих краях много лет. Впрочем, тут мало что изменилось. Вот разве полосы брошенных плантаций разрослись гуще и, наверно, стали совсем непроходимыми.

Од представил себе бесформенные красноватые наросты, покрытые броней игл. Лишь эти растения уцелели в отравленной атмосфере планеты. В течение тысячелетий эны вырабатывали из их мясистых стеблей все продукты питания. Было время, когда полосы тщательно обработанных больших плантаций паутиной геометрически правильной сети опутывали экваториальную область планеты. Но с уменьшением числа жителей все большие участки плантаций забрасывались и дичали. Однако и предоставленные самим себе уродливые растения не погибли. Они разрослись непроходимыми чащами, переплели бесформенные тела, скрестили чудовищные шипы и тысячекилометровыми стенами протянулись по пустынной поверхности планеты. Они противостоят натиску ураганов, кочующие пески отступают перед ними. Когда-нибудь они,

наверно, покроют сплошным красноватым наростом всю поверхность планеты: дно исчезнувших морей и плоские континенты, развалины древних городов, русла пересохших рек, остатки наземных трасс, посадочные площадки, руины обсерваторий. И под этой живой корой в глубоких подземельях планеты, словно термиты, будут доживать отведенное им время бессмертные эны...

Од вздрогнул, стиснул зубы.

Шу внимательно глянул на него, усмехнулся и кивнул на лежащие позади скафандры:

— Одевайся. Мы у цели. Вот Заки-оба.

На краю скалистого плоского красногорья, словно прочерченная гигантским циркулем, лежала плоская воронка. Ее обрамлял невысокий вал.

Далекий горизонт плавно наклонился, низкое оранжевое солнце заглянуло сквозь прозрачный пол кабины. Воронка на краю плато начала расти и разворачиваться. Гравилет шел на посадку.

— Возьмем с собой рефлекторы и лучевые пистолеты,— предупредил Шу, выключая гравитационный генератор.

Корпус аппарата чуть заметно колыхнулся на колесчатых ногах-амортизаторах и замер.

Од молча пристегнул к поясу скафандра конический футляр с лучевым пистолетом, повесил на грудь рефлектор и вопросительно взглянул на математика.

— Ты был здесь тридцать лет назад, ассистент Од,— усмехнулся Шу.— За это время новый вид плесени начисто сожрал целый пояс больших плантаций в западном полушарии... В этих необитаемых местах тоже могло кое-что измениться. Особенно за последние недели...

— Что вы имеете в виду, учитель Шу?

— Что имею в виду? Гм... посмотрим. Может быть, и ничего важного.

— Учитель Шу, объясните наконец, зачем...

— Привез тебя сюда, так? Чтобы поискать доказательств твоей гипотезы.

— Моей гипотезы?

— Ну да. Гипотезы обитаемости иных миров. Насколько понимаю, ты утверждаешь, что не только на Эне существует жизнь.

— Я говорил о Мауне, учитель Шу.

— Это одно и то же. Ты твердишь, что не только на Эне могла возникнуть жизнь, более того — разумная жизнь... А наш друг — Главный астроном — утверждает, что Эна — единственная колыбель жизни, если не во всей Вселенной, то по крайней мере в галактике.

— Не понимаю.

— Поймешь позже. Идем.

Выйдя из гравилета, Шу долго осматривался, заглядывая в окуляр рельефной микрокарты, которую захватил с собой.

Ассистент Од с любопытством глядел вокруг. Плоское дно гигантского цирка было покрыто красноватой щебенкой и песком. Местами из-под песка торчали куски шлака, ребра оплавленных каменных глыб, похожие на брызги пятна окисленного металла. Вдали, замыкая со всех сторон горизонт, тянулся зубчатый внешний вал метеоритного кратера.

Трудно было вообразить, что в былые времена где-то тут располагался огромный город и еще сейчас на глубине, вероятно, сохранились остатки подземных сооружений.

— Найти будет нелегко, — сказал наконец Шу. — Все засыпал проклятый песок.

— Что вы хотите искать, учитель Шу? — поинтересовался Од.

— Самую большую из метеоритных глыб. Она где-то в центре кратера. На карте хорошо видно... Вот, смотри. А в действительности один песок вокруг.

— На этой карте кратер показан более глубоким, — заметил Од.

— Еще бы, карта составлена около трех тысяч лет назад, когда разведывались метеоритные глыбы. С тех пор ураганы немало потрудились, засыпая воронку.

— Я, кажется, помню, где была центральная глыба, — сказал вдруг Од. — По-моему, это восточнее, за той песчаной грядой. Идемте.

— Да, это конечно она, — кивнул Шу, когда после долгого блуждания среди плоских гряд рыхлого песка, покрытого ветровой рябью, Од подвел его к невысоким зеленовато-серым скалам. — Сразу видно, не наши породы.

— В центре находился вход в шахту, — припоминал

Од.— Там была предупреждающая надпись, и я не посмел...

— Вот-вот,— обрадовался Шу,— он-то нам и нужен, этот вход. Показывай.

Солнце уже коснулось далекого гребня кольцевого вала кратера, когда Од разыскал среди лабиринта оплавленных зеленоватых скал воронкообразное устье наклонной шахты. В глубине шахты царил непроглядный мрак. Шу включил рефлектор, но яркий луч, осветив отполированные стены и ступеньки узкой крутой лестницы, потерялся в бескрайней тьме.

— Да, очень глубокая,— сказал Шу, словно отвечая на чей-то вопрос.— Это должно быть там...

Од указал на остатки надписи, вырезанной лучевым метателем прямо в скале, возле входа в шахту:

«Опасность обвалов. Вход категорически запрещен кому бы то ни было в любых целях. В случае нарушения...»

Дальше надпись не читалась.

— Это должно быть там,— повторил Шу.— Это очень важно... Ты боишься?

Од посмотрел вокруг. Солнце почти исчезло за кольцевым хребтом. Быстро темнело. Вдали из-за краснофиолетовых песчаных гряд и зеленоватых скал чуть виднелась вершина блестящей полусферы гравилета.

— Ночь наступает: Может, отложить до завтра? — Од вопросительно взглянул на математика.

— Там внизу все равно темно,— нахмурился Шу.— Если сигнализация еще работает, нам могут помешать. Надо торопиться.

— Сигнализация?

— Да, была раньше. Давно... На случай, если кто-то отважился бы спуститься. Надеюсь, она вышла из строя. Многие сети связи и сигнализации не действуют уже сотни лет. Может быть, эта тоже...

— Учитель Шу...

— Идем, идем. Там все станет ясно.— Шу решительно шагнул к отверстию шахты.

Они долго спускались по разбитым ступеням крутой каменной лестницы. Высокий, иссеченный трещинами свод матово поблескивал в лучах рефлекторов. Позади, далеко вверху, глаз едва различал чуть заметное красноватое

свечение вечернего неба. Потом шахта изменила направление, и светлое пятно входа исчезло. Мрак, пронизываемый лишь дрожащими лучами рефлекторов, плотно окружил Ода и Шу. Ствол шахты начал ветвиться. В стенах появились отверстия, ведущие в целый лабиринт боковых ходов. Некоторые ходы были горизонтальны, другие круто уходили вниз, третьи вели наверх.

Шу уверенно продвигался вперед. Он свернул в один боковой ход, затем в другой... Потом они долго шли чуть наклонным коридором. Од совершенно потерял ориентировку и слепо следовал за математиком. Два или три раза Шу останавливался, заглядывая в окуляр микрокарты, и снова шел дальше. Бросив взгляд на счетчик времени, Од сообразил, что спуск продолжается уже более часа.

«Мы углубились километра на полтора,— думал он.— Огромная глыба. Пожалуй, самая крупная из известных метеоритов. Разумеется, это была чудовищная катастрофа — падение такого обломка Фои!»

— Оно должно быть где-то здесь,— сказал вдруг Шу.— Внимательно осматривай стены, ассистент Од. Оно может быть только здесь...

— Обвал,— объявил Од.— Дальше обвал. Пути нет. Шу раздраженно пробормотал что-то.

— Эта часть метеоритной глыбы, кажется, состоит из осадочных формаций,— продолжал Од.— Видна слоистость. Породы непрочные. Получился обвал...

Шу осветил рефлектором нагромождение угловатых глыб, преградивших путь.

— Обвал свежий,— заметил он.— Недавний...

— Вероятно, не старше нескольких лет,— согласился Од.

— Или дней,— возразил математик.— Это искусственный обвал, ассистент Од. Взгляни на трещины. Нас опередили...

— Опередили? Кто и в чем?

— Кто, можно лишь догадываться, а вот в чем... Гм... посмотрим, какова глубина завала.

Шу вынул из кармана скафандра маленький лучевой зонд и, отойдя на несколько шагов от нагромождения камней, направил на них антенну излучателя. Стрелки прибора заколебались и замерли неподвижно.

Шу прищурился, прикинул в уме результат.

— Ну разумеется,— зло усмехнулся он.— Завалено до самого конца. Этот тоннель кончался тупиком. Точная работа... Без роботов тут ничего не сделаем. Надо возвращаться.

Од вопросительно глянул в глаза математика.

Шу пожал плечами:

— Я хотел показать тебе кое-что интересное. Од. Не получилось. Извини!

— Что здесь было?

— Одна из тайн... Круга Жизни и Смерти. Ты не ошибся, ассистент Од. Это действительно осадочные породы. Кусок внешней оболочки планеты Фои. Планеты, уничтоженной для того, чтобы сохранить бессмертие энов. Она ведь была необитаема и безжизненна, эта Фоя, взорванная нами три тысячелетия назад. Необитаема и безжизненна, не так ли? Это было установлено самой точной наукой — астрономией, хо-ха!.. И знаменитый астроном Уот подтвердил это. Архивы Уота были потом уничтожены, а может, их просто хорошо припрятали. Но кое-что сохранилось. Я вспомнил, благодаря этому древнему олуху — учителю Эгу... Мне удалось разыскать один очень старый и очень секретный документ. В свое время он послужил главной причиной осуждения Уота. Когда разведывали метеорит Заки-оба, тоннель, в котором мы сейчас находимся, вскрыл во внешней оболочке Фои останки существа, чрезвычайно похожего на нас — энов, останки одного из разумных обитателей уничтоженной нами «необитаемой» планеты... Хо-ха...

ИЗГНАНИЕ

Од молча следовал за астрономом Тором по бесконечным переходам, заброшенным лабораториям и пустынным залам Малого спутника Эны. Тор показывал немногие действующие приборы, автоматические самопишущие установки, регистраторы метеоритной пыли, фотографирующие устройства внешней обсерватории, размещенной на давно покинутом спутнике. Астроном Тор торопился вернуться на Эну. Ракета отправлялась через несколько часов.

— Год провести тут, конечно, нелегко,— говорил Тор.— Сказывается расстояние до Эны, до ее генераторов бессмертия... Я чувствую себя очень усталым... Кажется, за один год постарел на много лет. Генераторы прочно привязывают нас к Эне. Достаточно отдалиться хотя бы на время — и прощай бессмертие. Тебе, впрочем, это не страшно, ассистент Од. Ты очень молод, легко выдержишь. А в моем возрасте... Склады продовольствия внизу. Для жилья выберешь любую кабину. Их тут десять тысяч. Я жил в самом низу. Безопаснее на случай метеоритов; особенно после того, как осуществляют Великую Жертву. Аварийная ракета в центральном ангаре. Но ею разрешается пользоваться лишь в случае прямого попадания крупного метеорита и разрушения обсерватории. Кстати, утверждено ли решение о Великой Жертве?

— Не знаю,— тихо сказал Од.— Голосования на Совете так и не было. А что решил Круг Жизни и Смерти...

— Разумеется, Круг должен решить это сам,— убежденно объявил Тор.— И он решит; это вопрос его компетенции. Обсуждение на Совете — пустая болтовня. Великая Жертва необходима, необходима нам всем. Лишь глупцы и чудаки могут колебаться.

— Но если Мауна обитаема?..

— Вздор... В конце концов, дело даже не в этом. Речь идет о большем — о нашем бессмертии. Не так ли, ассистент Од?

Од не ответил.

— Кстати,— продолжал Тор,— чуть не забыл... В поле локаторов несколько недель назад попал какой-то странный предмет. Вероятно, крупный метеорит, хотя размер и форму определить еще нельзя. Он пока далеко, но идет на сближение с Эной. Я не успел произвести точного расчета траектории. Если это осколок Фои — они иногда еще пересекают орбиту Эны,— надо сорбшить наводящим станциям, чтобы попробовали перехватить. Может, он содержит радиоактивные вещества? Ты займись им, ассистент Од. Теперь важен каждый крупный метеорит. Вопрос только, попадет ли он в радиус действия наводящих станций... Сейчас он движется в секторе В-В-сто восемьдесят один. Ты понял меня?

Од молча кивнул.

— Раньше на этом заброшенном спутнике не было

постоянных наблюдателей,— снова заговорил астроном Тор, когда осмотр приборов был закончен.— Я сидел тут год, чтобы выверить и отрегулировать автоматические приборы. Эта работа выполнена, и, откровенно говоря, у тебя, ассистент Од, будет не много дела. Автоматы превосходно справляются сами. Можно подумать, что на Эне появился избыток астрономов и Совет решил снова сделать обитаемыми спутники. Или тебя послали потому, что Мауна скоро превратится в метеоритное облако и Главный астроном еще не нашел тебе достойного дела? Как, ассистент Од?

— Не знаю...

— Однако ты не очень разговорчив... Не грусти; год пройдет — и ты возвратишься. А может, после Великой Жертвы тут станет «горячо» и тебе придется убраться раньше... Метеоритные потоки Мауны могут так издырять оба спутника, и Большой и этот, что сделают их окончательно негодными для использования. Наши далекие предки действовали с размахом, но не очень задумывались о будущем. Создали в космосе чудовищные конструкции, а мы теперь не знаем, как их использовать.

— Наши далекие предки не рассчитывали, что потомки предпочтут остаться пленниками Эны,— возразил Од; его начала раздражать самоуверенная болтовня астронома Тора.

— «Предпочтут остаться пленниками»,— усмехнулся Тор.— Прав Главный астроном... Любишь ты громкие фразы, ассистент Од. Просто удивительно, как ты не понимаешь наиболее важного. Иногда мне начинает казаться, что некоторые из наших бессмертных морально не доросли до бессмертия. И не заслуживают его... Вот ты, например...

— Я не добивался его,— резко перебил Од.

— Разумеется. Оно теперь дается каждому, рожденному на Эне. Каждому, ассистент Од. Раньше существовал отбор: право на бессмертие приобретали достойнейшие. Теперь все... Исторический закон прогресса...

— Или закон убывающей рождаемости, которая стремится к нулю, а может, и достигла нуля?

— Фи, ассистент Од. Отвратителен этот твой критицизм. Во всем ты видишь отрицательное. Даже высочайшую гуманность готов истолковать с дурной стороны...

Прекратим этот спор... Лучше расскажи последние новости. Здесь так скверно работают каналы лучевой связи, что мне почти ничего не известно...

— Какие новости могут быть на Эне? Каждый занят своим делом и все.

— Никто не умер?

— Не знаю. Ведь это держат в тайне.

— Ну, любая тайна рано или поздно перестает быть тайной, а кое о чем можно догадаться.

— Не слышал... Впрочем, на последнем заседании Высшего Совета по каналу лучевой связи выступил отсутствовавший в зале высокочтимый учитель Хор. Перед выступлением Председатель объявил, что учитель Хор — Член Круга Жизни и Смерти. Кажется...

— Все ясно, ассистент Од! А ты говоришь, нет новостей. Значит, эта древняя мумия дожила-таки до предела бессмертия. Интересно, сколько ему могло быть лет? А?

— Не знаю.

— Верно, не меньше трех тысяч. Да, я уже не раз слышал, что три тысячи — это пока предел. Три тысячи... Ну ничего, когда мы доживем до такого возраста, надеюсь, он перестанет быть пределом. Недаром больше половины жителей Эны работают над проблемой расширения границ бессмертия.

— Откуда вы знаете все это, астроном Тор?

— А не надо быть наивным глупцом, мой милый. Вздор, что у нас нет информации. Есть! Надо только уметь ее достать. Вот так... А в отношении старого Хора можешь не сомневаться. Состав Круга Жизни и Смерти — величайшая тайна. Тут почти все каналы информации бесцельны. Известными становятся только имена членов Круга, которые умерли или должны умереть. Старого Хора уже больше не существует. Это так же верно, как и то, что я через несколько часов буду на Эне.

— Хор был великим ученым.

— Был... две тысячи лет назад. Признаться, я думал, что он давно умер. А он, вот как... Разумеется, последние столетия пользы от него было, как от мумии.

— Простите меня, астроном Тор, но можно ли так говорить о великом учителе Хоре?!

— Святая наивность! Никто нас не услышит Система

тайной сигнализации и связи на спутниках никогда не закладывалась. Ее изобрели, когда спутники были уже покинуты. Здесь можно говорить что угодно, когда угодно, с кем угодно. Конечно, с глазу на глаз.

— Астроном Тор, а вы никогда не думали, что рано или поздно доживете до того же предела, до которого дожил учитель Хор? Я имею в виду не его бессмертные открытия, а... состояние... живой мумии, как вы сказали.

— Гм... А об этом не надо думать, ассистент Од. Есть вещи, о которых не надо думать. И потом, за тысячи лет нашей практически бессмертной жизни границы бессмертия обязательно отодвинутся, обязательно, ассистент Од... Разве вы думаете иначе? Скажите?

Од молчал.

— Скажите же,— настаивал Тор.— Не бойтесь. Никто не узнает, а мне интересно ваше мнение... Вы не глупы и, значит, не могли не думать об этом.

— Я не боюсь говорить о том, что думаю,— сухо сказал Од.— Даже там, на Эне... Поэтому я сейчас здесь. Но теперь мне не хотелось бы продолжать разговор на эту тему... с вами, астроном Тор. Не обижайтесь... Мы слишком разные и все равно не поймем друг друга. Позвольте, лучше я помогу вам собраться. Время истекает.

— А у меня уже все собрано,— обиженно произнес астроном Тор.— Давно собрано... Ты чудак. Тебе надо было родиться раньше, гораздо раньше, ассистент Од!

* * *

Ракета с пилотом-автоматом стартовала точно по расписанию, увозя астронома Тора. Од остался на Малом спутнике один. Выйдя из стартового зала, Од несколько часов бесцельно бродил по пустым коридорам, спускался и поднимался по бесконечным винтовым лестницам, ведущим с этажа на этаж. Мягкий красноватый свет, наиболее привычный для глаз энов, заливал внутренние помещения Малого спутника. Светились стены, а в некоторых залах — потолки. Тысячелетия светился металлопласт, изготовленный руками далеких предков Ода.

Пройдут еще сотни и тысячи лет, а здесь, в этом полном металлическом шаре, по-прежнему будет светло и тепло. Так будет все время, пока солнечные лучи нагревают внешнюю оболочку Малого спутника.

Для жилья Од выбрал небольшую кабину в самом верхнем этаже, возле зала с телескопом. В полусферическом потолке кабины находилось овальное окно. Од отодвинул наружную бронирующую штору и увидел черное небо с россыпью ярких немигающих звезд и красноватый край огромного диска Эны.

Сквозь буро-оранжевую вуаль насыщенной пылью атмосферы чуть просвечивали метеоритные кратеры и геометризованный узор больших плантаций западного полушария. Это были древнейшие линии больших плантаций. Их закладку начали очень давно: тогда еще существовали остатки морей. По первоначальному замыслу линии плантаций должны были графически воплотить основные положения геометрии сферических фигур. Потом от первоначального плана пришлось отступить: не везде удалось создать зоны подземных водохранилищ, питающих плантации. Многие погибли во время войн, часть полос уничтожила плесень...

План был грандиозен. В его реализации сотни лет участвовало все многомиллиардное население Эны. Удалось спасти влагу поверхностных водоемов; остатки высыхающих морей, почти испарившихся от взрывов атомных бомб Второй войны, были спущены в подземные хранилища. Созданная над водохранилищами сеть плантаций разрешала главную проблему Эны. Все народы были обеспечены пищей. Началось стремительное развитие техники, постройка космических кораблей, гигантских искусственных спутников. Поэты писали о вечном мире, о золотом веке Эны, об эпохе космоса. Ученые ждали братьев по разуму из систем ближайших солнц. Узор больших плантаций Эны должен был стать надежным маяком для космонавтов иных миров, когда они проникнут в Систему.

А потом — кошмар последней войны... Так и не удалось установить, что явилось ее причиной. Безумная рука нажала кнопки — и взвились из подземных укрытий аннигилиновые ракеты. Последняя война была самой короткой и всеуничтожающей. Погибло многомиллиардное

население Эны, сгорели большие плантации, испарились последние капли воды с поверхности планеты, расплавились и растеклись потоками огненной лавы горные хребты. Самое удивительное, что несколько тысяч энов все-таки ухитрились пережить все это... Уцелели те, кто находился глубоко в недрах планеты: в зоне подземных водохранилищ, в секретных лабораториях, на постройке подземных городов, которые тогда только начали создавать.

Они уцелели — тысячная или миллионная доля населения планеты. И начали все сначала. Им на помощь пришла природа. Часть плантаций постепенно восстановилась после того, как ослабели чудовищные радиоактивные ураганы. Растения видоизменились, стали низкорослыми и уродливыми, но, даже будучи отравлены излучением, еще годились в пищу. И часть уцелевших энов, тоже изуродованных физически и морально, отравленных радиоактивностью, выжили. В этой поразительной, ни с чем не сравнимой борьбе эны еще раз одержали победу. Во всяком случае, они думают так. Радиоактивная пустыня не убила их. Более того, вынудила искать пути к бессмертию...

Глядя на едва различимый сквозь красноватую мглу узор больших плантаций, Од горько улыбается.

Бессмертные эны! Учитель Хор, Председатель, старый Эг, астроном Тор... Разве мумификация заменяет бессмертие жизни с ее вечным обновлением! Настоящее бессмертие — там, на Мауне. Оно было на Фое, преступно уничтоженной три тысячи лет назад. Оно на миллионах планет бесчисленных солнц. А здесь — тупик, ужасающий тупик без выхода, как тот, где Од побывал вместе с Шу. Мир живых мертвецов, мир призраков, рвущихся к бессмертию. Этот мир во что бы то ни стало, вопреки всем законам жизни, хочет существовать. И, подобно раковой опухоли, уничтожает все живое. Что делать, где найти выход? О, они не случайно отправили сюда его — Ода. Там был хоть Шу... Трудно понять, чего он хочет, этот Шу, но он не такой, как все. Там — Главный астроном. Он не разделяет мысли и чувства Ода, но он и не с теми, кто голосовал бы... Од убежден в этом.

А здесь Од совсем одинок; один внутри пустой ме-

таллической конструкции мертвого спутника. И все же выход должен быть. Надо найти его. Надо что-то придумать...

И Од думал, устремив взгляд к холодным искрам звезд...

ИЯ ХОЧЕТ ЗНАТЬ...

Главный астроном провел ночь у большого телескопа. Только с рассветом, когда зеленая Мауна поблекла в солнечных лучах, он оторвался от окуляра оптической трубы и выключил автоматические регистрирующие устройства.

Ночь выдалась тихая. Атмосфера Эны была на редкость прозрачна. Разноцветные пятна на поверхности Мауны различались отчетливо. Кажется, на этот раз он видел и ночные блики, которые Од называет «отблесками городов». Интересно, что покажут фотографии?..

Главный астроном откинулся в кресле. Опустил подбородок на сплетенные тонкие пальцы. Думал...

Конечно, Од — увлекающийся фантазер. Но он превосходный наблюдатель. Его карты Мауны поразительны... С веками придет рассудительность — и Од станет великим астрономом. С веками... Но как уберечь его? Если бы Ия согласилась... Она была дружна с Одом...

Главный астроном встал и принялся ходить по огромному залу.

Ия обещала приехать. Скоро она должна быть здесь. Председатель и почти все члены Высшего Совета сейчас на космодроме Черной пустыни. Может быть, отсутствие Ии пройдет незамеченным? Если бы она согласилась... Ракета отправится на Малый спутник сегодня. Сколько времени Од там один? Астроном Тор возвратился полгода назад. Ну конечно... Уже более полугода минуло со дня того заседания... Эх, Од, Од...

Осветился экран внутренней связи. Монотонный, похожий на жужжание голос робота-наблюдателя информировал:

— На площадке обсерватории совершил посадку гравилет. Пилот хочет видеть Главного астронома.

— Хорошо,— сказал Главный астроном.— Передать: жду в инструментальном зале большого телескопа.

— Понял,— прозвучал голос робота-наблюдателя.

Главный астроном переключил экран. На матовой поверхности появились контуры приземистых зданий обсерватории. По засыпанной красноватым песком дорожке в развевающемся белом плаще с откинутым капюшоном бежала Ия.

— Хорошо,— повторил Главный астроном и выключил экран.

* * *

— Я не опоздала, учитель? Что надо делать?

— Садись, и поговорим. Здесь никто не помешает. Рад, что ты приехала...

— Разве могло быть иначе, учитель!.. Од?..

— Да. Сегодня объявят о Великой Жертве. Если Од услышит...

— Я думала об этом. Но лучевой связи с Малым спутником почти нет.

— Помехи. Последние месяцы генераторы бессмертия снова увеличили мощность.

— Да... После того, как Круг Жизни и Смерти решил повторить Великую Жертву...

— Ия, недавно мне удалось побеседовать с Одом. Он утверждает еще об одном важном открытии... О каком-то космическом снаряде... Кажется, он считает, что снаряд запущен с Мауны.

— Вы рассказали об этом Председателю, учитель?

— Нет. Я плохо понял Ода. Мог ошибиться. Кроме того, теперь... Все равно... Судьба Мауны решена. Старт аннигилиновой ракеты...

— Отложен, учитель. На два-три дня.

— Причина?

— Точно не знаю, но должны установить еще какой-то прибор. Когда улетала с космодрома, возле ракеты было много энов и роботов.

— Срок пригодности расчетов истекает через три дня. Если старт не состоится, вычисления траектории придется производить заново. Это потребует времени. Тогда старт...

— Нет-нет... Ракета отправится в назначенный вами срок. Председатель не покидает космодрома и сам торопит всех.

— Так... Твое присутствие там обязательно?

— Сейчас нет, но перед самым стартом... Думаю, что в моем распоряжении почти два дня... Что надо делать?

— Лететь на Малый спутник. К Оду.

— Хорошо. Что еще?

— Значит, согласна?

— Конечно. Что еще?

— Предупредить... Ведь он не знает о Шу.

— Учитель, Шу был в Заки-оба один.

— Возможно, но многие считают, что и Од...

— Я слышала слова Шу: в подземельях Заки-оба он был один...

— Тем не менее некоторые утверждают, что и Од должен предстать перед Кругом Жизни и Смерти...

— После Великой Жертвы об этом позабудут.

— Поэтому хочу предупредить Ода: он ни в коем случае не должен покидать спутника. Я не мог прямо сказать ему об этом по каналу лучевой связи. Узнав о Великой Жертве, он может... Ты должна побывать у него. Успокой его и предупреди. Расскажи о судьбе Шу. Передай мой приказ. Он должен оставаться на Малом спутнике до конца этого года и весь следующий... Весь следующий год!.. Ты поняла? А потом может вернуться ко мне в Главную обсерваторию. Я буду ждать его. Поняла?.. Ия?

— Учитель, я знаю, последние недели вы наблюдали Мауну. Что?..

— Ничего нового, девочка...

— Значит, Од ошибался?

— Од всегда был немного фантазером. Разве ты не знаешь?

— Вы не отвечаете на мой вопрос, учитель. Од заблуждался или... он в чем-то прав?

— Я не могу ответить на такой вопрос. Поверь мне, я... я просто не знаю... Одно — предполагать, другое — быть уверенным. Да, множество ночей провел я у этого телескопа. И не видел многого из того, что как будто видел Од, а то, что я наблюдал, можно истолковать совершенно

иначе. На Мауне все так загадочно, но... И самое главное, теперь уже ни я, ни ты, ни Од — никто ничего не сможет изменить.

— Я это знаю, учитель.

— Лети, Ия, и сделай так, чтобы Од ни при каких обстоятельствах не покинул спутника. Ты это можешь... И еще одно: там, на спутнике, есть аварийная ракета... Она должна... стать неисправной после твоего отлета... Пойми, мы должны сделать все, чтобы Од не покинул Малого спутника...

ОД ПРОБУЕТ НАЙТИ ВЫХОД

Ракета уже дважды обогнула Малый спутник. Од отчетливо видел на фоне звезд сигнальные огни и светящийся хвост плазмы, извергаемой дюзами.

Скорей бы... Од кусает губы от нетерпения. Он полетит, несмотря на все запреты. Он должен знать, что происходит сейчас на Эне. Неужели эти безумцы решились? И это теперь, когда получены бесспорные доказательства...

Стоя на поблескивающих металлических плитах посадочной площадки, Од вглядывается в черноту звездного неба.

Высоко над головой слабо мерцают перекрещивающиеся полосы пунктиров — противометеоритная сеть. Она создает защитное гравитационное поле — и рои метеоритов огибают Малый спутник. В зените темные полосы сети вдруг ярко вспыхивают и затем исчезают. Сеть раскрылась, чтобы принять корабль. Вот и он сам. Плазменный двигатель уже выключен. Голубоватый, заостренный с концов цилиндр вертикально снижается к посадочной площадке, выставив растопыренные коленчатые ноги.

Легкое сотрясение поверхности спутника. Ноги ракеты коснулись плит посадочной площадки... Сейчас откроется люк и роботы начнут выгрузку. Люк раскрывается. В нем вырастает стройная фигурка в белом скафандре.

Од слышит в разговорном диске своего шлема знакомый голос.

— Ия? Ия здесь?..

И он бежит к огромному корпусу ракеты.

Малочисленность энов давно приучила их не тяготиться одиночеством. Но провести полгода в пустой металлической сфере в окружении одних роботов не легко даже влюбленному в свое дело исследователю. Од вдруг почувствовал это необычайно остро. А еще он почувствовал, что никого так не хотел бы увидеть здесь сейчас возле себя, как Ию. Ее прилет похож на чудо.

— Ты? — еще не веря глазам, спрашивает он и осторожно касается металлопластовыми рукавицами гибкой ткани ее скафандра.

Она улыбается:

— Конечно... Неужели я так изменилась за полгода?

— Нисколько. Хотя впервые вижу тебя в скафандре.

— И я тоже...

Первые ничего не значащие фразы. Вопросы, ответы на которые не дослушиваются до конца. Од ведет Ию во внутренние помещения спутника. Сброшены скафандры. Ия закручивает узлом длинные бронзовые волосы и рассказывает о чем-то совсем не важном. Од смотрит на нее с непостижимым для него самого удивлением. Там, внизу, на Эне, она не казалась ему такой красивой. В ней появилось что-то от женщин эпохи Древних царств — бесконечно далекой эпохи мужества, звучных стихов, поклонения красоте. Словно одна из прекрасных статуй, украшающих подземный город Искусств, сошла с высокого постамента и прилетела сюда, на мертвый спутник.

Од словно впервые замечает, как красивы руки Ии, как нежна смуглая кожа, как блестят большие синевато-зеленые глаза. Чуть откинув голову, она все еще не может справиться с тяжелыми прядями волос и смущенно улыбается. Вместо длинных белых одежд, которые носят женщины на Эне, скрывающих фигуру и руки, на ней короткая красная, шитая серебром туника. Ожерелье из мерцающих красноватыми огнями камней на смуглой шее. Тончайшая серебристая ткань плотно облегает стройные длинные ноги. Красота давно минувших поколений возродилась еще раз в этой последней дочери энов.

— Как ты прекрасна, Ия, — неожиданно для себя говорит Од.

— Тебе кажется,— смеется она.— Ты долго был один.

— Нет, не кажется,— неуверенно возражает он.— Это правда. Но я только теперь разглядел...

— Если не забудешь, можешь вернуться к этой теме там, внизу...— Ия с улыбкой указывает в окно, на багрово-красный диск Эны.— Там, внизу... через полтора года...

— Полтора года?

— Да, Од. Это приказ твоего учителя.

— Но...

— Ты должен подчиниться. Пойми, изменить ничего уже нельзя. Круг Жизни и Смерти принял бесповоротное решение. Его объявят завтра. А послезавтра на рассвете с космодрома Черной пустыни стартует межпланетный корабль. Он унесет с собой все запасы аннигилина Эны, выработанные реакторами бессмертия за последние тысячи лет. Через несколько недель на субсветовой скорости он встретится с Мауной... Как видишь, до Второй Великой Жертвы остался один шаг. Теперь этот шаг уже не может быть не сделан. Твой учитель сам наблюдал Мауну... Он...

— Передал он Совету о последнем открытии?..

— Он тебя плохо понял. Были помехи в лучевой связи...

— Так...— Од тяжело вздохнул.

— Не грусти. Множество открытий не получало признания. У тебя еще все впереди...

— Что ты говоришь, Ия! Я ведь показал тебе в большой телескоп отблеск городов Мауны...

— Но твой учитель утверждает...

— Что он может утверждать! Имеет ли он для этого право?.. Его не убеждают отблески городов? Вот... Вот запись электронных машин. Анализ пути космического тела, о котором мне сказал астроном Тор. Смотри... Это космическое тело отправлено с Мауны. В пути оно меняло направление и скорость. Это космический корабль. Либо на нем летят разумные существа, либо он управляется по каналам лучевой связи с космодрома, с которого взлетел. Он шел на сближение с Эной, но потом отклонился. Я не знаю, в чем дело. Может быть, их вообще не интересовала наша планета и цель корабля совершенно другая. Либо это неудачный эксперимент?.. Главное — что

он запущен с Мауны: значит, на Мауне есть жизнь, разумная жизнь, Ия... А мы...

— Бедный Од, даже если ты и прав, теперь поздно... Пойми... Но для всех нас было бы лучше, гораздо лучше, если бы и на этот раз ты ошибся. Ах, я так мало знаю, чтобы решать... За нашими учителями опыт веков... Твоим открытиям не хотят верить....

— Ия, где сейчас Шу?

— Шу? Зачем... он тебе?

— Он один мог бы еще помочь, посоветовать. Где он?

— Од, видишь ли... Это страшно, но ты должен узнать. Пять месяцев назад Шу был поставлен перед Кругом Жизни и Смерти. Он осужден и... исчез... Еще и поэтому твой учитель хотел... Понимаешь, дело в том, что...

— Понимаю. Как только я возвращусь на Эну, меня тоже...

— Нет-нет, Од. Шу осужден не за выступление на Совете. Уже после он... нарушил один запрет... Проник в подземелья...

— Заки-оба? Я был с ним там, Ия.

— Нет-нет! Не наговаривай на себя. Шу сказал, что был один. Совсем один. Его сопровождал робот...

— Я был с ним... Я... Он солгал, чтобы выгородить меня. Знаешь, почему под страхом смерти запрещен вход в те подземелья? Там доказательства обитаемости Фои; Фои, которую эны уничтожили ради своего бессмертия.

— Невозможно, Од... Что же это? Ты видел?..

— Нет. Кто-то побывал в подземелье незадолго до нас с Шу. Тоннель, где находились останки разумного обитателя Фои, засыпан. Но Шу разыскал в одном архиве документы...

— Все это похоже на страшный сон. Не могу поверить... Что же делать?

— Надо попытаться спасти их... там, на Мауне.

— Но как, Од? Это уже невозможно. Послезавтра на рассвете... Ты даже не успеешь собрать сторонников. Едва появишься на Эне и начнешь что-то доказывать, тебя схватят роботы Круга Жизни и Смерти.

— Доказывать поздно, надо действовать...

— Как?

— Задержать отлет корабля на несколько дней.

Потребуются новые расчеты траектории полета. Будет выиграно время...

— Пойми, в ближайшие два дня корабль может быть отправлен в любой миг. Для этого достаточно нажать кнопку. В случае угрозы задержки Председатель так и сделает. Дополнительное наведение осуществляют потом по каналам лучевой связи.

— Попытаться испортить что-нибудь в системе наведения?

— Как туда проникнешь?.. Корабль стерегут роботы.

— Тогда остается одно...

— Что?

— Уничтожить корабли!

— С его грузом аннигилина? Это может привести к гибели всей Эны...

— Она, вероятно, заслуживает такого конца!

— Од, ведь это наша родина...

— Да, конечно... Неужели нет выхода? Иного выхода, Ия?

— Боюсь, что нет... Надо покориться...

— Ни за что! Возвращаемся на Эну, Ия. Немедленно.

— Это гибель. Ты погибнешь, Од.

— Неужели ты думаешь, что, зная обо всем, я останусь тут... Останусь, зная, что Мауна населена разумными существами. Останусь, чтобы этой ценой, может быть, спасти самого себя... Ты первая была бы вправе презирать меня.

— Почему ты... один такой? Од!..

— Я не один... Вспомни обсуждение на Совете. Они побоялись голосовать... Нас таких много: Шу, ты, я и еще другие. Мы разобщены, плохо знаем друг друга, лишены правдивой информации, но мы существуем. И, раз существуем, должны действовать... Итак?

— Летим, Од!

— Подожди... Лучше сделать немного иначе. Ты останешься тут. Как будто я силой оставил тебя. Это снимет с тебя всякие подозрения...

— Неужели ты думаешь, что я могла бы... Ты первый был бы вправе презирать меня... Чьи это слова? И потом, без меня ты там ничего не сможешь сделать.

— Ия, назад пути не будет.

— Я уже сделала свой выбор, Од.

КОСМОДРОМ В ЧЕРНОЙ ПУСТЫНЕ

Ночь. Холодные вихри гонят песчаную пыль, пронзительно свистят и завывают среди черных уродливых скал. Низко над горизонтом, словно тусклый красноватый фонарь, светит Большой спутник. Звезд почти не видно сквозь пыльную мглу.

Исполинский конус космического корабля нацелен ввысь. Шесть гигантских ног-амортизаторов поддерживают кольцо стартовой ракеты. Она должна поднять и вынести за пределы атмосферы коническое тело корабля — чудовищного снаряда, несущего в себе смерть для целой планеты. Высоко над поверхностью Эны включатся двигатели космического корабля. Струи плазмы сожгут стартовую ракету, и освобожденный снаряд устремится прочь от Солнца, к окраинам планетной системы. Там, в пустоте космического пространства, он опишет гигантскую петлю и, разогнавшись до субсветовой скорости, пойдет навстречу обреченной Мауне.

Но пока корабль неподвижен. Момент старта еще не наступил. Пусто вокруг. Лишь пыльные вихри кружат между ногами-стабилизаторами да красноватыми точками горят во тьме круглые неподвижные глаза роботов, охраняющих космодром.

* * *

Гравилет совершил посадку в непроглядной тьме. Од и Ия молча выбрались наружу и торопливо пошли на север к космодрому. Полушарие гравилета сразу же растаяло во мраке.

Ия откинула шлем скафандра, и Од последовал ее примеру. Ледяной воздух обжег воспаленные лица. Дышать стало трудно, но они не замедлили шагов. Вокруг лежала самая большая из пустынь Эны — враждебно притаившаяся, безмолвная, безжалостная. Лишь вихри заводят вдали свою извечную песнь да песок поскрипывает под ногами...

В зените чернь неба искрится россыпью звезд. Ближе к горизонту звезды пригасают. Их свет почти не доходит сквозь пыльную мглу, взметенную ураганами. Грань пустыни и неба неуловима во мраке. Лишь на востоке,

у самого горизонта, тьма чуть багровеет. Скоро взойдет Большой спутник.

Справа и слева возникло что-то более черное, чем окружающий мрак.

— Скалы... Сейчас начнется спуск в котловину. Мы на месте, Од.

— Ты останешься здесь. Я спущусь один. Если я...

— Нет, Од. Один не найдешь... И потом, там роботы.

— Ия!

— Нет, Од, я с тобой.

— Ты понимаешь?

— Конечно. Но один ты погибнешь наверняка, а так есть какой-то ничтожный шанс. Быть может, удастся осуществить то, что мы задумали...

— Идем! До старта еще более пяти часов.

— Да. Если только они...

— Что, Ия?

— Нет, так... ничего... Идем быстрее.

Лабиринт темных скал, потом пологий спуск, снова скалы.

Багровый глаз Большого спутника выглянул из-за горизонта. Невдалеке, в центре плоской котловины, Од увидел темную громаду космического корабля.

Приглядевшись, Од вздыхает с облегчением:

— Это «Красный вихрь». Он хранился на Большом спутнике. Я был не один раз на этом корабле. Знаю расположение внутренних помещений. Когда-то его строили для полета на Вею...

— Внутри многое переделано, Од.

— Главное должно сохраниться. Входы в стабилизаторах стартовой ракеты?

— Да. Но надо попытаться проникнуть через ближайший стабилизатор. Он не попадает в поле зрения центрального экрана. Если на посту управления кто-то уже есть...

— Я успею. Достаточно отключить реле времени. Тогда вся контрольная система перегорит при нажатии стартовой кнопки. Исправления потребуют нескольких недель. Придется снова рассчитывать траекторию. За это время противники Великой Жертвы успеют объединиться.

— Тише, Од! Подожди мгновение...

Ия направила на ракету объектив «ночного глаза». На зеленоватом экране прибора появились четкие контуры стабилизаторов корабля.

— Возле каждого стабилизатора — робот охраны, — шепнула девушка. — Кажется, те, что были тут раньше... В ячейках их памяти, вероятно, запечатлен мой облик и голос. Сделаем так: я подойду прямо к роботу. Он попытается схватить меня, это отвлечет его внимание. Ты в это время проникнешь внутрь стабилизатора и поднимешься в аппаратную корабля. Если робот, узнав, отпустит меня, я останусь ждать тебя и потом дам приказ роботу пропустить нас. Если он схватит меня и поднимет тревогу, постараюсь устроить возможно больший переполох. Внимание всех роботов переключится на меня. В этот момент тебе необходимо незаметно выбраться с корабля. Спешу прямо к гравилету и улетаю, не дожидаясь моего возвращения. Вот тебе «ночной глаз» и лучевой пистолет — на случай, если кто-нибудь из роботов будет преследовать...

— А ты, Ия?

— Если меня схватят и потащат на пост управления, объясню, что заблудилась, возвращаясь на космодром.

— Может быть, лучше подождать момента ухода роботов?

— Останется слишком мало времени, Од. И может случиться, что роботов... вообще не уберут перед стартом...

— Тогда...

— Подберемся ближе, и каждый попытается выполнить свою часть... нашего безумного плана...

В темноте они бесшумно двинулись вперед. Потом поползли. Од не отрывал взгляда от экрана «ночного глаза». Гигантский корпус корабля был уже совсем близко. Он закрывал половину неба.

— Робот забеспокоился, — чуть слышно шепнул Од. — Крутит головой. Вероятно, обнаружил нас.

— Иду... Будь внимателен, Од. Тебе предстоит пройти через камеры сгорания стартовой ракеты. Не задерживайся... Ну, пусть все будет хорошо...

Ия опустила на лицо прозрачное забрало шлема, поднялась и быстро пошла навстречу роботу. Красные точки глаз стального стража вспыхнули ярче. Робот присел на кольчатых ногах, расставил лапы-клешни и

двинулся в сторону Ии. Не дойдя до робота нескольких шагов, Ия резко повернулась и побежала в темноту прочь от корабля. С неожиданной легкостью робот вприпрыжку последовал за ней.

Од вскочил и бросился к стабилизатору. Входное отверстие плотно закрыто. Од пытается ощупью найти рычаг или клавишу. Их нет.

Что же делать? Как проникнуть внутрь? Убегают бесценные минуты...

За стабилизатором на противоположной стороне стартовой площадки слышно какое-то движение, звонкая поступь металлических ног... Роботы?

Темная фигура появилась совсем близко. Од поднимает лучевой пистолет... Но это Ия.

— Что случилось, Од? — слышит он ее голос в разговорном диске шлема.

— Не могу открыть люк! — в отчаянии кричит Од.

— Я забыла сказать... — Ия наклоняется, шарит внизу в песке. Стальная плита бесшумно уходит в сторону.

— Спешу, Од, я буду ждать здесь. Спешу... Робот-преследователь узнал меня, но потом вдруг повернулся и побежал куда-то. Может быть, роботы уже получили приказ покинуть посты. Торопись, Од!

Од исчезает в овальном отверстии люка.

Ия ждет, прислонившись к отполированной поверхности стабилизатора.

Проходит минута, две, три... Од, без сомнения, уже миновал камеры сгорания. Еще недолго — и все кончится.

— Скорей, Од, скорей, — молит Ия, сжимая пальцы. Может быть, их безумная затея удастся. Мауна будет спасена, и они с Одом останутся живы. — Скорее, мой Од!

Нет... Не удалось...

Яркий свет заливает стартовую площадку. Их заметили.

Неужели конец...

Ия метнулась в тень стабилизатора. Сейчас ее не видно с поста управления...

Но прятаться нельзя. Если поднялась тревога, старт может быть дан каждую секунду. А там внутри Од. Он ничего не знает...

«Надо привлечь к себе их внимание,— думает Ия.— Если меня узнают, Председатель не нажмет стартовую кнопку. Я отвлеку их, и Оду удастся незаметно скрыться...»

Не раздумывая больше, Ия выбегает на ярко освещенную площадку, прямо под стартовые воронки ракеты.

* * *

В подземном зале, укрытом в скалистой гряде на окраине космодрома, перед экранами управления — Председатель Совета, Главный астроном, Главный кибернетик и еще несколько энов. Они молча сидят в глубоких креслах, поставленных полукругом перед центральным экраном. На экране темный контур космического корабля. Время от времени Председатель бросает взгляд на светящиеся шкалы пульта управления.

Один из энов нарушает молчание:

— Мудро, что в официальном сообщении мы указали более поздний момент старта. К утру могут начаться волнения... Но дело будет уже сделано... Вот так... Сколько осталось?

— Час двенадцать минут,— отвечает кто-то.

— Старт можно произвести в любой момент,— скрипучим голосом замечает Главный кибернетик.— Не так ли, отец астрономии?

Главный астроном молча кивает.

— Надо сначала убрать роботов охраны,— говорит Председатель.— Полчаса им будет достаточно, чтобы укрыться.

— Пусть горят,— скрипит Главный кибернетик.— То, что улетит, стоит дороже.

— У нас осталось не так много роботов,— возражает Председатель.— К чему бессмысленное расточительство? Мы сейчас лишены возможности производить новых.

— Убрать роботов — значит оставить на какое-то время корабль без защиты,— продолжает брюзжать кибернетик.— Нет гарантии, что не найдется фанатика... Слышали вчера отклики на чрезвычайное сообщение о Великой Жертве. Многие, о, многие возражали, и весьма резко. Вспоминали ассистента Ода... Кругу Жизни и Смерти стоит призадуматься... А тут,— старик указал на

экран,— поставлено на карту все. Абсолютно все. Аннигилина на Эне больше не осталось. Если промахнемся, отец астрономии, повторить Великую Жертву уже не сможем. Это, конечно, тайна Круга Жизни и Смерти, но здесь все свои... Если промахнемся, реакторы бессмертия через несколько лет придется остановить... Понимаете, что это означает?

— Промахнуться не можем,— резко говорит Председатель.— Все рассчитано предельно точно. Проверено много раз. В полете возможна корректура траектории. Мы поставили на карту все, но действуем наверняка. Приборы абсолютно надежны.

— Не нравится мне только последний «прибор», погруженный вчера,— ворчит кибернетик.— Зачем? Кому это надо?

— Довольно,— предупреждает Председатель.— Даже в этом кругу — ни слова. Этого не касаться, бессмертные эны.

— Не касаться так не касаться... Но, по-моему, абсурд!

— Сколько осталось?

— Час семь минут...

— Зачем тянем? Какое значение имеет час?

— Это один из точно рассчитанных моментов взлета. Если он будет выдержан, корректура в пути вообще не потребуется.

— Можно позднее ввести поправки.

— Куда вы спешите?..

Главный астроном рассеянно слушает обрывки фраз. Мысли его далеко.

Почему Ия не возвратилась? А может, она вернулась, но ее куда-то услали Председатель? Вчера он не вспоминал о ней... И Малый спутник молчит. Од не ответил на вызовы... Неужели, послав Ию на спутник, он совершил ошибку? Нет-нет!.. Чрезвычайное сообщение передано восемь часов назад. За это время Од успел бы возвратиться. Страшно подумать, что произошло бы... Од конечно любит Ию... Быть может, они просто захотели провести несколько дней вдвоем там — вдалеке от Эны. Если бы так было... Как тихо... И как невыносимо медленно тянется время.

— Пора убирать роботов,— это сказал Председатель.

Вокруг зашевелились. Председатель склонился над клавишами пульта.

На экране началось движение. Массивные металлические тела на высоких кольчатых ногах с длинными лапами-клешнями появились из темноты. Они, словно в нерешительности, затоптались на освещенной инфракрасными излучателями площадке между гигантскими ногами-стабилизаторами космического корабля. Конические головы роботов были украшены высокими зубчатыми гребнями. Маленькие глазки горели, словно раскаленные угли.

— Семь, восемь,— считал кибернетик.— Где-то должен быть еще один... Это называется программированием! Они еле реагируют на сигналы.

— Устаревшие модели...

Роботы построились парами и маршировали на месте, готовясь уйти.

— Надо включить полный свет,— проворчал кибернетик,— и осмотреть всю площадку.

— Вот последний,— тихо сказал Председатель.

Из темноты появился еще один металлический страж и неторопливо заковылял к остальным.

— Теперь все. Скомандуйте им «бегом», Председатель!

— Все команды даны.

— Однако они не торопятся их выполнять.

— Не кажется ли вам, что роботы чем-то встревожены?

— Вздор! Это наши нервы напряжены. Впрочем, скоро конец... Осталось сорок минут.

Маршируя парами, роботы медленно покидали стартовую площадку. Опоздавший робот ковылял последним. Он крутил конической головой; красноватые точки глаз ярко вспыхивали и пригасали. Казалось, что робот подмигивает наблюдавшим за ним знам.

— Это он от смущения, что опоздал,— усмехнулся кто-то за спиной Главного астронома.

— Не нравится мне этот робот,— отдельно произнес Главный кибернетик.

— Прикажите проверить его и размонтировать, если понадобится,— сказал Председатель, не отрывая взгляда от центрального экрана.— Роботы — ваше дело... Через двадцать минут они будут в укрытии, тогда...

— Поверьте, я не хуже вас знаю, что мне делать,— огрызнулся кибернетик.— А этот робот мне не нравится, повторяю... И не следовало снимать их с постов до старта. Поставили на карту все, а хотим сэкономить на девятке старых роботов...

— Успокойтесь, вокруг пустыня... А кроме того, бессмертные эны уже давно не способны на риск. Они могут возмущаться, кричать, но рисковать своей бесценной жизнью...

— Сколько роботов было в охране? — быстро спросил один из энов.

— Девять. Те, что ушли...

— А тогда кто там остался?

— Где?

— Да вот там. Посмотрите на боковой экран...

Главный астроном, сидевший против бокового экрана, поднял глаза и... сразу все понял. Еще не успев отдать себе отчета, что теперь делать, он инстинктивно встал, закрыв собой экран.

— Где, где? — спрашивали вокруг.

— Да вот тут, на малом... Отец астрономии, посторонитесь, вы все заслонили.

— Сейчас, сфокусирую,— спокойно сказал Главный астроном и выключил экран. Две маленькие фигурки в скафандрах, копошившиеся возле одного из стабилизаторов космического корабля, исчезли.

— Регулируйте свои телескопы! — кричал Главный кибернетик.— А тут позвольте нам...

— Я тоже умею обходиться с этим,— медленно проговорил Главный астроном.— Сейчас... А что вы, собственно, увидели? Кажется, там ничего не было...

«Безумцы, безумцы,— в отчаянии думал он, перебирая клавиши пульта,— безумцы, что вы натворили. За чем вам это?»

— Смотрите, один робот возвращается! — крикнул кто-то.

Все взгляды снова обратились на центральный экран.

Подпрыгивая на полусогнутых ногах, робот выбежал на стартовую площадку и остановился, словно в нерешительности. Он настороженно вертел конической головой. Красные глазки горели, как раскаленные угли. Руки-клешни были растопырены.

— Полный свет, быстро! — крикнул Главный кибернетик.

Ярко полыхнули экраны. Потoki зеленоватого света залили стартовую площадку. Перекрещивающиеся черные тени стабилизаторов легли на гладкую поверхность металлопласта. Ослепленный робот поспешно отступил к краю площадки.

— Ну и программирование, позор! — проскрипел Главный кибернетик. — Света испугался.

Главный астроном мысленно поблагодарил незадачливого робота за несколько секунд отсрочки.

— Что было на малом экране? — тревожно спросил Председатель.

Все молчали.

— Мне показалось... — начал один из энов.

— Именно показалось, — перебил Главный астроном. — Что там могло быть? Хотя, впрочем, может быть, этот бродячий робот...

Главный астроном включил боковой экран. Неторопливо фокусировал. В глубине экрана постепенно всплывал конический корпус корабля. Только корпус и тени ног-стабилизаторов на металлопласте. Возле стабилизатора никого не было.

Астроном медленно опустился в кресло. Не хватало воздуха. Он чувствовал, что задыхается. Кибернетик уставился на экран, потом смерил Главного астронома долгим испытующим взглядом, но ничего не сказал. Только пожевал тонкими синими губами и отвернулся к центральному экрану.

Главный астроном бросил быстрый взгляд на боковой экран.

Яркий свет и тени... Может быть, ему показалось?..

— Ничего не видно, — вздохнул его сосед. — Как со стартом, Председатель?

— Двадцать пять минут...

— Восемь роботов уже подходят к укрытию. А этого заблудившегося все равно придется сжечь. Он не успеет уйти. Интересно, что заставило его вернуться?.. Как по-вашему, отец астрономии?

— Что-нибудь не в порядке с настройкой, — прошептал Главный астроном. — Попробуйте включить звуковой сигнал, предупреждающий о старте.

— А это зачем? — подозрительно спросил кибернетик. — Кого вы хотите предупредить?

— Вашего робота... Звуковой сигнал должен подействовать... на его реле самозащиты. Может быть, он еще успеет... скрыться...

— Вас так тревожит судьба этого робота?

Главный астроном устало пожал плечами.

— Звукового сигнала не будет, — объявил Председатель. — Осталось двадцать минут.

Все умолкли.

— Девятнадцать...

— Восемнадцать...

— А где же робот?

— Он сейчас должен быть на площадке прямо под дюзами стартовой ракеты. Он направился туда.

— Семнадцать минут...

Поле зрения центрального экрана снова переместилось. Теперь на экране был виден весь корабль, от массивных ног-стабилизаторов до конической вершины. В ярком свете блестели металлопластовые плиты стартовой площадки, на которые опирались стабилизаторы. Дальше все тонуло во мраке.

— Вот робот. Не ушел...

— А-а!.. Смотрите, там еще кто-то...

— Да-да... Их двое!

Главный астроном принудил себя бросить взгляд на экран.

Ну конечно... В глазах потемнело, пол начал уплывать из-под ног.

«Неужели умираю?» — подумал без страха. Он уже ничего не видел. Только слышал голоса вокруг. И они звучали, как удары огромного гонга.

— Это эн...

— Эн в скафандре!

— Что это значит?

— Почему он здесь?

— Его я и видел! — торжествующе кричит кто-то. — Только мне показалось, их было двое...

— Что же делать?

— Может, кто-нибудь из контрольных наблюдателей?..

— Кто бы ни был, он не смел появиться здесь.

— Смотрите, робот пытается схватить его. Вот почему он вернулся...

— Молодец робот!

— Как машет руками эн! Похоже, он хочет привлечь внимание. И робот отступает... Робот узнал его... Кто-то из допущенных к тайне! Может быть, удастся спасти его?..

— Поздно,— звучит голос Председателя.— Кто бы он ни был, он — преступник. Сейчас он погибнет. Даю старт!..

Последним усилием воли Главный астроном размыкает веки и глядит не мигая на центральный экран.

* * *

Од стремительно бежит вверх по винтовой лестнице. Вот похожая на огромную полутемную пещеру камера сгорания стартовой ракеты. Зияют черными провалами отверстия, подводящие горючую смесь.

Од чувствует невольную дрожь.

В момент старта температура в этой темной пещере достигнет ста тысяч градусов и ее массивные жароустойчивые стены начнут испаряться.

Вперед! Скорее вперед!

Узкий проход, ведущий из стартовой ракеты в космический корабль. Длинная винтовая лестница. Вверх, быстрее вверх!

Здесь, за толстыми металлопластовыми стенами, находятся фотонные двигатели космического корабля. Выше все кабины заняты грузом аннигилина. Тысячи тонн аннигилина...

Наконец — центральный коридор верхней части корабля. Тут должны были находиться кабины космонавтов. Сейчас здесь тоже аннигилин.

Некоторые кабины остались пустыми. Вот и аппаратная. В ней все, как было: экраны, контрольные приборы, главный пульт. Ярко горят глазки сигнальных ламп. Вот и автопилот, соединенный с мощным приемником лучевой связи и реле времени.

Од протягивает руку к выключающему устройству, но, прежде чем пальцы успевают коснуться длинной изогнутой рукоятки, невероятной силы удар сотрясает тело корабля.

Неодолимая стремительная сила бросает Ода на эластичный пол кабины, вдавливая в него, расплющивая скафандр, лишая дыхания.

«„Красный вихрь“ стартовал,— проносится в мозгу... И как последний всплеск мысли: — А Ия? Ия!..»

* * *

Главный астроном не мигая глядит на центральный экран. Все вокруг приобретает необычайную резкость и замедляет ритм движения, потом останавливается. Главный астроном чувствует, как рвутся последние нити, связывающие его с окружающим миром. Он уже погружается в поток иного времени. Этот поток навсегда увлечет его прочь из мира и времени Эны... Туда, где нет ни света, ни форм, ни мыслей, ни самого времени, лишь неосязаемая бесконечность небытия. Ему не жаль, что он уходит... Бессмертно лишь мертвое. Смерть — свойство живого. Он жил... И, словно последняя искра умирающих желаний, вспыхивает мысль: «Удалось ли Оду?.. Успел ли?»

Остановившиеся глаза не мигая глядят на экран. Экран светлеет, белеет, разгорается ослепляющим пламенем. Струи раскаленной плазмы ударяют в стартовую площадку. Плавится камень и огромные металлопластовые плиты. Вихрь серебристого пепла взметнулся на месте робота. Взметнулся и исчез без следа. Ярче огненной плазмы вспыхнул скафандр эна. Вспыхнул и испарился. Призрак прекрасной женской фигуры среди бушующего пламени был последним образом, который унес с собой Главный астроном Эны из покидаемого им мира. И мысль: «Успел ли?»...

* * *

Вспышка в момент старта ослепила всех, кто находился в убежище. Когда эны раскрыли глаза, на месте стартовой площадки клубился огненный кратер, а ночное небо с померкшими звездами было перечеркнуто ярким бело-голубым хвостом, оставленным улетающей ракетой.

— Лети, лети,— пробормотал, потирая руки, Главный кибернетик.— Удачной тебе дороги, вестник бессмертия... Председатель, а не ассистент ли Од расстался с бессмертием там, под дюзами ракеты, в момент старта? Как вы думаете? И кто был вторым?

Председатель молчал. Он тоже думал, кто мог быть вторым... Он был так погружен в свои мысли, что даже не сразу понял, о чем шепчутся окружающие.

А они, глядя на неподвижное тело Главного астронома, шептали:

— Умер... умер во время старта... Как же так, бессмертные эны?

«КРАСНЫЙ ВИХРЬ» НЕСЕТСЯ ВПЕРЕД...

Тело кажется невыносимо тяжелым. Каждое движение причиняет острую пульсирующую боль. Легкие, сдавливаемые ускорением, не могут зачерпнуть воздуха. Еще не успев прийти в себя, Од чувствует, что задыхается. Он срывает шлем скафандра, пытается чуть приподнять налитую свинцом голову. На пульте управления мигают разноцветные глазки сигналов. Од хочет понять, о чем они сообщают. Если бы удалось добраться до пульта! Расстояние в несколько шагов при таком ускорении совершенно неодолимо...

Они отправили корабль раньше назначенного срока. Обманули... Боялись... Ия погибла... Он один в этом гробу, начиненном смертью. Все напрасно, если теперь он не сможет добраться до пульта управления... Он должен, должен сделать последние несколько шагов... С необычайной отчетливостью Од вдруг понимает, что ради этих последних шагов своего пути он жил и боролся. Эти несколько шагов — самые важные в жизни. Любой ценой он должен совершить их, чтобы не прервалась жизнь на прекрасной, загадочной, далекой планете. В память Ии он не может их не сделать... Закрыв глаза и стиснув зубы от невыносимой боли, Од пытается ползти. Проходят минуты, часы, может быть, дни времени Эны, а он все ползет, преодолевая коротенький путь. Сознание покидает его и снова возвращается... «Красный вихрь» продолжает

мчаться вперед. Ускорение не уменьшается. Какую часть пути уже совершил корабль? Пальцы Ода скребут эластичную обивку пола... Какую часть своего пути совершил Од? Пространство и время давно исчезли. Они растворились в боли и цветных вспышках на пульте...

И потом, в какой-то момент исчезнувшего времени, — последний бросок в несуществующем пространстве тесной кабины.

Тело, чудовищно утяжеленное ускорением, падает на клавиши пульта. Негнувшиеся пальцы неощущаемой руки отключают автопилота. Нити лучевой связи, протянутые к далекой Эне, рвутся. «Красный вихрь» стал неуправляемым...

И какое облегчение при мысли, что теперь можно умереть...

* * *

Но он не умер. Сознание возвратилось, когда исчезло ускорение и «Красный вихрь» перешел на свободный полет. Вернулось ощущение пространства и времени... Тело парит в воздухе. Вспыхивают и угасают огни на пульте. Од начинает читать их безмолвные сигналы. Там, на Эне, поняли, что вдруг утратили власть над кораблем. Там предпринимают отчаянные попытки, чтобы вернуть ее. Но они бессильны. С каждым мгновением «Красный вихрь» все сильнее отклоняется от своего точно рассчитанного пути. Никогда он не встретится с Мауной...

Ия погибла не напрасно, и Шу, и он — Од... Впрочем, он даже получил небольшую отсрочку...

Од взмахивает руками и подплывает к пульту. Включает поле искусственной гравитации; падает в кресло. Если могучая жизнь дарит ему еще частицу времени, надо подумать, как теперь поступить с «Красным вихрем». Эны, очутившись перед лицом неизбежной катастрофы, могут организовать погоню за «Вихрем». На Большом спутнике остались еще космические корабли... Надо увести «Вихрь» далеко за пределы Системы и там включить детонаторы аннигилиновых зарядов...

Пальцы Ода нажимают клавиши пульта. Вычислительные машины получают приказ определить положение

корабля и дальнейший путь. Уронив голову на руки, Од ждет ответа. Наконец ответ готов.

Од подносит к глазам ряды цифр. Пока он, преодолевая ускорение, полз к пульту управления корабля, «Красный вихрь» успел совершить свою гигантскую петлю за пределами Системы. Сейчас он мчится к Солнцу. Через несколько часов пересечет орбиту Мауны. Так как скорость корабля перестала возрастать, Мауна успеет уйти далеко от точки встречи. «Красный вихрь» минет Мауну на расстоянии, в сотни раз превышающем ее диаметр.

Од включает экраны внешнего наблюдения. Они освещаются. Од еще раз сможет увидеть свою мечту. Теперь — вблизи... Но скорость «Красного вихря» очень велика, и Мауна еще далеко.

Откинувшись в кресле, Од ждет. Голубовато-зеленый диск далекой планеты, окруженный россыпью звезд, постепенно увеличивается в размерах.

В ритмическое позванивание счетчика времени влетается какой-то посторонний звук. Од прислушивается. Похоже на далекий стук... Что это может быть? Ведь двигатели корабля выключены. Стук повторяется. Он доносится из коридора, ведущего в рубку управления.

Од встает из-за пульта и, придерживаясь руками за стену, медленно бредет в направлении стука. В коридоре стук слышен явственнее. Похоже, что он доносится из кабины в носовой части корабля. Удары следуют один за другим с небольшими промежутками.

Это здесь. Источник стука за этой дверью. Впрочем, двери тут сейчас нет. Раньше была, но теперь металлопласт двери и стены сплавлены широким швом.

«Замурованная дверь! — от этой мысли потемнело в глазах. — За дверью кто-то есть! Кто-то живой?»

Стук изнутри прекратился. Од изо всех сил трижды ударяет в то место, где была дверь, и слышит три слабых ответных удара.

Значит, он не один на «Красном вихре». Кто же там? Кричать и спрашивать сквозь стену бесполезно. Металлопласт непроницаем для голоса. Перестукиваться долго. Корабль приближается к орбите Мауны... И потом, тот, за замурованной дверью, быть может, нуждается в помощи?..

Од вспоминает о лучевом пистолете. Это единственный выход.

Пистолет в футляре на поясе скафандра. Од торопливо извлекает маленький блестящий цилиндр с изогнутой рукоятью. Отступив на несколько шагов от двери, направляет излучатель на заплавленный шов. Нажимает спуск. Коридор заполняется голубоватым, остро пахнущим паром. Светящиеся струйки металла стекают на темный пол и застывают, словно тонкий блестящий ледок. Горячего «льда» на полу становится все больше. Од чувствует жар даже сквозь теплонепроницаемую ткань скафандра. Клубы голубоватого пара густеют.

Од опускает пистолет и толкает нагревшуюся дверь. Она заметно колеблется. Осталось еще немного. Снова вспыхивает струя ослепляющего пламени, снова течет расплавленный металл. Пожалуй, довольно... Од хочет подойти к двери, но она содрогается от удара изнутри и падает. Голубоватый пар постепенно рассеивается. В овальном проеме двери Од видит фигуру в длинном белом плаще. Это древний старик. Его угловатая, заросшая седой щетиной голова и изрытое глубокими морщинами лицо кажутся Одлу странно знакомыми.

Старик пристально глядит на Ода, не делая попытки переступить порог своей кабины.

— Кто вы? — спрашивает Од.

— У меня нет имени, — глухо отвечает старик. — Круг Жизни и Смерти лишил меня его. Лучше скажите, кто вы и откуда взялись. И где мы находимся?

— Это «Красный вихрь». А меня зовут Од, ассистент Од.

Старик глядит с недоверием, и вдруг из его горла вырывается что-то похожее на смех.

— Невозможно... Невозможно!.. Разве прошли тысячелетия моего заточения тут? Я знал Ода... Он был молодым. Или все это сны... Сны смерти?

— Как звали вас?! — кричит Од.

— Там, на Эне, сотни или тысячи лет назад меня звали Шу.

— Шу, это вы? Что они сделали с вами?.. Не узнаете меня?.. Ведь я — Од! Од!

— Нет, нет, — бормочет старик. — Од был молодым. Это время. Сотни, тысячи лет... И сны смерти...

— Очнитесь, Шу, постарайтесь узнать меня. Не более десяти дней минуло с момента старта «Красного вихря». Всего десять дней времени Эны... Неужели вы не узнаете меня?..

— Я не безумен,— медленно говорит старик.— Мой ум ясен. Я помню вас... И если ты действительно Од... Вон застывший металл на полу. Он как зеркало. Вглядишься в свое изображение... Станешь ли ты и после этого утверждать, что прошло десять дней... И значит, всего полгода с того часа, когда философ Шу и ассистент Од сошли в подземелья Заки-оба?..

Пораженный словами старика, Од опускается на колени. Перед ним отражение в блестящей поверхности металла. Но кто это?..

Од с трудом удерживает восклицание ужаса. Отраженное в металле, на Ода глядит изможденное старческое лицо. Глубоко запали тусклые глаза, клокчья седых волос на лысом черепе, бороздами темных морщин изрыты бледные восковые щеки...

— Что же это? — шепчут губы Ода.

В ответ звучит булькающий горловой смех:

— Десять дней Эны... Хо-ха... Десять дней!..

* * *

Два глубоких старика склонились над внешним экраном космического корабля. Мауна приближается. В разрывах спиральных облаков уже видны блики света, отражаемые ее океанами.

— Все труднее дышать,— бормочет один из стариков, не отрывая взгляда от экрана.

— Мы умираем, ассистент Од,— шепчет другой.— Генераторы бессмертия далеко. Они остались на Эне. Вне поля их действия мы состарились стремительно. Десять дней, о которых ты говорил, стали для нас веками. Круг Жизни и Смерти знал, почему запрещает космические полеты. Полет — это смерть. Они и приговорили меня к забвению и смерти. Бессмертие сделало энов пленниками своей планеты. В бессмертии главный источник наших зол и бед. Бессмертие означает прекращение развития. Всякого развития, Од. Став бессмертными, эны остановились, застыли. В бессмертии — смерть живого начала. Жизнь —

развитие, творчество... А за века бессмертия эны не создали ничего нового. Лишь цеплялись за свое существование, старались продлить его, сделать абсолютным. И, добиваясь абсолютного бессмертия, рвали последние связи с жизнью. Величайшая из закономерностей природы оказалась нарушенной... Возмездие не заставит себя долго ждать.

— Может быть, они еще поймут... Теперь, когда горючее генераторов бессмертия на исходе... Они вынуждены будут искать иного пути...

— Может быть... Не все на Эне думают так, как думал старый Хор...

— Мауна приближается, Шу. Ты видишь?

— Да. И это все они хотели уничтожить.

— Смотри!

— О!..

— А тут...

— Ты был прав. Это города... Их города, Од!

— А вот они сами... Подумай, похожи на нас.

— Да. И тот, с Фои, был похож...

— Неужели их ждет судьба Эны, Шу?

— Пути жизни и пути цивилизации — не одно и то же. Жизнь, вероятно, развивается по сходным дорогам, цивилизация — разными. История народов Эны не обязательно должна быть законом. Мы забрели в тупик. А они... Все зависит от них самих.

— Расстояние начинает увеличиваться. Пошлем им прощальный привет, Шу.

— Это придется сделать тебе... Силы покидают меня. Глаза перестают видеть...

— Подожди, Шу, потерпи еще немного. Не оставляй меня одного... Сделаем последний шаг вместе...

— Торопись... Можешь не успеть... И не забудь... последний приказ вычислительным машинам... Пусть включают детонаторы там... за границами Системы. Проклятие должно быть снято... Космический корабль... с таким грузом, как наш... должен исчезнуть...

— Ты прав. Послушай, Шу! Не слышит... Все-таки поспешил... Жители Мауны, примите прощальный привет и предупреждение. Эстафета переходит к вам! Вам нести факел разума дальше — в иные миры... Будьте мудры! Мудры!.. Мудры!..

НА МАУНЕ

— Сигналы были очень отчетливы, — взволнованно говорил ассистент. — Последний повторен трижды. Это не природное радиоизлучение.

— А что же, по-вашему? — астроном иронически улыбнулся.

— Сигналы разумных существ.

— С иной планеты?

— Или с космического корабля, пролетевшего невдалеке от нашей. Источник сигналов смещался с большой угловой скоростью.

— Почему же космические гости не удостоили нас визитом?

— Кто может знать, с какой целью они пролетали!

— Фантазер вы, дорогой мой. Передайте все данные электронно-счетным машинам. Пусть проанализируют.

— Анализ прежде всего должны произвести мы.

— Вы, кажется, уже произвели, и он... выглядит несколько... неожиданно. Я больше полагаюсь на машины, дорогой коллега... Не позволяйте чувствам опережать рассудок. Это скверная черта для будущего ученого. Условия на остальных планетах Системы нам с вами превосходно известны. Нет никаких оснований предполагать там наличие жизни, тем более — высокоорганизованной разумной жизни.

— Но мы еще не побывали там, профессор.

— Разумеется. Именно поэтому в своих суждениях следует оставаться на позициях науки, логики, смысла. Мы еще вернемся к этой теме после результатов машинного анализа сигналов... И пожалуйста, никаких сенсационных интервью журналистам! За последние годы «космические утки» приняли угрожающие размеры. Нельзя опешлять науку.

За стенами радиообсерватории текла обычная жизнь... Четырехмиллиардное население планеты, разбросанное по пяти континентам и тысячам островов, жило своими большими и малыми успехами и неудачами, надеждами, планами, свершениями. Люди трудились и отдыхали, спали и бодрствовали, любили и ненавидели, готовились начать жизнь или проститься с ней... Они не сомневались в не-

зыблемости своей колыбели. Их волновали другие вопросы: война и мир, болезни и голод, труды завтрашнего дня, проблемы будущего года. Позади была долгая история веков и поколений, а впереди — неизведанные пути будущего.

Какой путь изберут жители Мауны и куда он приведет их? Каждый путь имеет свое начало, свои опасные повороты и... свой конец. Бесконечны лишь пространство и время, и, вероятно, бесконечен разум, если это разум гуманистов — тружеников и творцов...

1962 год

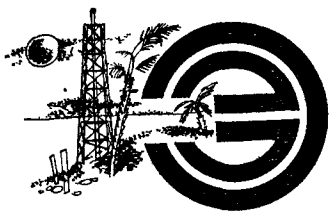

ТАЙНА АТОЛЛА МУАИ

ПОВЕСТЬ

то было короткое сообщение в утренней газете, всего десяток строк в нижнем углу восьмой полосы. Знакомое слово — Муаи — привлекло внимание. Муаи —

атолл в экваториальной области Тихого океана. Когда-то мне довелось побывать там. Однако заметка озаглавлена: «Существует ли остров Муаи?».

Я невольно пожал плечами. Опять чернильная утка! Журналисты считают читателей утренних газет глупцами. Лет двадцать назад мы разбурили коралловую постройку Муаи. Глава фирмы вообразил, что риф Муаи покоится на подводном кимберлитовом вулкане. Тогда, после открытия профессора Гомби, все бредили кимберлитовыми вулканами. Поговаривали, что алмазов в них больше, чем дырок в голландском сыре.

Геологи до сих пор спорят, есть ли на дне Тихого океана кимберлитовые вулканы. Пусть спорят. Я-то хорошо знаю, что цоколь Муаи сложен обычным оливковым базальтом. Что касается других подводных вулканов. Единственное свидетельство — слова профессора Гомби. Надеюсь, у него не было оснований обманывать меня...

«Существует ли остров Муаи?» Выдумают тоже... Я нацепил очки, отхлебнул кофе и пробежал глазами мелкие скупые строки...

Так вот оно что!.. Автор заметки вправе сомневаться... Выходит, тот неудачный эксперимент с водородной ракетой, «сошедшей с курса», не был так безобиден, как месяц назад твердили генералы. Черт побери!.. Стоило призадуматься, когда начались эти проклятые эксперименты над Тихим океаном... Они устроили свою адскую кухню недалеко от Муаи. Если бы вовремя рассказать о том, что знаю... Конечно, я виноват... Нельзя было молчать.

Мысли разбегались... Неужели все-таки правда? Такое не помещалось в голове. Не раз в трудные дни я вспоминал Ку Мара, и Справедливейшего, и остальных... И становилось легче на душе. Иногда даже задумывался: не вернуться ли на Муаи? Кажется, только теперь я понял, что означали для меня воспоминания двадцатилетней давности.

Надо что-то делать... Делать немедленно... Прежде всего, надо рассказать правду. Если ядерный взрыв действительно уничтожил маленький, затерянный в океане островок, пусть люди узнают о жертвах «неудачного испытания» водородной смерти! Никто не смеет утверждать, что Муаи — необитаемая скала, никто не имеет права сомневаться в существовании острова до водородного взрыва. Подлые лжецы!.. Ведь я-то знаю, как было дело...

* * *

В те годы я вел дневник. Листаю выгоревшие на солнце страницы. Вот несколько записей, сделанных в первые недели нашего пребывания на Муаи.

21 декабря. Вчера закончили выгрузку бурового оборудования и горючего.

Наш «Арли» прогудел трижды, развернулся и, оставляя бурые пятна нефти на голубовато-зеленой воде лагуны, неторопливо выбрался за полосу бурунов...

Да, да, все началось именно так... «Арли» направился на север, к Гаваям, а мы вчетвером остались на горячем белом песке пляжа. Позади громоздились штабели железа, ящиков, бочек. Впереди искрился и блестел под тропическим солнцем океан. Волны тяжело ударяли в гряду рифов, опоясывающих остров. Пенистые фонтаны взлетали к небу. Тяжелый гул, похожий на дальнюю канонаду, накатывался и затихал вместе с порывами горячего влажного ветра.

Невдалеке на плоском песчаном берегу росли пальмы. Бурые узловатые корни были похожи на клубки исполинских гусениц. Из-под пальм, оседлав причудливые сплетения корней, за нами с любопытством следили курчавые, коричневые, как шоколадки, мальчишки. Домики поселка чуть проглядывали вдали за высокими мохнатыми стволами.

Питер первый нарушил молчание.

— Пошли,— сказал он и мотнул головой в сторону деревни.

Питер Гутман — мой заместитель. Он мастер глубокого бурения. Ему за тридцать, на его счету сотни тысяч метров буровых скважин, пробуренных на всех шести континентах...

Джо горестно вздыхает:

— Шесть месяцев... Сто восемьдесят четыре дня...

Кажется, он нытик, этот Джо Перкинс. Уже считает дни до возвращения. Впрочем, в свои двадцать шесть лет он превосходный моторист и шофер и запросто поднимает на плечи стокилограммовый ящик. Но на островах Полинезии Джо впервые...

— Месяца через два будет почтовый пароход...

Это сказал Тоби, долговязый, молчаливый Тоби Уолл, которого Питер зовет «штангой». Видно, Тоби хочется утешить Джо, а заодно и самого себя.

— Выше головы, мальчишки,— советую я.— Скучать

не придется. За полгода надо продырявить остров насквозь. Четверо на такую скважину — это немного...

— Еще бы,— ворчит Питер.— Тут и восьми парням из Штатов хватило бы дела. Наше начальство экономит, шеф.

— Найдем туземцев,— обещаю я.

— И возможно скорее. С этим,— Питер кивает на ящики,— мы одни не управимся.

— Надо сначала получить согласие местной власти.

— Кто она? — деловито осведомляется Питер.

— Вождь Муаи. Его зовут Справедливейший из справедливых, мудрейший из мудрых, вышедший из синих волн Великого моря.

— Когда?

— Что когда?

— Когда он вышел оттуда? — Питер презрительно сплевывает вслед откатывающейся волне.

— Британский резидент на Такуоба говорил, что Справедливейший правит тут не менее десяти лет. Никто из европейцев его не видел, и, кажется, никто толком не знает, откуда он и когда появился на острове. Корабли заплывают сюда редко. Здесь до сих пор нет ни врача, ни колониальных чиновников. А миссионера, присланного с островов Фиджи, Справедливейший отправил обратно.

— Они язычники? — удивляется Джо.— А может, они и людоеды,— добавляет он, встревоженно глядя на нас.

— Только по большим праздникам,— успокаивает Питер, призывно взмахнув рукой.

Шоколадные мальчишки точно ждали сигнала. Они мгновенно окружают нас.

— Тебя как звать? — строго спрашивает Питер самого старшего.

Питер свободно владеет удивительным языком, на котором разговаривает большинство жителей островного мира в экваториальной части Тихого океана. Это «эсперанто» южных морей — единственный способ договорить-

ся с обитателями сотен островов, где в ходу не менее пятисот местных наречий.

Англичане называют этот невообразимый жаргон «пинджин инглиш» — «английский пингвиний». Но это не просто исковерканный язык потомков Шекспира.

Конечно, в нем немало слов, похожих на английские, но еще больше немецких, малайских, французских, наконец, местных словечек и выражений, почерпнутых из пятисот островных наречий Полинезии, Меланезии и Микронезии.

Мальчишка, которому задан вопрос, отвечает не сразу. Он критически разглядывает нас по очереди и наконец, прищурившись, говорит:

— Лопана Намабу Ку Мар.

— Это длинно, — морщится Питер. — Будем называть тебя просто Комар. Согласен?

Мальчишка сосредоточенно скребет курчавую голову и недоверчиво смотрит на Питера.

— Ку Мар, Ку Мар! — восторженно кричат остальные и наперебой что-то объясняют нам.

— Понятно, — объявляет Питер. — А теперь рассказывайте: как поболтать с вашим вождем?

Мгновенно становится тихо.

Парнишки смущенно глядят друг на друга, потом на нас, потом опять друг на друга. Молчание прерывает Ку Мар.

— Тебя как зовут? — спрашивает он по-английски.

— Ну, Питер...

— Ты наиглавный?

— Нет... — Питер явно обескуражен. — Вот наш начальник... Он — самый главный, — Питер кивает в мою сторону.

— Зачем тебе вождь? — деловито осведомляется у меня Ку Мар.

— Надо поговорить о разных делах, — возможно серьезнее объясняю я.

— О,— говорит Ку Мар.—
О-о,— повторяет он, презрительно надувая толстые губы.—
Нельзя...

— Что нельзя?

— Нельзя видеть вождь Муаи. Совсем нельзя разговаривать с вождь Муаи. Он не разговаривает с белым человеком. Никакой белый человек... Совсем, совсем, совсем...

— Почему?— недоумеваю я.

— Такой закон Муаи.

— Гм...— это сказал Питер.

— Такой закон,— серьезно повторяет Ку Мар.

— Слушай, парень,— шепчет Питер, страшно вытаращив глаза.— Знаешь, зачем мы приехали?

Ку Мар поспешно пятится и отрицательно трясет головой.

— Видишь эти железные трубы,— Питер указывает на лежащие возле ящиков буровые штанги.— Мы сделаем дырку в вашем острове. Понимаешь, насквозь. Вот так,— Питер достает из кармана полотняных штанов большой банан и неторопливо протыкает его указательным пальцем.

Парнишки затаив дыхание следят за этой операцией. Когда черная обводка ногтя появляется на противоположной стороне банана, они дружно вздыхают, а Ку Мар одобрительно шмыгает носом.

Питер извлекает палец из банана и, прищурившись, глядит сквозь продырявленный банан на Ку Мара.

— Через такую дыру,— мечтательно продолжает Питер,— можно заглянуть на ту сторону Земли — в Америку. Если будешь помогать, позволю тебе заглянуть туда.

— Как помогать? — спрашивает Ку Мар.— Я не умею вертеть такой дыра.

— Проводи нас сейчас к вождю.

— А если не буду помогать? — в голосе Ку Мара слышится откровенная насмешка.

— Тогда я сделаю дыру сам... Спущу в нее всю воду из этого моря, всю рыбу и всех черепах. У вас больше не будет моря.

Ку Мар что-то быстро говорит своим товарищам. Парнишки прыскают со смеху, приседают и бьют себя ладонями по коричневым коленям.

— Мой старый бабка,— очень серьезно говорит Ку Мар,— когда я был совсем-совсем маленький, рассказывал старый-старый сказка. Один большой обезьян рассердился и хотел выпить целый море. Пил, пил, лопнул вот тут,— Ку Мар трет себя ладонью по животу,— упал в море, его рыбы съели. Интересный сказка, что?

Мы ехидно ухмыляемся, но Питер не обижается.

— А ты, оказывается, парень не промах,— говорит он Ку Мару, похлопывая его по плечу.— Ну как? Пошли к вождю?

— Нельзя,— решительно возражает Ку Мар.— Я правда говорил. Совсем нельзя... Совсем, совсем, совсем...

4 я н в а р я... Прошло две недели, как мы высадились на остров, а дело не продвинулось, ни на шаг. Ку Мар не обманывал: добиться аудиенции у местной власти оказалось потруднее, чем получить благословение папы римского. Этот Справедливейший не вылезает из своего коттеджа. А попасть в коттедж, не затеяв драки со стражами, невозможно.

У входа на веранду постоянно дежурят двое парней из местной «гвардии». Они стоят, широко расставив коричневые босые ноги. Из-под шикарных, шитых золотом камзолов выглядывают белые полотняные трусы. На курчавых волосах — ярко начищенные пожарные каски с перьями; из желтых кобур торчат черные рукоятки автоматических вальтеров. Караульные молчаливы и надменны. Нам не приходилось наблюдать, как они сменяются. Я вообще не видел «гвардии» Муаи в количестве большем, чем эта бравая пара... Теперь я уже хорошо знаю многих обитателей единственного поселка. Это веселые общительные парни, всегда готовые помочь, пренебрегающие любой одеждой, кроме белых полотняных трусов. Питер уверяет, что почетный караул у резиденции Справедливейшего из справедливых, мудрейшего из мудрых несут по очереди все жители Муаи мужского пола старше четырнадцати

лет. Если это правда, значит, при смене караула они передают друг другу не только широкие пояса и вальтеры, шитые золотом камзолы и медные каски, но и свою великолепную надменность, которой каждому хватает только на время почетного дежурства. Впрочем, они изрядные хитрецы, эти обитатели Муаи... И самое странное — все они категорически отказываются быть посредниками между нами и вождем. Ни уговоры, ни подарки не помогают.

Помню, как обитатели Муаи трясли курчавыми головами и повторяли одну и ту же фразу:

— Нельзя! Совсем нельзя...

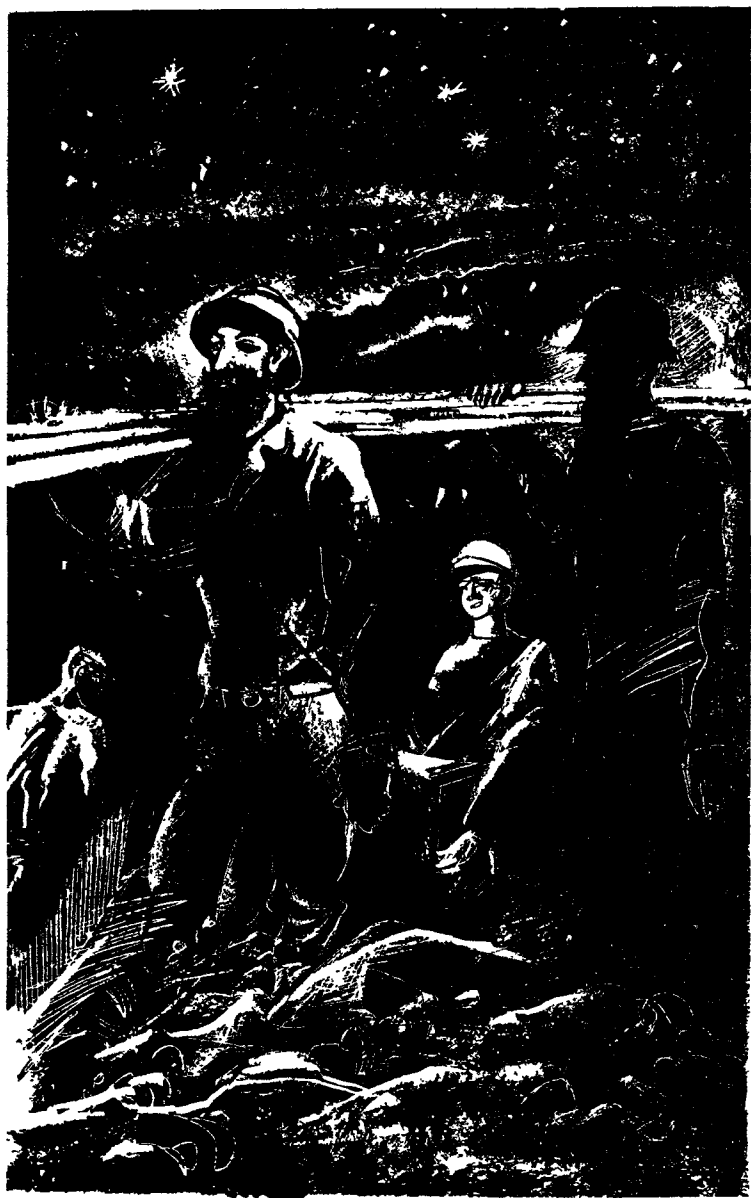
А стоило кому-нибудь из нас приблизиться к резиденции Справедливейшего, как молчаливые и надменные стражи в трусах и шитых золотом камзолах начинали расстегивать кобуры вальтеров.

При всем этом мы вначале не имели ни малейшего повода жаловаться на обитателей острова. Они зазывали в гости, угощали островными яствами и пивом, пели и плясали в нашу честь. Однако «железный занавес» спускался каждый раз, лишь только я начинал говорить о встрече с вождем или просил принять участие в переноске бурового оборудования. Островитяне охотно помогли поставить палатки, натаскали камней для очага, перенесли к лагерю ящики с продуктами. Но, сколько мы ни уговаривали, ни один муаец не хотел прикоснуться к оборудованию и буровым трубам.

Чертыхаясь, мы принялись таскать на собственных плечах тяжелые ящики, штанги и звенья буровой вышки. Это была адская работа, если принять во внимание влажную жару, рыхлый песок под ногами и расстояние в три четверти мили, отделявшие место выгрузки от площадки возле лагеря, на которой мы собирали буровую. Транспортировка шла ужасно медленно; за неделю мы не перетаскали и десятой части того, что у нас было. Мои ребята приуныли.

— Нет, так дальше не пойдет, шеф, — заявил однажды утром Питер, сбрасывая на горячий песок длинную буровую штангу, которую притащил на плечах, как коромысло.

Следом за Питером приплелся Джо, сгибаясь под

тяжестью ящика с инструментами. Опустив ящик на песок, Джо присел на корточки и молча закурил.

Питер, насупившись, глядел в пустой океан. Джо склонил голову набок и, шевеля губами, принялся читать надпись на ящике. Потом вопросительно глянул на меня, перевел глаза на Питера.

Рассеянный взгляд моего помощника продолжал блуждать где-то среди искристого простора тяжелых голубовато-серых валов.

Джо тихонько кашлянул:

— Слышь, Питер, а Питер, сколько мы выгрузили комплектов вот этого? — он похлопал рукой по ящику, который только что принес.

Питер глянул через плечо.

— Дурацкий вопрос... Сколько? Ясно — один!..

— Нет, ты припомни точно, Питер, — мягко настаивал Джо. — Сколько.

— Чего привязался, — вспылил Питер. — Это ящик с запасными шестернями... Конечно, он был один.

— А вот и не один, — возразил Джо. — Я уже третий такой ящик сюда притаскиваю. Тащу, понимаешь, и думаю: зачем нам столько запасных шестеренок?.. Три ящика шестеренок...

— Это у него от жары, шеф, — мрачно пояснил Питер и отвернулся.

— Ничего не от жары, — обиделся Джо. — Правду говорю... Ей-богу, третий...

— Не может быть, Джо, — сказал я. — Ящик с запасными шестернями был один. Вы что-то спутали.

— А вот и не спутал, шеф, — возразил, удивленно помаргивая, Джо. — Извините меня, но, право, я не спутал. Хотите покажу?

— Ну покажи-покажи, — сплевывая сквозь зубы, процедил Питер.

Джо молча поднялся и стал разглядывать площадку, на которой лежало перетащенное оборудование. Потом принялся шарить среди ящиков.

— Ну как? — поинтересовался через несколько минут Питер.

Джо смущенно кашлянул и, закусив губы, отправился к месту выгрузки.

— Так дальше не пойдет, — повторил Питер, подни-

маясь.— У ребят винтик за винтик заскакивает. Чего-то надо предпринимать, шеф.

И Питер неторопливо зашагал по белому песчаному пляжу вслед за Джо.

Вечером мы устроили совет. Питер первым взял слово и предложил прорваться силой в резиденцию вождя и потребовать встречи со Справедливейшим.

Я поинтересовался мнением остальных.

Тоби по обыкновению молчал. На мой прямой вопрос он только передвинул потухшую трубку из правого угла губ в левый и пожал плечами.

Джо на вопрос ответил вопросом:

— А если стрелять будут?

— Сначала они в воздух,— успокоил Питер.

— Кто их знает,— продолжал сомневаться Джо.— И все-таки, как ни считай, нас тут четверо, а их — четыре десятка одних мужчин наберется... И гости мы вроде...

— Вот это самое главное,— сказал я.— Мы здесь гости... Хоть и незваные, а гости. Поэтому будем вести себя прилично. Начать войну — не штука... Попробуем достигнуть цели мирными средствами. Завтра я пойду еще раз в деревню, постараюсь добиться свидания с кем-нибудь из приближенных Справедливейшего. Ведь должны же быть у него приближенные? Возьму подарки. Буду уговаривать...

— Если не вернетесь к обеду, придем вас выручать, шеф,— объявил Питер.

На том и порешили.

6 я н в а р я. Очередной поход в деревню оказался безрезультатным. Я не встретил никого, с кем можно было бы поговорить. Деревня словно вымерла. В легких хижинах было тихо. Не видно ни женщин, ни детворы. Только стражи в шитых золотом камзолах топтались на солнцепеке у входа в резиденцию. С ними разговаривать было бесполезно...

Хорошо помню тот день... Я бродил по притихшей деревне. Заглядывал в хижины. Всюду было пусто. Лишь в крайней хижине на цветной циновке лежала седая злого

вида старуха в короткой полосатой юбке и с увлечением... читала книгу.

Я поздоровался и вежливо спросил, куда девались обитатели деревни.

— Уехал ловить рыба,— отрезала старуха.

— А Справедливейший?

Не удостаивая меня взглядом, старуха пожала плечами.

Я подождал немного. Старуха продолжала читать. Пришлось уйти ни с чем.

Вернувшись в лагерь, я застал своих ребят в крайнем возбуждении.

— Все-таки я был прав, я был прав,— твердил Джо, красный, как божья коровка.

— Полюбуйтесь на него,— возмущенно кричал Питер.— Он — прав! Эти обезьяны потешаются, разыгрывают нас, как последних ослов, а он радуется, что был прав. Заметил, надо было сразу сказать...

— А вы не хотели меня слушать,— оправдывался Джо.

— В чем дело, мальчики? — поинтересовался я.

— Видите ли, шеф,— начал Джо,— вчера, когда мы говорили насчет этого, вот этого,— Джо указал на ящик с запасными шестернями,— я подумал, что с этим ящиком что-то нечисто, но я не был уверен и поэтому не настаивал, а вот сегодня,— Джо тяжело вздохнул,— сегодня я...

— Сегодня он в четвертый раз припер ящик с шестернями с причала в лагерь,— сказал Тоби, не разжимая зубов, в которых торчала трубка.

— Зачем? — спросил я.

— Так он был там, у причала,— объяснил Джо.— Понимаете, шеф, не здесь, где я его вчера оставил, а там... Я думал, четвертый. Приношу, а он тут один...

— Короче говоря,— прервал Питер,— днем мы таскали все это барахло сюда, а ночью оно возвращалось обратно к причалу. Мы по ночам храпели, как святые, а днем удивлялись, что так чертовски медленно идет транспортировка.

— Возможно ли? — все еще не веря, начал я.— Неужели они...

— А кто еще! — зло бросил Питер.— Не мы же станем этим заниматься. Ну ладно, сегодня я их выслежу...

Клянусь, шеф, после сегодняшней ночи ни у одной из здешних обезьян не останется охоты для таких штук...

Мы до вечера таскали оборудование с причала в лагерь. Перед заходом солнца ознакомили суриком все, что уже находилось на площадке, выбранной под буровую. Я составил список, показал его Питеру.

— Да, — сказал мой помощник. — Если бы сразу заметили, можно было бы уже собирать вышку... Еще никогда в жизни меня так не болванили. Вас, наверно, тоже, шеф?.. Интересно, зачем им это понадобилось?

«Зачем им это понадобилось?» Я с обеда ломал голову над этой загадкой. Почему они не хотят, чтобы мы просверлили дырку в их острове? Ведь они совсем не выглядят суеверными, эти обитатели Муаи. Питер, конечно, прав. Меня тоже нигде и никогда так не одурачивали...

Ночью мы решили дежурить по очереди. Дежурные сменялись аккуратно каждые два часа. Ночь прошла спокойно. Никто из часовых не заметил ничего подозрительного. Тем не менее, когда рассвело, мы недосчитались трех тяжелых ящиков и четырех буровых штанг. Разумеется, все это снова оказалось у причала, в куче оборудования, приготовленной для переноски.

— А ну признавайтесь, кто из вас спал? — допытывался Питер у Джо и Тоби.

Те клялись, что во время дежурства не сомкнули глаз.

— Но и мы с вами не могли проспать, шеф, не так ли?

Я согласился, что не могли. И все-таки у нас из-под носа уволокли целый штабель железа. И ни одна штанга не звякнула, ни один ящик не скрипнул.

Днем я снова наведалься в деревню — и опять без результата. Не видел даже вчерашней старухи. Только охрана была на месте у коттеджа Справедливейшего. Я попытался приблизиться, но, остановленный предупреждающим окриком и совершенно недвусмысленными жестами, вынужден был повернуть обратно.

За ужином мы рассуждали, каким путем возвращается к причалу наше оборудование.

— Может, перевозят на пирогах вдоль берега лагуны? — предположил Джо.

Питер покачал головой:

— Нет, таскают на плечах, как и мы.

— А следы... Почему не остается следов?

— Просто мы не обращали внимания. Сами тоже ходим босиком.

— Сегодня им не удастся,— подмигнул Джо.— У нас сигнализация...

— Мы привязали к ящикам капроновые лески,— пояснил Питер.— Трубы и штанги обвязали веревками. Всюду в промежутках натянули нитки и повесили пустые жестянки. В случае чего такой звон поднимется...

— Можно даже не караулить,— мечтательно протянул Джо.— Все равно услышим и проснемся...

— Но-но,— предупредил Питер.— Ты, наверное, и вчера тоже...

Невдалеке послышался шорох. Солнце село несколько минут назад, было уже почти темно... Мы повскакали с ящиков, заменявших стулья, и Питер, как тигр, устремился в темноту. Джо еще не успел последовать его примеру, когда Питер уже возвратился. С торжествующим криком он тащил за собой маленькую упирающуюся фигурку.

Когда луч фонаря упал на лицо пленника, мы все ошеломленно ахнули. Это был Ку Мар.

— Ах ты чертенок,— удивленно протянул Питер.— Ты что делал там в темноте?

Ку Мар сердито вырвал руку из широкой ладони Питера, оправил рубашку и присел на край ящика.

— Зачем хватаешь? — сказал он, не глядя на нас.— Я в гости шел. Вот, рыба вам принес...

И он положил передо мной большую связку рыбы, блеснувшую влажной чешуей.

Мы смущенно молчали. Питер глядел исподлобья на Ку Мара и сердито сопел.

— Ну, здравствуй,— продолжал Ку Мар как ни в чем не бывало.— Я вас давно не видел. Три дня мы все море плавал, рыба ловил. Много рыба. Хороший. Сегодня вечер назад приплыл...

— Здравствуй, Ку Мар,— сказал я.— За рыбу спасибо. А Питера извини. Он испугался. Ему показалось, кто-то ящики взять хочет.

— Кому нужен такой твой ящик,— презрительно на-

дул губы Ку Мар.— Муаи нет вор. Муаи все человек честный. Самый честный на целый океан. Как здесь работал? Хорошо работал?..

В тоне, каким был задан последний вопрос, мне почудился оттенок иронии. Я внимательно глянул на мальчишку, но глаза Ку Мара были устремлены в открытую банку с шоколадом. Мы угостили парня шоколадом и чаем. Ку Мар не торопился уходить. Он выпил большую кружку чаю, попросил налить еще. Рассказывал, как обитатели поселка ловили рыбу в океане.

— Хорошо было, интересно. Все муаи пошли океан. Дома никто не остался.

— Неужели все уезжали? — усомнился я.

— Все... Деревня один-два старый человек оставался... Больше никто.

— А Справедливейший?..

Ку Мар замотал курчавой головой:

— Я не знает.

— Так был он на рыбной ловле или не был?

— Я не знает.

Когда чай был выпит и банка с шоколадом опустела, Ку Мар пожелал нам спокойной ночи и отправился домой. Маленькая его фигурка сразу растаяла в непроглядной тьме, но мы еще долго слышали его гортанный ягутиный говорок. Удаляясь, Ку Мар распевал во все горло. Он пел о маленьком острове, большом море и глупом старом обезьяне, который не знал, чего хотел...

— Как тихо,— сказал Джо.— Даже волн не слышно...

— Это к буре,— проворчал Питер.— Тихо, и душно, и звезды закрыло. Идет ураган...

И, словно в подтверждение его слов, далекая оранжевая зарница полыхнула над океаном...

Гроза началась глубокой ночью. Налетел порыв теплого влажного ветра, зазвенели пустые консервные банки, развешанные Джо среди склада оборудования. И сразу же крупные капли дождя забарабанили по тенту палатки. Потом небо треснуло у нас над головами. Ослепительная белая молния озарила пустой берег, пальмы, гнущиеся от порывов ветра, косые струи стремительно надвигавшегося ливня... И началось...

Мне не в новинку ярость тропических гроз. Но такой грозы, как в ту ночь, не припоминаю. С неба, озаренного

непрерывными всплесками белых и зеленоватых молний, на лагерь обрушился гроыхающий водопад. Струи воды, толстые, как канаты, притиснули тент к потолку палатки. Палатка наполнилась водяной пылью. Я сидел на койке, закрывшись плащом, и чувствовал, как потоки теплой воды бегут под ногами. Гул дождя заглушал удары грома. Питер сидел напротив меня. При наиболее ярких вспышках молний он приподнимался и выглядывал в открытую дверь палатки. Что-то кричал мне, но его голос тонул в шуме дождя и раскатах грома...

Гроза бушевала около двух часов. Потом утихла так же стремительно, как и разразилась.

О сне нечего было и думать. Все промокло насквозь. Мы разломали несколько ящиков. Полили бензином. Питер щелкнул зажигалкой — и в темное небо, где в разрывах облаков уже поблескивали звезды, взметнулись языки пламени. Присев на корточки на мокром песке, мы молча глядели в огонь. Джо сушил мокрый носовой платок. Тоби старательно раскуривал трубку.

— В такую грозу можно было утащить весь лагерь, — заметил Джо, поднося платок к самому огню.

— Они, пожалуй, предпочли сидеть в хижинах, — проворчал Питер.

Тоби ничего не сказал, только осторожно отвел платок Джо подальше от пламени.

— Они придут под утро, — сказал Питер. — Это просто, как манная каша, которую Тоби приготовит на завтрак. Не так ли, Тоби?

— Нет, — возразил Тоби. — Сегодня дежурит Джо.

— Это не меняет дела, — сказал Питер и отвернулся.

Мы сидели у костра, пока не забрезжил рассвет. Влажный ветер угнал облака. Солнце выкатилось над фиолетовой гладью океана и засияло с туманного безоблачного неба. Воздух был так насыщен влагой, что Джо не удалось высушить своего носового платка. Теперь Джо разложил его на ящике и придавил осколком большой раковины, чтобы не улетел.

Покончив с этим, Джо огляделся.

— Кажется, все на местах, — объявил он и облегченно вздохнул.

— Все, — подтвердил Питер, который тоже внимательно оглядывал склад оборудования. — Все на местах, пар-

ни, за исключением твоего ящика с шестеренками, Джо, десятка штанг и еще кой-какой мелочи весом килограмм триста...

И Питер закончил свою тираду замысловатым немецким ругательством, которое, немного подумав, сам же перевел на английский и потом на испанский. Мы слушали молча. Ящика с шестеренками, который вечером стоял возле самой палатки Джо, действительно не было, и штабель штанг заметно уменьшился.

— Что же это? — сказал наконец Джо. Мне показалось, он готов расплакаться.

— Принимайся за свои обязанности, Джо, — посоветовал Питер. — Приготовь хороший омлет и не забудь положить побольше перца. После завтрака предлагаю окружить деревню и поджечь с четырех сторон...

После завтрака мы вчетвером отправились в деревню. Стражи у коттеджа вождя торчали на своих местах.

Снова, уже в который раз, я попытался начать переговоры с расстояния в двадцать шагов. Ответом было молчание... Потом выступил вперед Питер. С той же самой дистанции он прокричал все известные ему ругательства, вошедшие в словарь «пинджин инглиш». В замысловатой вязи непереводаемых эпитетов выражение «полосатые каналы, нафаршированные дохлыми кальмарами» звучало почти комплиментом.

Стражи равнодушно поглядывали в нашу сторону. Словоизвержение Питера явно не произвело на них впечатления.

— Довольно, Питер, — попросил я. — Вы же видите, это бесполезно...

Питер послушно умолк. Его словарный запас был исчерпан. Мы молча переглядывались.

Внезапно Джо осенила блестящая идея.

— Послушайте, шеф, — выпалил он, широко раскрыв глаза, — а не сыграть ли нам в телефон?

— Что такое?

— У парня горячка, — хрипло пробормотал Питер.

— Нет-нет, — запротестовал Джо. — Это такая игра. Знаете? Хотя это будет не телефон, а скорее... громкоговоритель.

— Какой еще громкоговоритель?

— Послушайте. Мы стоим вот тут, где стоим, и по

команде хором крикнем, что нам надо. Понимаете, все вместе. Может, он там услышит.

— Мысль, достойная головы Джо,— заметил Питер.— Но мы ничего не теряем. В нашем положении можно попробовать даже это.

Мы посоветовались, и я составил краткий текст устного обращения к «власти Муаи». Питер перевел «обращение» на «пинджин инглиш» и записал латинскими буквами. Каждый из нас потренировался шепотом в произношении каскада непонятных звуков.

— А теперь повторяйте хором за мной,— сказал Питер.— Хором и возможно громче...

Зычный вопль четырех здоровых глоток разорвал знойное штилевое безмолвие. Серые попугайчики, гнездившиеся в кронах пальм, всполошились не на шутку. Стремительными стайками они заметались над поселком, оглашая окрестности пронзительными криками. Залаяли собаки, заблеяли козы и овцы.

В ближайших хижинах зашевелились яркие циновки, из-за них появились удивленные и встревоженные физиономии обитателей Муаи. Даже надменные стражи в медных касках растерялись. Они завертели головами, неуверенно поглядывая друг на друга, на нас, на двери, которые охраняли.

А мы продолжали хоровую мелодекламацию. Гудел бас Тоби, высоким дискантом надрывался Джо, мы с Питером вторили им по мере сил. Мы отчетливо отчеканили слова, которые потихоньку подсказывал Питер, и после каждого слова оглушительно орали:

— В-ва-а!..

Это «В-ва-а!..» звучало особенно мощно. Питер уверял, что оно не переводилось, но подчеркивало многозначительность и важность всего остального. Не сомневаюсь, что, окажись мы на эстраде в Чикаго, наш ансамбль имел бы ошеломляющий успех. Но мы были на Муаи...

Проревев в последний раз «В-ва-а», мы замолчали и поглядели друг на друга. Стало тихо. Покачивая головами, обитатели Муаи исчезали в своих хижинах. Стражи, присев на корточки, выжидательно поглядывали в нашу сторону. Лишь серые попугайчики не могли успокоиться. Они кружились над деревьями и оживленно обсуждали удивительное происшествие.

Из коттеджа так никто и не появился. И тогда впервые мне пришла в голову странная мысль, что, может быть, он пуст. И вождя там нет. И эти экзотические стражи никого не охраняют. И загадка Муаи совсем в другом...

Кто-то осторожно потянул меня за рубаху. Я оглянулся. Сзади стоял Ку Мар.

Он одобрительно кивал курчавой головой.

— Что скажешь? — поинтересовался я.

— Хорошо орал! — со знанием дела похвалил Ку Мар. — О-о... Очень хорошо. Да!

— Нам необходимо видеть вождя, — сказал я. Это прозвучало, как попытка оправдаться.

— Ай-я-яй, — сочувственно закивал Ку Мар, — ай-я-яй! Нельзя... Плохо будет. Совсем плохо будет... Слушай, — Ку Мар вдруг перешел на шепот. — Положи подарка вот тут. Вот тут на земля. И записка положи. Такой большой записка. Напиши там, чего надо. Хорошо напиши... Как орал! И подпись сделай. Пусть лежит вот тут... А завтра утром приходи... Может, хорошо будет.

— Придется так и поступить, — сказал я, и по-испански Питеру: — Может, парнишка специально подослан... Может быть, завтра нам удастся добиться аудиенции.

— Попробуем, — не очень уверенно согласился Питер. — Во всяком случае, это ничуть не хуже, чем «громкоговоритель», придуманный Джо.

— Или твое сольное выступление, — отпарировал Джо, густо покраснев.

— Ладно уж, — примирительно махнул рукой Питер. — Все мы тут не выглядим мудрецами. Пишите, шеф. Я попробую перевести ваш меморандум на «пинджинглиш»...

Я быстро написал записку. Наши пожелания и требования выразил предельно лаконично в трех пунктах: встреча с вождем, помощь при строительстве буровой вышки, в остальном — невмешательство и взаимное уважение суверенитета... Помощь обещал оплатить натурой или долларами. Предупреждал, что с этой ночи лагерь охраняется. В незваных гостей будем стрелять без предупреждения.

Питер с тяжелым вздохом взял у меня записку и

принялся переводить на «пинджин инглиш». Написав несколько слов, он закусил губы и стал сосредоточенно скрестить голову. Ку Мар с интересом следил за ним. Питер написал еще слово, перечеркнул и вполголоса выругался. Крупные капли пота скатывались по его сосредоточенному лицу и падали на бумагу.

— Да ну, Питер, ты попроще,— не выдержал Джо.— Это тебе не школьное сочинение...

— А ты заткнись! — посоветовал Питер, посасывая кончик авторучки.— Попробуй переведи просто, если у них, к примеру, вместо того чтобы сказать «зонт», говорят: «Не очнь большой дом, который носишь под мышкой и поднимаешь навстречу дождю, если не хочешь повстречаться с ним». А если, например, надо сказать «болван» то приходится говорить: «Облезлая обезьяна, у которой хвост на месте головы, а вместо головы пустая тыква, набитая прокисшими отрубями». И еще надо к этому трижды прибавить: «В-ва-а...»

— Правильно,— подтвердил Ку Мар, внимательно слушавший Питера.

— А ты лучше помог бы, если понимаешь, в чем дело,— сердито бросил Питер, вынимая авторучку из рта.

— Давай,— просто сказал Ку Мар.

— Что тебе давать?

— Бумага давай.

— Зачем?

— Помогать буду.

— Ты умеешь писать? — изумился Питер.

— Немного... Немного лучше, чем ты.

— Что?..

— Давай покажу.

— И понимаешь, что написано здесь, в этой записке?

— Где начальник написал английский слова? Немного понимаю.

— Гм... Ну, вот тебе перо и бумага. Попробуй переведи.

— Попробовать что?

— Попробуй напиши словами муан то, что начальник писал в своей записке.

— Давай чистый бумага,— решительно сказал Ку Мар.

— Зачем? Ты продолжай то, что я начал.

— Нельзя,— заявил Ку Мар, возвращая Питеру листок перевода.

— Почему нельзя?

— Там,— Ку Мар застенчиво улыбнулся,— там немного неправильно писал... Кто будет читать, очень обижайся. А если не обижайся, будет сильно смеяться. Вот так: хо-хо-хо ..— и Ку Мар, широко улыбаясь, потер себя ладонью по животу.

— Хи-хи,— не выдержал Джо, а Тоби вынул трубку изо рта и принялся громко сморкаться.

Питер выглядел несколько обескураженным, но не хотел сдаваться.

— А где не так? — придирчиво поинтересовался он, подозрительно поглядывая то на Ку Мара, то на свое сочинение.

— О, вот тут и тут,— Ку Мар бесцеремонно тыкал коричневым пальцем в каракули Питера.— И еще тут .. О, совсем много.

— Ладно...— сказал Питер.— Пиши ты. Посмотрим.

— Давай бумага и садись вот тут на землю.

— Это еще зачем?

— Как писать буду? Твой спина писать буду. Другой столик нет. Садись, пожалуйста.

— Гм...— сказал Питер, но подчинился.

Ку Мар присел на корточки, положил чистый лист бумаги на спину Питера и принялся писать ровным, довольно правильным почерком, время от времени поглядывая на мою записку. Исписав сверху донизу один лист бумаги, он попросил второй, потом третий.

Мы терпеливо ждали.

— Все,— объявил Ку Мар и поставил жирную точку.

— Ну-ка давай я проверю,— сказал Питер, с трудом распрямляя затекшую спину.

Ку Мар отдал ему исписанные листки. Питер внимательно прочитал их и, кажется, остался доволен.

— Грамотей,— с оттенком уважения заметил он — Чисто написал и, в общем, понятно. Лучше, чем я. Кто это тебя успел научить?

— Кто? — презрительно надул губы Ку Мар.— Муаи много грамотный. Все грамотный.. Один старый бабка Хмок Фуа Кукамару немного неграмотный. Сейчас учится.

— Интересно...— протянул Питер.— Если, конечно, не врешь. Так, может, муаи и по-английски понимают?

— Немного понимают.

— А вождь? — не выдержал я.— Может, и он тоже?..

— Не знаю...— сказал Ку Мар и посмотрел на меня с откровенной издевкой.

— Так чего ради мы здесь морочили себе головы с переводом? — сердито спросил Питер.— Зачем мы

все это делали, шеф, если каждый, гм... Ку Мар мог перевести ваше письмо этой загадочной местной власти. А ты чего не сказал? — напустился Питер на Ку Мара.

— Зачем говорить? — удивился Ку Мар.— Ты просил, я помогал. А зачем, я не знаю. Зачем так писал, не знаю... Зачем орал там, тоже не знаю. Зачем дырка остров делать хочешь, тоже не знаю. Я ничего не знаю. Я только помогал немного, что просил.

— Вождь Муаи поймет, в чем дело, если ему оставить только записку начальника и подарки? А то, что писал ты, не оставлять?

— Не знаю...

— Ладно, Питер,— вмешался я.— Положите посреди площади обе записки вместе с подарками, и пошли. Мы и так потеряли здесь полдня. Спасибо за помощь, Ку Мар. Приходи в гости.

— Приду,— обещал Ку Мар и побежал домой.

* * *

Еще не дойдя до лагеря, мы почувствовали, что дело неладно. Прерывистые полосы, словно глубокие колеи, тянулись вдоль всего пляжа. Местами их уже заровняли волны, но на сухом белом песке они были видны очень отчетливо. Каждый из нас готов был поклясться, что утром, когда мы шли в деревню, этих полос не было.

— Штанги,— твердил, сжимая кулаки, Питер.— Говорю вам, парни, это штанги. Пока мы горланили на площади, эти обезьяньи дети опять околпачили нас...

Однако то, что мы застали в лагере, превзошло самые худшие ожидания. Площадка, на которой утром лежало оборудование, была пуста. Штанги, обсадные трубы, секции буровой вышки, инструменты — все исчезло. Не осталось ни одного болта, ни одной гайки. Только кухонная утварь, продукты и наши палатки. И словно чтобы подчеркнуть всю бездну издевательства, жертвой которого мы стали, на обеденном столе возле палаток высилась целая гора «подарков»: фрукты, свежая рыба, поднос с устрицами, оплетенные тыквы с местным пивом.

Ребята безмолвно повалились на песок в тени навеса. Молчание длилось долго.

Первым его нарушил Тоби.

— А не сыграть ли нам в телефон? — негромко предложил он, не выпуская из рта потухшей трубки. И, не дожидаясь ответа, наградил Джо звонким шлепком.

— Ну ты, полегче, — возмутился Джо, поспешно откатываясь в сторону.

— Начинаем войну, шеф? — спросил Питер.

— Вернемся в деревню и потребуем объяснений. Надо только проверить, где оборудование: снова у причала или исчезло совсем...

— Если бы исчезло, мы его под землей нашли бы. Тогда нашлись бы и виновники. Разумеется — опять у причала...

— Сегодня любой ценой войду в дом вождя, — запальчиво сказал я. — Если они станут стрелять, мы тоже откроем огонь.

— А не снять ли сначала часовых? — предложил Питер. — Берусь сделать это с трехсот метров.

— Первый выстрел — объявление войны. Пусть ответственность за начало военных действий падает на них.

— Превосходно, шеф. Если останусь жив, обещаю каждый день до отъезда убирать вашу могилку свежими цветами.

— Но я не хочу... — начал Джо.

— Смирно! — прервал Питер. — Шеф объявил мобилизацию. Берите карабины и — шагом марш.

— Но я...

— Молчать! Вот твой карабин, проверь его. А ты чего ждешь, Штанга?

— Я за мирное разрешение споров,— спокойно объявил Тоби, выколачивая трубку.— Я сохраняю нейтралитет.

— Ага, и я тоже! — крикнул Джо, откладывая карабин.

— Труссы,— взорвался Питер.— Бабы, слюнтая...

— Попридержи язык! Ты ведь тоже заключил контракт на бурение, а не на службу в колониальной полиции.

— Вот именно,— подтвердил Джо.

— Все равно — трусы. Над вами потешаются, а вы бормочете о нейтралитете. Труссы!

— Если еще раз повторишь это слово, Питер, подавишься им вместе с осколками зубов,— сурово предупредил Тоби.

— Довольно, мальчики,— вмешался я.— Пошли к причалу, а оттуда, кто не боится,— в деревню.

Тоби и Джо поднялись без слова. Мы в молчании покинули лагерь. По пути, оглянувшись на своих спутников, я убедился, что только Питер вооружен. Тоби и Джо демонстративно оставили карабины в лагере.

10 я н в а р я... Наши вчерашние перипетии кончились довольно неожиданно. Убедившись, что все исчезнувшее оборудование снова находится у причала, мы отправились в деревню. Тут нас ожидал новый сюрприз. Посреди площади, на том месте, где мы оставили подарки и меморандум, лежала красивая циновка, сплетенная из пальмовых волокон. На ней громоздилась куча ответных подарков — копченая рыба, тыквы с напитками, рыболовные снасти, миски из панциря морской черепахи и гигантские перламутровые раковины, отливающие на солнце всеми цветами радуги. В одной из раковин торчала свернутая трубочкой записка.

Она была нацарапана по-английски.

„Справедливейший приветствует гостей и благодарит за подарки. Справедливейший всемилостивейше обещает аудиенцию в полдень через три ночи. Справедливейший просит не делать дырок в острове до встречи с ним...“

Помню, я тотчас же прочитал записку ребятам.

— Ну, вот и хорошо,— обрадовался Джо.

— Если это не попытка оттянуть время,— добавил Питер.

Тоби по обыкновению ничего не сказал, только поса-сывал свою трубку.

Мы забрали подарки и вернулись в лагерь.

Вечером за ужином Питер задал вопрос, который в равной степени волновал всех:

— Завтра опять станем выючными ослами, шеф?

— А что ты предлагаешь? — поинтересовался я.

Питер испытующе глянул на меня:

— Я предлагаю изменить место бурения. Соберем вышку возле причала. Какая разница, где продырявить этот паршивый остров?

— Место бурения задано главным геологом. Утверждено боссом. Древние лавы, а значит, и алмазоносные кимберлиты тут, возле нашего лагеря, кажется, залегают ближе к поверхности.

— Вы сказали «кажется», шеф?

— Да... Точно этого никто не знает.

— Значит, все равно, где бурить?

— А если скважина у причала вообще не встретит лав? — не сдавался я. — Если проектной глубины не хватит и скважину придется остановить в теле кораллового рифа, венчающего древний вулкан? С меня начальство голову снимет...

— Проектной глубины может не хватить и тут. Мы ведь не знаем толщины рифа.

— Разумеется... Но тогда пусть беспокоится начальство.

— Выходит, завтра снова таскать штапги к лагерю?

— Выходит так, Питер... В конце концов нам за нашу работу платят. Но теперь не будем так легкомысленны... Установим круглосуточное дежурство.

— Вопрос, поможет ли оно на этом проклятом острове,— проворчал Питер.

* * *

Наконец настал долгожданный день аудиенции у Справедливейшего.

Чтобы скоротать время ожидания, мы три дня в поте лица опять таскали оборудование от причала к лагерю.

Ночью по очереди несли дежурство. Однако ночные гости больше не появлялись. То ли сыграло роль наше предупреждение, то ли островитяне выжидали...

Я не сомневался, что в дальнейшем все будет зависеть от исхода встречи с вождем.

Начали готовиться к ней с утра. Решено было, что на аудиенцию мы идем вдвоем с Тоби. Питер и Джо остаются охранять лагерь и в случае необходимости придут на помощь.

Мы с Тоби побрились, надели чистые рубашки и новые сандалии. Я засунул в задний карман штанов плоский автоматический пистолет. Посоветовал сделать то же самое Тоби. Однако он категорически отказался и объявил, что пойдет без оружия. С собой мы захватили подарки — тропический шлем, авторучку и бутылку коньяка. Все это Тоби завернул в большой кусок яркой ткани и перевязал широкой красной лентой.

— Не беспокойся, Штанга, — сказал на прощание Питер. — В случае чего мы с Джо устроим вам вполне приличные похороны.

Тоби молча погрозил Питеру кулаком, и мы пошли.

Признаться, мы втайне ожидали торжественного приема, толпы на площади, танцев в нашу честь. Ничего этого не было. Площадь оказалась пустой. Только стражи в медных касках и расшитых камзолах были на своем посту у входа в коттедж. Мы с Тоби не очень уверенно приблизились к ним. На этот раз они вытянулись и приложили коричневые кулаки к белым перьям, украшающим каски. Затем один из стражей жестом предложил нам войти.

Не скрою, я вступал в это святая святых Муаи с легким трепетом. Не от страха, нет... Скорее из любопытства. И, кроме того, за трехнедельное пребывание на острове я невольно проникся уважением к недостижаемому и таинственному властелину, подданные которого, без сомнения выполняя его волю, так блестяще разыграли нас.

Мы с Тоби поднялись по нескольким ступеням на открытую веранду и вошли в коттедж.

Убранство первой комнаты поразило нас. Оно было вполне европейским. У окна стоял низкий столик. На нем графин и несколько хрустальных бокалов. Возле стола

низкие плетеные кресла. На полу и на стенах яркие циновки. Повсюду ослепительная чистота.

Мы остановились в легком замешательстве.

Идти дальше или ждать здесь? Тоби вытащил изо рта потухшую трубку и сунул в карман.

Шорох заставил нас оглянуться. Легкая перегородка вместе с закрывавшей ее циновкой скользнула в сторону. Из-за перегородки появился невысокий коренастый человек в широком белом одеянии до пят и круглой черной шапочке с белыми перьями. У него было неподвижное темно-коричневое лицо без бровей, с удивительно толстыми губами. Глаза, полуприкрытые тяжелыми складками век, внимательно оглядели нас. Я готов был присягнуть, что не встречал этого человека в поселке.

Я молча поклонился, и Тоби последовал моему примеру.

Человек в белом плаще чуть шевельнул веками и продолжал разглядывать нас. Молчание явно затягивалось, и я почувствовал смущение.

— Мы хотели бы видеть вождя,— пробормотал я, чтобы что-нибудь сказать.

— Вы готовы говорить со Справедливейшим из справедливых, мудрейшим из мудрых, вышедшим из синих волн Великого вечного океана? — спросил по-английски человек в белом плаще.

Признаться, меня поразило его правильное произношение.

— Д-да,— сказал я не очень уверенно.

— Следуйте за мной!

Мы прошли через несколько небольших комнат. Красивая удобная мебель. Фотографии и картины под стеклом, часы, барометр... Лишь яркие циновки на полу и на стенах напоминали, что мы находимся на острове в центральной части Тихого океана. В углу последней комнаты оказалась винтовая лестница. Она вела куда-то вниз.

Коттедж вождя был одноэтажным. Значит, вход в подземелье... Не ловушка ли?

Человек в белом плаще начал было спускаться, потом оглянулся.

— Не бойтесь,— сказал он, заметив мое колебание.— Здесь ничто не угрожает. Справедливейший ждет вас. Он

внизу. Можете оставить вашего товарища здесь, если сомневаетесь.

— Нет,— ответил я.— Мы верим и пойдем вместе.

Наш провожатый отвернулся и начал спускаться. Мы с Тоби последовали за ним.

Впоследствии, вспоминая первую аудиенцию у Справедливейшего, я всегда испытывал чувство неловкости, граничащее со стыдом. Хороши же мы оказались... Особенно наш узелок с подарками!..

Спустившись по винтовой лестнице, мы очутились в обширном, довольно мрачном помещении. Свет проникал откуда-то сверху через небольшие оконца, расположенные под потолком. Приглядевшись, я рассмотрел, что стены этого странного зала увешаны разнообразным оружием. Здесь были луки и колчаны со стрелами, копья, дротики, боевые топоры, короткие мечи, остроги и какие-то странные приспособления, похожие на орудия пыток.

Мне стало не по себе, и я незаметно дотронулся до заднего кармана. Пистолет был на месте. Я мог вытащить его в любой момент.

В дальнем конце зала находилось что-то похожее на возвышение. Драпировка из тяжелой, золотисто поблескивающей ткани оставляла открытыми только нижние ступени.

Не дойдя нескольких шагов до занавеса, провожатый остановился и жестом предложил нам сесть.

Я с недоумением оглянулся. Однако оказалось, что на полу лежат подушки, набитые морской травой. Мы с Тоби сели, и Тоби аккуратно поставил на колени сверток с подарками, перевязанный красной лентой.

Наш провожатый исчез за занавесом. Очевидно, пошел докладывать. Мы напряженно ждали.

«Кто бы мог предполагать, что под коттеджем имеется еще подземелье,— думал я.— Зал не меньше двадцати метров в длину. Конечно, он высечен в скале. Ведь домик вождя стоит прямо на выступе кораллового рифа. Зачем все это понадобилось? И оружие,— я глянул по сторонам,— это, пожалуй, одна из самых больших коллекций оружия тихоокеанских островитян. Даже в Мельбурнском музее не видел такой... Ей цены нет».

Тоби шевельнулся на своей подушке. Я глянул на него. Он чуть заметно покачал головой.

— Все будет в порядке,— успокоительно шепнул я.

— Не в том дело,— тихо ответил он.— Покурить бы...

— Придется потерпеть. Сейчас неудобно...

Занавес дрогнул и раздвинулся.

На возвышении, покрытом яркой циновкой, скрестив ноги, сидел человек. Его тело, руки и ноги были окутаны складками белого плаща, широкое коричневое лицо с толстыми губами и крупным носом казалось высеченным из камня. Массивные веки прикрывали глаза. В курчавых черных волосах блестел золотой обруч. Очевидно, это и был вождь Муаи собственной персоной и... в полном одиночестве. Больше в зале никого не было видно. Исчез даже наш таинственный провожатый, говоривший по-английски.

Мы с Тоби встали; я неловко поклонился. Ни один мускул не дрогнул на лице человека, восседающего перед нами. Если бы не дыхание, чуть колеблющее складки одежды, его можно было бы принять за каменное изваяние.

Я скосил глаза на Тоби. Он переступал с ноги на ногу и крутил головой с таким видом, словно ему давил горло несуществующий воротничок.

Приветственная речь начисто вылетела у меня из головы. К тому же я понятия не имел, на каком языке говорить. Молчание явно затягивалось, и меня начала разбирать злость. Что означает все это представление? Может быть, над нами опять хотят позабавиться?

Наконец вождь соизволил нарушить молчание.

— Гм...— сказал он.

Это «гм» могло быть произнесено на любом из тысячи пятисот языков Земли, и я снова очутился в затруднительном положении: на каком же языке отвечать?

— Гм,— повторил вождь.— Вы собираетесь молчать до вечера?

Он говорил на довольно правильном французском языке.

Я торопливо ответил по-французски.

Это оказалось нелегко — с ходу переводить приветствие на французский язык. К тому же я забыл начало и переименовал титул вождя.

Он прервал меня, махнув рукой:

— Переходите к делу!

Я принялся пространно объяснять цели нашей экспедиции, задачи бурения, сам способ бурения скважины. Подчеркнул, что «дырка» не причинит никакого вреда острову и его обитателям. Я старался говорить как можно более популярно: упрощал терминологию, по возможности заменял технические выражения словами, которые должны были быть ему понятны.

Он слушал довольно внимательно, потом спросил: — Зачем нужна эта скважина?

Он употребил именно слово «скважина», а не «дырка в острове» — выражение, которым пользовался я в своих объяснениях.

Вопрос поставил меня в тупик. Объяснять ему строение кораллового атолла? Рассказывать о кимберлитах, которые мы предполагали обнаружить на глубине под коралловой постройкой?.. Я уклончиво ответил, что хотим «заглянуть внутрь острова», убедиться, нет ли там чего-нибудь, что в дальнейшем могло бы принести пользу обитателям Муаи...

— Например? — резко перебил он.

Я чувствовал себя как на экзамене. Пот ручьями струился по щекам, стекал за воротник рубашки.

— Разные вещи могут оказаться на глубине, — пробормотал я не очень уверенно.

Он чуть приподнял тяжелые веки и принялся рассматривать меня с насмешливым любопытством. Потом сказал:

— Верно... Разные вещи могут оказаться на глубине. Например, такие, которые вам даже не снились... Допустим, вы не знаете, зачем эта скважина; допустим, ваш босс, которого тут нет, не объяснил вам этого. Но я — верховная власть на острове, — должен я знать, что, где и зачем вы хотите делать? Или вы не согласны со мной?

Судя по языку, по манере выражаться, он получил кое-какое образование и производил впечатление довольно цивилизованного человека. Поэтому я решился... Я рассказал ему об устройстве атолла, о том, что под коралловой постройкой должен находиться скальный цоколь. Этот цоколь скорее всего является древним вулканом. До вулкана мы и хотим добраться скважиной.

Я готов был побиться об заклад, что он обязательно

заинтересуется древним вулканом и захочет узнать, не начнет ли вулкан извергаться после бурения скважины.

Но он только сказал:

— Там, где собираетесь бурить, не достигнете цоколя.

— Почему же?

— Там цоколь глубоко.

Счастье еще, что Тоби не понимает по-французски. По-видимому, мне давно пора возмутиться... Кажется, этот коричневый монумент собирается учить меня.

Я сказал возможно более решительно и холодно:

— О том, какое место подходит для бурения, разрешите судить мне.

Слово «мне» я подчеркнул.

Неожиданно он согласился:

— Разумеется... у вас могут быть свои соображения. Это ваше право.

Он помолчал и добавил:

— А я не могу разрешить вам бурить там, где вы задумали.

— Почему?

Дипломат никогда не задал бы подобного вопроса. Но я был плохим дипломатом... Он тотчас дал мне это почувствовать: он даже не счел нужным ответить, только пожал плечами.

— Однако я должен бурить,— пробормотал я, чтобы прервать наступившее молчание.

Он снова пожал плечами.

— Пожалуйста, бурите, но в другом месте. Например, там, где вы высадились.

Кажется, я начал понимать... Для него это был вопрос престижа и амбиции. Ах, коричневая мумия! Но я тоже упрям... Недаром моя бабка была ирландкой!

— Вы можете выбрать и какое-нибудь иное место,— сказал он, словно поняв мои мысли,— исключая всю западную половину острова.

«Ага, идешь на попятную! — со злорадством подумал я.— Нет, так легко не уступлю...»

— Мы устроили лагерь как раз на западе,— заметил я вслух.— И уже успели перенести туда часть оборудования...

Тут я осекся. Он не мог не знать, что происходило с нашим оборудованием.

Однако на этот раз он не воспользовался моим промахом. Он только сказал:

— Обдумайте условие. Если оно вас не устраивает, от бурения придется отказаться.

Это прозвучало как ультиматум.

— Но...— начал я.

— Никаких «но». С первым вопросом покончено. Переходим ко второму.

Не скрою, я снова растерялся. Этот муаец оказался более решительным, чем можно было предполагать.

Я не знал, что отвечать, и молчал.

— Ну?

У меня мелькнула мысль, что его «ну» прозвучало не очень вежливо... Я попытался собрать расползавшиеся мысли: «Ближайший пароход будет через полтора месяца, нас четверо, а их...»

— Ну?

«Клянусь Плутоном, он, конечно, понимает, что сила на его стороне. Значит... Значит, надо быть дипломатом, хотя это чертовски трудно...»

— Второй вопрос связан с первым,— сказал я возможно спокойнее.— Мне нужна помощь при монтаже буровой установки. Десяток-полтора здоровых ребят. Конечно, я заплачу и вам тоже... Цена...

— О цене потом,— нетерпеливо прервал он.— Если согласитесь изменить место бурения, пришлю вам десять человек.

— Еще одно... У нас исчезало оборудование... То есть не совсем исчезало. Кто-то перетаскивал его ночью обратно...

— А,— сказал он.— Кто-нибудь из моих... подданных. Вероятно, им тоже не понравилось место, которое вы выбрали.

Это было уже слишком!

— Послушайте...— начал я.

Он не дал мне продолжать:

— Не сердитесь на них, они славные ребята. Я скажу, и... они перестанут... шутить.

— А мы и не позволим больше дурачить нас; я уже отдал распоряжение...

— Зачем ссориться? — сказал он.— Кажется, вы тоже неплохие ребята... Раз уж вы приплыли сюда, сделайте

свое дело, и жители Муаи с радостью проводят вас. Но не забывайте о наших... о моих условиях.

— Ладно,— ответил я.— Изменяю место бурения. У меня не остается другого выхода, однако...

— Ну вот и прекрасно,— сказал он неожиданно мягким голосом.— И советую вам подумать о районе выгрузки, тем более что, как вы вскоре убедитесь, «сделать дырку» в атолле Муаи — задача трудная... Независимо от того, где бурить.

— Послушайте,— возмутился я,— если это намек...

— Это не намек,— резко прервал он.— Вы уже «делали дырки» на островах, подобных Муаи?

— Нет.

— Ну, вот видите...

— Хорошо,— сказал я.— Эту заботу предоставьте мне. Каковы же окончательные условия?

— Условие одно. Вы его слышали?

— А цена?

— Вы имеете в виду оплату рабочих? С ними договоритесь сами.

Он решительно не хотел понять меня.

— Я имею в виду... стоимость аренды площадки под скважину и... все прочее... Сколько?

— Я не думал об этом,— объявил он.— Пожалуй, вы правы. Кое-что вам придется заплатить. Немного... Об этом договоритесь после с моим советником.

Еще не легче. У него, оказывается, есть советник. Интересно, кто такой?

— А где я могу увидеть вашего советника?

— Он придет сам... Позже.

— Но я бы хотел быстрее начать.

— Начинайте, рабочие придут завтра.

— О'кей. Тогда, кажется, все... Может быть, вам что-нибудь надо от меня... от нас?

Вместо ответа он сделал какой-то знак рукой. Тотчас беззвучно опустился занавес, скрывший его от наших глаз.

Он даже не счел нужным попрощаться. Мы с Тоби переглянулись.

— Кажется, уладили,— пробормотал я без особой уверенности.

— А это? — спросил Тоби, указывая глазами на узел, который держал в руках.

Занавес дрогнул. Из-за него снова появился провожатый, который привел нас сюда.

— Пойдемте, — сказал он. — Я провожу вас.

Тоби протянул ему узел.

— Что это?

— Это... сувениры, — пояснил я. — На память.

— Справедливейшему из справедливых... или мне?

Я махнул рукой:

— Сделайте так, как сочтете более удобным.

Он молча взял узелок и жестом пригласил нас следовать за ним.

* * *

Какое множество подробностей способна сохранять человеческая память! Нужна только маленькая затравка, чтобы начать вспоминать... А потом воспоминания набегают, как морские волны. Одно за другим — без конца... Затравка — мои записные книжки. Я листаю страницы, и корявые сухие строчки оживают. Кажется, я слышу шум океана и звенящие удары металла о металл. Это ребята соединяют звенья вышки.

Вот запись от 15 января:

Мы полным ходом собираем буровую. Новое место я выбрал на внешней восточной стороне атолла, метрах в трехстах от причала. С помощью десятка молодых муайцев, присланных Справедливейшим, мы уже перетаскили на новую площадку все оборудование и палатки лагеря. Мы живем теперь на самом берегу океана, возле остова буровой. Вышка растет не по дням, а по часам. Скоро можно начинать бурение.

...Как мы все ждали этого волнующего момента! И наконец он наступил... Питер включил двигатель, мотор заработал. Через несколько минут буровая коронка со вчekanенными в нее алмазами впервые впилась в тело рифа Муаи. Бурение началось.

За первый день мы прошли немного — всего около двух погонных метров. С заходом солнца Питер остановил мотор, и мы подняли на поверхность первый керн —

желтоватый столбик кораллового известняка, частицу тела рифа.

Торжественное событие решено было отметить за «праздничным столом». Большой брезент расстелили прямо на чистом коралловом песке пляжа. Вокруг брезента заняли места мы вчетвером и шестеро коричневых помощников. Эти шестеро показались мне наиболее умелыми и ловкими. И я не ошибся. Неделью спустя они работали на скважине, как заправские буровики.

Одиннадцатым за нашим праздничным столом был Ку Мар. Он теперь торчал возле буровой с утра до вечера.

Праздничный обед был великолепен. Его приготовил молчаливый Тоби. Сидя за «столом» и слушая похвалы черепаховому супу, запеченным в тесто тунцам, маринованным крабам и прочим яствам, Тоби лишь скромно улыбался и молча посасывал трубку.

— Ну, а как там поживает вождь Муаи? — спросил Питер, подмигивая Ку Мару. — Не выпить ли нам за его здоровье?

— Я не знает, — сказал, улыбаясь, Ку Мар.

— Неужели он никогда не выходит из своего дома?

— Я не знает.

— Все ты знаешь, чертенюк, только говорить не хочешь. Почему? Вы его так боитесь?

— Никакой муаи не боится. Никто не боится, я тоже, — гордо сказал Ку Мар, протягивая руку за очередной горстью засахаренных орехов.

— Муаи вождь очень хороший, о-о! — на ломаном английском языке сказал Ну Ка Вонг Танну — самый молодой из наших помощников, которого мы все называли просто Нукой.

— А чем хороший? — поинтересовался Питер.

— О, — сказал Нука. — О-о! — повторил он, широко разводя руками и поднимая глаза к звездам.

— Ясно, — объявил Питер. — Святой, наверно?

— Какой «святой»? — быстро спросил Ку Мар.

— Такой, которому все молятся.

— Как это... молятся?

— Ну, кланяются, поднимают руки и бьют лбами о землю.

— У-у, — разочарованно протянул Ку Мар. — «Молят-

ся» — это очень плохо. Голова будет болеть. Нет, вождь Муаи не святой...

— Надо было пригласить вождя к нам на праздник, — заметил Джо.

— Сделаем это, когда кончим бурение, — пообещал я. Ку Мар тихонько захихикал в темноте.

* * *

26 января. Бурение продвигается чертовски медленно. За десять дней мы не прошли и пятидесяти метров. Риф оказался сильно кавернозным. Пока пустоты были небольшими, мы еще кое-как справлялись с ними. Но вчера буровой инструмент провалился сразу на несколько метров. Алмазная коронка вышла из строя. На ликвидацию аварии ушел целый день. Если дело пойдет так и дальше, мы не кончим скважину в установленный срок...

Помню, я тогда сказал Питеру:

— Можно подумать, что этот Справедливейший знает кое-что о строснии рифа Муаи. Он намекал при нашей встрече, что бурить будет трудно...

Питер насмешливо глянул на меня:

— И вы, шеф!..

— Что — и я?

— Увсеровали в его необыкновенность. Чушь собачья!

— А вчерашняя авария?

— Ерунда! Теперь будем бурить осторожнее...

Питер еще не закрыл рта, как мотор на буровой начал чихать и заглох.

Тотчас прибежал встревоженный Джо.

— Идите скорей. Опять!

— Что опять?

— Инструмент провалился.

На этот раз дело оказалось гораздо серьезнее. Вероятно, произошел обвал стенок каверны: буровой инструмент зажало в скважине. Мы провозились до ночи, но так и не смогли извлечь коронку на поверхность.

Весь следующий день ушел на безуспешные попытки освободить инструмент. Скважина зажала его мертвой

хваткой. Мы никак не могли заставить ее приоткрыть каменные челюсти.

К вечеру третьего дня Питер, который все это время раскрывал рот лишь для замысловатых ругательств, швырнул на песок тяжелый ключ и сказал:

— Все! Я испробовал все знакомые мне штучки, шеф. Придется бросить эту скважину и начать рядом новую. Считайте эти пятьдесят метров разведкой.

— Подождем до завтра,— предложил я.— Утро вечера мудренее.

Утром я стал к станку сам. Я знал один хитрый прием, которому научился у буровиков на Аляске. Он заключался в особом раскачивании инструмента. Способ был рискованный. Можно разорвать буровые штанги. Но иногда помогал.

Я расставил ребят по местам. Объяснил каждому, что делать. Восемь пар глаз впились в меня с напряженным вниманием, ожидая команд. Не было только Питера. Он считал затею бесполезной и ушел купаться.

— Включить мотор! — крикнул я.

Мотор заработал.

Я легонько нажал на рычаг подъемного механизма, и, к моему величайшему изумлению, инструмент пошел вверх, как нож из куска мыла. Это было непостижимо...

Мы подняли колонну штанг на всю высоту буровой, свинтили их. Мотор снова заработал. Вскоре над устьем скважины появилась коронка...

Мы прокричали троскратное «ура».

На наши вопли прибежал Питер в мокрых купальных трусах и заморгал выгоревшими ресницами.

— Как вам удалось, шеф? — спросил он, внимательно разглядывая покоренную алмазную коронку.

— Секрет фирмы.

— Шеф такое слово знает,— сказал Джо.— Пошептал — и конец...

— Инструмент почти не был зажат,— объяснил я.— Пошел наверх совсем легко.

— Бросьте шутить,— хрипло проворчал Питер.

— Говорю вполне серьезно.

— Посмотрите, что с инструментом.— Питер указал на уже свинченный керноприемник.— Видите, как расплющило? Такие аварии не ликвидируются сами.

- Тем не менее я поднял буровую колонну без труда.
- Чудеса какие-то.
- Может быть, куски породы, зажавшие инструмент, сами провалились на глубину в следующую каверну?
- Вы когда-нибудь слышали про такое? — прищурился Питер.
- Нет, но в конце концов скважины на коралловых атоллах пробурено не так уж много.
- Все равно чудеса, шеф...

2 февраля. После той загадочной аварии бурим с большой осторожностью. Скважина постепенно углубляется. Наши ящики заполняются желтоватыми столбиками керна. Известняк продолжает оставаться сильно кавернозным. Этот риф — как гигантская губка. Дырок в нем больше, чем породы. Мы прошли уже около четырехсот метров, а керна подняли всего сто пятьдесят. Остальное приходится на каверны...

Кажется, это произошло именно 2 февраля... Потом я не вел записей несколько недель...

Утром Ку Мар настойчиво допытывался, какой глубины достигла скважина. Когда я сказал, он глянул на меня недоверчиво:

- Чистый правда говоришь?
- Конечно. А собственно, зачем тебе точная глубина?
- Надо...
- Ну а все-таки, зачем?

Ку Мар заулыбался:

- Один маленький задача решаю. Сколько дней бурить будешь, чтобы сделать дырка через вся Земля.
- Ну и что получается?
- Ничего не получается...

Он, конечно, хитрил. Кто-то из островитян поручил ему узнать глубину скважины. Может быть, даже сам Справедливейший... Непонятно только, зачем для этого понадобился Ку Мар. Каждый вечер помощники уходили ночевать в селение; от них можно было получить все сведения.

Вскоре Ку Мар куда-то исчез. В обед его никто не видел.

Когда спала жара, мы вернулись на буровую. К станку стал Питер. Я присел под тентом, чтобы описать поднятый утром керн.

Вдруг кто-то окликнул меня. Голос был незнакомый. Я поспешно оглянулся. Под тент заглядывал невысокий коренастый человек в белой полотняной рубашке и шортах. На голове у него красовалась маленькая белая панамка. Черные очки прикрывали глаза. На вид ему казалось лет пятьдесят, хотя могло быть и больше. Его гладко выбритое лицо, руки и ноги покрывал темно-коричневый тропический загар. Тем не менее у меня ни на миг не возникло сомнения, что передо мной белый.

— Мое почтение, сэр,— вежливо сказал он по-английски...— Надеюсь, я не очень помешал вам. Меня зовут Карлссон. Дэвид Карлссон.

«Вероятно, советник Справедливейшего»,— мелькнуло у меня в голове.

— Очень приятно,— сказал я, поднимаясь.

Мы обменялись рукопожатием, и я назвал себя.

— О, вас я знаю,— улыбнулся он.

«Еще бы,— подумал я.— Интересно только, где ты прятался полтора месяца? И главное, зачем?»

Он словно понял мои мысли.

— Мне давно говорили о вас и ваших товарищах,— пояснил он.— Но сам я возвратился на остров лишь вчера. Я находился на соседнем атолле.

«Бабке своей рассказывай!» — подумал я. Но ему вежливо сказал:

— Очень приятно познакомиться. Я тоже догадывался о вашем существовании. Вы советник здешней власти?

— И да, и нет,— скромно объявил он, усаживаясь под тентом.

— Выпьете чего-нибудь?

— Благодарю. Я пью только воду. Чистую морскую воду.

— Морскую? — вырвалось у меня.

— Почему вас это удивляет? Каждый при желании может приучить свой организм к морской воде. Все это дело привычки. Морская вода даже полезнее для организма, чем опресненная. Многие обитатели островного мира пьют морскую воду, когда под рукой нет пресной. А для себя я это сделал правилом.

— Вот как,— произнес я, чтобы сказать что-нибудь.

Мы помолчали. Как гостеприимный хозяин я попытался снова поддержать разговор:

— Вы уже давно живете на островах?

— Да.

— Но вероятно, часто ездите отдыхать на континент — в Европу или в Америку, не так ли?

— Нет.

Он не отличался многословием во всем, что касалось его особы. Я попробовал переменить тему разговора:

— Кажется, погода начинает меняться. Побаиваюсь урагана. Крепления вышки не очень надежны.

Он окинул буровую испытующим взглядом.

— Выдержит. Это превосходная конструкция. Вероятно, последняя модель?

— Самая новая. Облегченного типа.

— Да-да,— он кивнул с видом знатока.— Научились наконец делать буровые установки. Пятнадцать лет назад о таких не могли и мечтать. А как глубина?

— Рассчитана до полутора километров, но при желании может вытянуть и два. Правда, с глубиной скорость бурения сильно замедляется...

— Разумеется,— он снова кивнул.— Кстати, о погоде не тревожьтесь. В ближайшие недели она не изменится.

— Вы располагаете столь долговременным прогнозом? — удивился я.— Здесь, на островах?

— Да, причем надежным прогнозом,— он многозначительно поднял палец.

— Мы регулярно слушаем прогнозы по радио,— заметил я.— На этот район они крайне неопределенны и, как правило, кратковременны.

— Вы имеете в виду радиостанцию в Такуоба? — он пренебрежительно махнул рукой.— Что они знают!

— Там ближайшая метеостанция. Другие источники мне не известны.

— Да-да, конечно,— сказал он.— Но в этой части Тихого океана особая климатическая зона. Циклоны обходят нас стороной. Прогнозы Такуобы для Муаи не подходят. Мы составляем свои собственные. Вы убедитесь, что они довольно точны, если пробудете тут еще некоторое время.

— Вынужден пробыть,— я подчеркнул слово «вынужден».— Скважина еще далека до завершения.

— Значит, вы полны решимости вскрыть вулканический цоколь Муаи? — спросил он равнодушным тоном.

«Ого,— подумал я,— Справедливейший точно передал ему содержание нашего разговора».

— Такова поставленная передо мной задача,— пояснил я, рисуя карандашом на песке разрез атолла.

— Значит, как только вы убедитесь, что цоколь Муаи сложен обычным базальтом, а не алмазонасным кимберлитом, вы прекратите бурение и покинете остров?..

Я взглянул на него с изумлением. Однако он продолжал внимательно рассматривать рисунок на песке.

— Послушайте, мистер Карлссон,— сказал я.— Давайте уточним нашу... гм... игру. Вам что-нибудь известно о строении атолла Муаи?

— Допустим.

— Но глубокого бурения тут не было?

— Глубокого... нет.

— Однако вы знаете, на чем покоится коралловая постройка острова?

— Предположим, что да.

— И могли бы доказать это?

— Могу дать вам несколько метров керна, состоящего из обычного базальта тихоокеанского типа.

— Зачем?

— Как доказательство, что вы вскрыли цоколь Муаи. А на какой глубине, это вы придумаете сами. Ведь вашей фирме важно получить породы цоколя и убедиться, что искать кимберлиты тут бесполезно.

— Послушайте, вы...

— Нет, сначала вы послушайте меня. Прежде всего, не воображайте, что предлагаю вам жульническую сделку. Я хочу лишь ускорить ваш отъезд отсюда.

— Значит...

— Пока еще ничего не значит. На какой глубине вы предполагаете встретить... вулканические породы?

Я пожал плечами:

— Никто этого точно не знает, включая и главного геолога фирмы. Может быть, от пятисот до тысячи пятисот метров?..

— Очень хорошо,— сказал он, беря у меня из рук

карандаш.— Все, вероятно, так и было бы, если бы внизу под рифом Муаи находился правильный вулканический конус. А если этот конус разрушен, например, вулканическим взрывом или волнами еще до образования рифа?

— Тогда может быть все, что угодно...

— Вот именно,— согласился он.— Позволю себе немного исправить ваш рисунок,— он провел на песке несколько линий.— Что скажете теперь?

— Теперь каждый профан скажет, что бурить надо вот здесь — в западной части острова. В восточной — вулканические породы залегают слишком глубоко.

— Превосходно. Готов поставить вам отличную оценку по геологии, но... есть одно «но». На западе ваша скважина встретит вулканические породы на небольшой глубине, только если бурить вертикально. Обратите внимание, на рисунке я изобразил склон вулканического конуса достаточно крутым. Если скважина искривится,— он сделал ударение на последнем слове,— повторяю, если она искривится, вулканических пород вы вообще не встретите. Скважина пройдет в теле рифа параллельно им.

— Все это теоретические рассуждения,— заметил я.— И не понимаю...

— Не понимаете... Жаль! — Он выпрямился и стер ногой рисунок на песке.— Полагал, вы более догадливы... Тогда сделаем несколько предположений. Тоже теоретических... Первое: предположим, что появление на острове гостей не вызвало восторга у населения острова. Второе: допустим, что жители острова очень миролюбивы; не желая портить отношений с гостями, они тем не менее хотят предельно сократить пребывание гостей на своей земле. Третье: учитывая необычность ситуации, позволим себе сделать еще одно совершенно невероятное допущение, что жители острова подсказали гостям кое-что по существу дела... Ну, например, подсказали место бурения скважины с таким расчетом, чтобы гости как можно скорее выполнили свою задачу и распрощались с островом. Если всего этого мало, я готов сделать четвертое предположение: гостям на этом острове ужасно не везет. Начав бурить в таком месте, где можно было встретить древние лавы на глубине пятьдесят — шестьдесят метров от поверхности, гости так искривили скважину, что теперь едва ли встретят их вообще.

Он умолк и быстро набросал еще один рисунок на песке: разрез рифа, положение вулканического цоколя, линию искривленной скважины.

Я начал кое-что соображать. Я прямо спросил его:

— Вы имеете возможность проникать внутрь острова?

Он кивнул.

— По кавернам внутри рифового массива?

— Да, тут есть целая система пещер, заполненных морской водой. На глубине риф Муаи состоит чуть ли не из одних пустот. Лабиринты подводных пещер открываются прямо в океан.

— И у вас есть скафандр?

— Есть.

— Проникнув в лабиринт, можно добраться и до вулканического основания, не так ли?

— Да, местами древние лавы залегают неглубоко.

— Хорошо,— сказал я.— Возьму у вас эти несколько метров базальтового керна, и мы уедем с первой же оказией; но сначала я должен убедиться, что все это правда.

— Сможете сделать это завтра же. Но вы должны дать мне слово честного человека и джентльмена, что все останется между нами. Никто, даже ваши помощники не должны узнать о тайне атолла Муаи. Мы хотим жить спокойно. Одни и спокойно... Вы поняли меня?

— Кое-что понял... Буду молчать. Обещаю вам, Карлссон.

— Хорошо. Приходите завтра утром к коттеджу.

Он легко поднялся, пожал мне руку и ушел.

Ребятам я сказал, что приходил советник Справедливейшего и пригласил меня на новую аудиенцию к вождю. Я даже и не подозревал, что говорю чистейшую правду.

* * *

Карлссон встретил меня на центральной площади поселка и провел прямо в коттедж мимо стражей, которые сделали вид, что не замечают нас. Миновав несколько обставленных по-европейски комнат, мы очутились... в небольшой библиотеке. Это было совершенно круглое помещение без окон со стеклянным потолком. Над ним на

крыше находился навес для тени. Вдоль стен тянулись стеллажи, сплошь заставленные книгами. Посредине стоял небольшой рабочий стол. Возле него кресла.

Я надеялся, что Карлссон объяснит мне европейский облик всего этого дома, его странную пустоту, наконец, присутствие здесь библиотеки, однако он молчал. Порывшись в ящиках стола, он достал два электрических фонаря, один положил в карман, другой протянул мне. Потом он отодвинул ногой циновку на полу, открыл небольшой люк. Под крышкой люка оказалась узкая винтовая лестница, уходящая куда-то вниз. По-видимому, это был второй вход в подземелье.

— Тут внизу кое-какие лаборатории,— сказал Карлссон.— Последнее время я бываю в них редко, поэтому освещение выключено. Нам придется воспользоваться фонарями.

— Здесь есть электрическое освещение? — удивился я.

Он сделал вид, что не расслышал вопроса. Мы спустились ощупью в темноте. Я насчитал шестьдесят ступенек. Потом Карлссон включил свой фонарь. Сильный луч света вырвал из темноты шероховатые стены довольно широкого извилистого коридора. В стенах коридора темнели двери. Все они были закрыты на засовы. По правде сказать, это больше походило на подземную тюрьму, чем на лаборатории. Мне стало жутковато.

— Идемте,— сказал Карлссон.— Мы внутри рифового массива, но еще находимся выше уровня океана. Эти пещеры — естественные. Мы тут только кое-что подравниали...

Не дожидаясь ответа, он двинулся вперед. Мне не оставалось ничего иного, как включить фонарь и следовать за ним. Коридор изгибался, петлял, разветвлялся, и вскоре я совершенно потерял ориентировку. Чувствовал только, что мы постепенно спускаемся все ниже и ниже.

Внезапно я услышал плеск. Где-то совсем близко была вода. Стены коридора ушли в стороны, и мы очутились в довольно большой пещере. Своды ее тонули во мраке, а совсем близко у наших ног с тихим шелестом ударяли в каменный пол волны. Это было подземное озеро, а вернее, небольшой подземный залив. В сдержанном некое его вод отражалось дыхание близкого океана.

— Мы почти у цели,— услышал я голос Карлссона.— Сейчас прилив, и вода поднялась высоко. Пока наденем скафандры и приготовимся к спуску, вода начнет спадать. Вам приходилось погружаться на тридцать — сорок метров?

— Нет,— признался я.

— Ну, не беда. У меня хорошие скафандры — легкие и надежные. Надеюсь, справитесь. Единственная опасность нашей экскурсии — мурены. Они заплывают в эти лабиринты. Придется взять оружие. Попадаются и спруты, но небольшие. Крупные сюда забираются редко.

«Еще не легче,— подумал я.— Прогулка к вулканическому цоколю Муай может оказаться богатой впечатлениями... Черт меня дернул согласиться! Впрочем, теперь отступать поздно... Пусть лучше воображает, что для меня все это — раз плюнуть...»

Скафандры действительно оказались превосходными. Я натянул свой без труда, и Карлссон помог мне закрепить шлем. Дышать было очень легко. Гибкий металлический шланг соединял шлем с небольшими баллонами, укрепленными за спиной. В баллонах, по-видимому, находился кислород.

— Сделайте несколько глубоких вдохов,— услышал я голос Карлссона.— Так, хорошо... Можете отвечать мне, скафандры радиофицированы.

— Замечательная штука,— сказал я, имея в виду скафандр.— Последняя модель?

— Нет. Они изготовлены лет пятнадцать назад. Впрочем, я не уверен, что сейчас научились делать лучше.

— Я и таких не видел.

— Эти сделаны по специальному заказу. Рассчитаны для глубин до трехсот метров.

— Ого! Разве возможно такое погружение в легком скафандре?

— После небольшой тренировки вполне возможно. Мне приходилось погружаться в нем и глубже...

Я с сомнением покачал головой, но Карлссон не заметил этого движения. Мой шлем остался неподвижным, и я убедился, что он очень просторен: в нем можно было свободно вертеть головой.

— В гребне шлема находится осветитель. Включающее устройство под левым баллоном,— снова услышал я голос

Карлссона. — Вы можете включать и выключать свет левой рукой.

Я засунул руку за спину и нащупал какой-то язычок. Дернул за него. Вспыхнул яркий свет, похожий на свет автомобильных фар. «Фары» находились где-то над головой. Это напоминало фонарь шахтерской лампочки, только свет был гораздо сильнее. Поворачиваясь, я мог теперь осмотреть подземелье. Ребристые стрельчатые своды уходили высоко вверх. Местами с них свисали ажурные каменные драпировки, похожие на белоснежные кружева. Сталактиты спускались к самой воде и отбрасывали на ее поверхность резкие причудливые тени. Под водой скалы круто обрывались. В глубине царил густой фиолетово-синий мрак; там вспыхивали и гасли удивительные красноватые искорки. Картина была настолько фантастической, что, кажется, я даже позабыл на время о своих страхах.

— Вы готовы? — прозвучал голос Карлссона.

— Д-да... — сказал я. Для меня самого это «да» прозвучало не очень убедительно.

— Тогда в путь! Не отставайте и посматривайте по сторонам...

Он спустился по каменным ступеням и исчез. Темная вода сомкнулась над его шлемом, но тотчас же озарилась изнутри. Это Карлссон включил свой осветитель. Я увидел на глубине красновато-оранжевые ребра подводных скал. Тени крупных рыб метнулись в стороны.

— Ну, где вы там? — слышался издалека голос Карлссона.

Я вдруг вспомнил слова Питера: «В случае чего, шеф, мы устроим вам вполне приличные похороны...» В данной ситуации о похоронах не могло быть и речи. Я просто исчезну бесследно — и меня сожрут гнездящиеся в непроглядном мраке мурены. Боже, на какие идиотские выходки решаются иногда вполне благоразумные и уравновешенные люди.

— Ну? — прозвучало издали.

Мне пришло в голову, что это «ну» я уже слышал однажды...

Впрочем, предаваться воспоминаниям было некогда. Свет фонаря Карлссона заметно ослабел, превратившись в размытое золотистое пятно.

Если я не заставляю себя тотчас же войти в воду, Карлссон исчезнет на глубине...

— Ух ты, бултых! — сказал я сам себе. Лет сорок назад так приговаривала моя бабушка, когда сажала меня в большой эмалированный таз, чтобы искупать.

Я сделал шаг, потом другой. Тело вдруг стало удивительно легким, и я почувствовал, что плыву.

Карлссона удалось догнать без труда. Мы поплыли рядом. Странные большеглазые рыбы с прозрачными плавниками равнодушно разглядывали нас, неторопливо уступая дорогу. Подводное ущелье, по которому мы спу- скались, постепенно сужалось.

— Мурен сегодня не видно, — раздался у меня в ушах голос Карлссона. — Ушли с началом отлива. Зато вижу кальмара. Неплохой экземплярчик. Этот может и атаковать.

Впереди появилось что-то похожее на веретенообразную торпеду. Торпеда плыла нам навстречу. Кажется, она была длиной в несколько метров.

Мне вдруг ужасно захотелось очутиться на берегу, на горячем песке пляжа... Во рту сразу пересохло...

Карлссон обогнал меня. Я заметил, что он засунул левую руку за спину и поворачивает диск на конце одного из баллонов.

Бледная торпеда побагровела, изогнулась гигантской занятой и вдруг превратилась в темное мохнатое облако.

— Удрал, — в голосе Карлссона послышалось удовлетворение. — Обозлился, покраснел и удрал. Они всегда багровеют, когда взволнованы.. Ультразвуковой излучатель, — пояснил он, похлопывая по левому баллону. — Спруты не выносят его действия. Сразу выпускают «дымовую завесу» и ретируются. Тонкая нервная организация! С муренами хуже... Эти бестии — «толстокожие». Иногда приходится их потрошить.

Но мурен мы так и не встретили.

Мы спускались по ущелью еще минут десять. Потом оно резко расширилось, и мы оказались в огромной подводной пещере. Наши осветители словно пригасли. Их свет потерялся в толще воды, заполняющей гигантскую полость.

— Эта пещера возникла вдоль границы вулканического копуса и рифа, — сказал Карлссон. — Видите черные

породы? Это древние лавы — базальты. Обычные тихоокеанские базальты, а не кимберлиты...

Мы подплыли ближе, и я убедился, что Карлссон прав. Конечно, это был базальт. Вульгарный базальт. Риф Муаи покоился на обыкновенном вулкане. В западной части Тихого океана таких вулканов сотни. Их лавы выходят и прямо на поверхность, образуя вулканические острова.

— Я хотел бы взять образцы...

— Надо спуститься немного глубже, там, у подножия обрыва, можно найти обломки.

Мы погрузились еще на десяток метров, и я увидел осыпь темных камней. Некоторые были покрыты наростами коралловых стеблей. Выбрав несколько небольших обломков, я опустил их в карман скафандра.

— Как с дыханием? — поинтересовался Карлссон.

— Отлично.

— Тогда спустимся еще немного. Вы сможете увидеть вашу скважину

«Здорово!» — подумал я.

Мы углубились в запутанный лабиринт коралловых скал, похожий на гигантское каменное кружево. Как ухитрялся Карлссон находить правильный путь в этих сотах?..

В одном месте, кажется, он заколебался: куда плыть дальше... Мне снова стало не по себе, и я уже готов был пожалеть, что не отказался от продолжения прогулки. Впрочем, через секунду в наушниках шлема послышался его голос:

— Ага, вот она, чуть правее...

Еще несколько движений, и я увидел в скальной нише металлический стержень. Всякие сомнения исчезли. Это действительно была обсадная труба нашей скважины. Уже тут было заметно, что скважина наклонена.

— Какая здесь глубина? — поинтересовался я.

— Метров шестьдесят. Авария у вас произошла выше, но сейчас туда трудно проникнуть.

— Значит, вы помогли тогда освободить инструмент?

— Вначале вы бурили очень неосторожно, — сказал Карлссон. — Совсем не учитывали особенности этих пород. Получился обвал. Чтобы освободить вашу коронку, пришлось применить заряд взрывчатки. Но кажется, взрыв повредил буровой инструмент?

— Пустяки, у нас были запасные детали. Примите мою благодарность за помощь.

— Не за что! Просто мы боялись, что вы не сможете ликвидировать аварию и измените место скважины. Это сильно задержало бы ваши работы.

— Однако вы очень заинтересованы в окончании наших работ и, очевидно, в нашем быстрейшем отъезде...

— Сегодня вы догадливее, чем вчера.

Обратный путь мы совершили без приключений. Я не мог не признать, что Карлссон великолепно ориентируется в подводных лабиринтах Муаи. Без сомнения, он занимался их исследованием не один год.

* * *

Спустя час мы уже отдыхали в библиотеке коттеджа. Карлссон принес поднос с напитками. Я налил себе виски с содовой. Карлссон ограничился стаканом воды. Подозреваю, что это действительно была морская вода...

Мы легко согласовали план дальнейших действий. Жители поселка пригласят всех нас на рыбную ловлю. В последний момент я под каким-нибудь предлогом останусь. Непогода задержит моих товарищей и их спутников на соседнем острове на несколько дней. За это время я постараюсь предельно углубить скважину и получу от Карлссона базальтовый керн как доказательство того, что скважина вошла в вулканический цоколь острова. Потом вернутся мои товарищи, мы демонтируем буровую и уедем с пароходом, который должен прибыть на Муаи через три недели.

У меня вертелся на языке один вопрос, и я не преминул задать его, кончая второй стаканчик виски с содовой.

— Кто, собственно, был инициатором всего этого плана — Справедливейший или вы, Карлссон?

— Считайте, что мы оба, — скромно ответил Карлссон.

— Но почему, черт побери, вы так заинтересованы в нашем исчезновении с острова?

— Вероятно, отвечать не обязательно, — задумчиво произнес Карлссон. — Вы поймете сами... Впрочем, кое-что я могу сказать... перед вашим отъездом.

— А однако, этот Гомби наврал, — переменял я тему разговора.

Карлссон с изумлением взглянул на меня.

— Я имею в виду кимберлитовые вулканы в Тихом океане,— пояснил я, отхлебывая виски.— Удивительно, как ему сразу все поверили... И теперь гоняются за призраками.

— Ах вот вы о чем,— тихо сказал Карлссон.— Нет, Гомби говорил правду... Кимберлитовые вулканы в Тихом океане есть. К сожалению, есть... Их множество. Но они глубоко — там, под пятикилометровой толщей воды. Они на дне глубоководных котловин. И над ними нет вулканических конусов. Это всего-навсего воронки взрыва, как и на суше — в Африке, в Сибири. Извержение кимберлитового вулкана — чудовищный взрыв на большой глубине; в результате взрыва земная кора оказывается как бы простреленной насквозь. Продукты взрыва не образуют вулканического конуса. Они улетают в межпланетное пространство, если хотите — превращаются в метеориты. А на месте взрыва остается труба или воронка, заполненная алмазонасными обломками. Это и есть кимберлит, загадочный кимберлит — свидетель взрыва под земной корой.

— Никогда не слышал такого,— признался я.— Книгу профессора Гомби я читал, но, кажется, там написано иначе...

— Гомби вначале и думал иначе. Позднее он изменил свои представления.

— А где написано об этом?

— Нигде...

— Вы знали его?

— Да.

— При каких обстоятельствах он погиб?

— Это была чудовищная подлость,— тихо сказал Карлссон.— О, чудовищная! Дельцы из Алмазной корпорации перепугались, что открытие алмазов на дне океана уменьшит их доходы. Последовала серия диверсий. Сначала уничтожили глубоководную станцию, созданную Гомби у Маршалловых островов. В газетах писали про несчастный случай, но это была диверсия. Потом такая же участь постигла главную базу экспедиции. Она находилась на одном из атоллов невдалеке отсюда. Когда Гомби и его уцелевшие товарищи эвакуировались с острова, их судно наскочило на мину, а может быть, было торпедиро-

вано неизвестной подводной лодкой. И снова миру была рассказана басня: басня о гибели судна во время шторма...

— Возможно ли? — сказал я. — В наши дни! И неужели никто не спасся?..

— В наши дни случаются и худшие вещи, — возразил Карлссон.

Меня удивило, что он не ответил на мой вопрос. Я хотел повторить его, но Карлссон продолжал:

— После той истории, я имею в виду историю Гомби, я окончательно разуверился в людях — в так называемых цивилизованных людях. Я навсегда ушел из их мира и поселился тут, на этом атолле.

— И вы... счастливы?

— Пожалуй, да. Люди тут примитивны, но они честны, не испорчены цивилизацией. Они ловят мне рыбу, а я учу их понимать мир и самих себя. И лечу, если кто-нибудь захворает. Но болеют тут редко.

— Вы, вероятно, ведете и научные исследования?

— Так, пустяки, для души.

— Какова же ваша основная профессия?

— У меня их много. Вам наскучит, если начну перечислять...

— А Справедливейший?

— Что Справедливейший?

— Не мешает вам?

Карлссон улыбнулся:

— Мы встречаемся редко.

— Но живете в одном доме с ним?

— Тем не менее встречаемся редко.

— Например, когда приходится давать аудиенцию незванным гостям?

Он окинул меня пронизательным взглядом.

— О, — сказал он, — вы, оказывается, более догадливы, чем я вначале думал. Да, вы не ошиблись... Но пусть это останется между нами. И простите меня за тот маленький маскарад. В глазах окружающего мира Муаи должен быть одним из тысяч обычных островов. А на каждом острове Микронезии есть свой более или менее странный вождь...

Я не мог скрыть изумления:

— Значит, вы и есть Справедливейший! Я-то ведь

думал, что вы тот таинственный гид, который встречал нас и провожал.

Карлссон весело рассмеялся:

— Все-таки я чуть-чуть переоценил вас... Я и то, и другое. Для этих мистерий у меня имеются две превосходные маски. Не хочу, чтобы мои сограждане принимали участие в таких инсценировках. Конечно, кое-кто из них не отказался бы и даже неплохо сыграл бы отведенную роль, но я оставляю за собой... внешнюю политику. Мы так условились. Внешняя политика — моя сфера, внутренняя — их. Достаточно и того, что во время визитов они не отказываются торчать у дверей этого дома.

— Значит, у вас полная демократия?

— Можно назвать и так.

Я чувствовал, что мне давно пора уходить, и... все не мог заставить себя расстаться с этим удивительным человеком. Несмотря на внешнюю жесткость, от него исходило какое-то особенное обаяние. Обитатели острова, должно быть, боготворили его...

— Послушайте, Карлссон, — сказал я. — Если когда-нибудь и я, подобно вам, разочаруюсь в благах цивилизации, примете меня в свою общину? Буду хорошим подданным, обещаю.

— Это должны решить они все, — очень серьезно ответил Карлссон. — У нас ведь демократия... вы сами сказали.

* * *

10 марта. Завтра прибывает пароход. Наш груз сложен на берегу: звенья буровой, штанги, ящики с керном. Кажется, мои ребята довольны. Вместо шести — два с половиной месяца. А свои деньги они получают полностью. Задача ведь выполнена. Разумеется, босс не будет в восторге. Алмазonoсных кимберлитов мы так и не нашли на Муай. К счастью для населения острова... В любом случае один проигрывает, другой выигрывает. Я лично доволен, что выиграли наши друзья — муайцы и старик Карлссон. Их идиллия будет сохранена... Вопрос, надолго ли?

Тогда все удалось сделать именно так, как мы задумали с Карлссоном. Ребята отсутствовали восемь дней. Правда, вернулись они злые и встревоженные. Они опасались какого-нибудь нового подвоха со стороны островитян. Однако, когда я рассказал, что все дни непогоды скважина бурилась и мне удалось вскрыть базальт, они пришли в восторг.

Даже молчаливый Тоби произнес целую речь. Только Питер, придирчиво оглядывая базальтовый керн, проворчал, ни к кому не обращаясь:

— Чудеса, да и только, на здешних проклятых островах... Ну, если за них платят...

Он пожал плечами и больше не возвращался к этой теме.

В последний вечер островитяне пригласили нас в деревню на праздник. Это был прощальный праздник в нашу честь. На центральной площади, напротив коттеджа вождя, собралось все население острова. Нас посадили на самое почетное место — на возвышение, устланное мягкими циновками. Пир начался с заходом солнца и продолжался до восхода луны. Когда се бледный диск выплыл из темных вод океана и проложил широкую серебристую дорогу к берегу атолла, начались танцы. Гибкие темные фигуры то стремительно двигались в едином согласованном ритме, то застывали четкими изваяниями на фоне искрящейся поверхности океана. Танцам вторило негромкое мелодичное пение. Порой оно затихало, словно задуваемое порывами теплого ветра. Ветер шелестел листьями пальм и увлекал в темноту белые плащи танцовщиц...

Мне было очень грустно. Грустно оттого, что это последняя ночь на чудесном острове, где пережито столько удивительных и забавных приключений... А еще грустно потому, что Карлссон не пришел на прощальную встречу. Мне так хотелось поговорить с ним еще раз перед отъездом. Хотелось, чтобы он объяснил...

Кто-то тихонько потянул меня за рукав. Я оглянулся: позади сидел на корточках Ку Мар. У него тоже был не очень-то веселый вид.

— Ну, что скажешь? — спросил я возможно более бодрым тоном.

— Завтра поедешь?

- Поседу.
- А куда?
- Далеко. Сначала на Гаваи, потом в Америку.
- Зачем?
- Гм, зачем!.. Работать... надо работать дальше...
- Делать дырки на других островах?
- На островах или на большой земле.

Ку Мар вздохнул:

- Так целый жизнь будешь делать дырки?
- Надо работать, Ку Мар. Каждый человек должен делать свою работу. Вы здесь ловите рыбу и черепах...
- О,— перебил Ку Мар, презрительно надувая губы,— рыба жарить можно, черепаха — суп варить. А твой дырка что?
- Мы с тобой не пойдем друг друга, дорогой,— сказал

я, обнимая его за плечи.— Люди чаще всего не понимают один другого, и это очень плохо.

— Плохо, совсем плохо,— согласился Ку Мар.

— Поедем с нами? — предложил я.

— Зачем?

— Научу тебя работать на буровом станке. Будешь ездить по всему свету и делать дырки. Заработаешь много денег...

— Нет,— серьезно ответил Ку Мар.— Не поеду. Мне тут хорошо... Здесь мама и бабушка Хмок Фуа Кукамару...

— И отец?

— Отец — нет. Он ушел туда,— Ку Мар указал в океан,— и не пришел назад.

— Утонул?

— Я не знаю. Никто не знает... Может, утонул, может, ушел Америка. Назад не пришел.

— Так поедем со мной. Может быть, мы разыщем твоего отца. Или, если захочешь, я буду твоим отцом.

— Спасибо,— сказал Ку Мар.— Нет, лучше ты приходи на Муаи, когда надоест делать дырки. Приходи, пожалуйста...

— А Справедливейший? Если он не захочет?

— Захочет. Очень захочет.

— Откуда ты знаешь!

— Знаю. Все знаю,— Ку Мар хитро улыбнулся.— Ты два раза говорил с ним и даже ходил далеко туда.— Ку Мар постучал коричневым пальцем по циновке, на которой мы сидели.

— А ты сам бывал там, в подводных пещерах внутри острова?

— О,— Ку Мар надул губы.— Каждый муаи ходил туда. Мы там ловим рыбу. Там всегда лучший рыба. А еще там есть школа, и книжки, и машина, которая может делать свет. Много разных вещей.

— Под водой?

— Зачем под водой? Там есть много пещера без воды. Очень хороший пещера. Сухой. Там — на другой сторона острова.

— Где мы сначала хотели бурить?

— Да.

— Понимаю... Почему же сразу никто не сказал нам об этом?

— Муаи не знал, какой вы человек. Может, плохой человек?..

— А теперь знаете?

Ку Мар широко улыбнулся:

— Теперь знаем.

— Кто же сделал все это: пещеры, школу, свет? Научил ловить рыбу внутри острова?

Ку Мар улыбнулся:

— Ты знаешь... Он говорил тебе. А пещера всегда был. Такой пещера есть и на других островах, только поменьше.

— А машина, которая делает свет?

— Машина мы привезли с другой остров,— шепнул Ку Мар, наклоняясь к самому моему уху.— Есть такой остров недалеко. Там тоже ученый человек делал дырка. Давно... Потом все пропало. Плохой человек все испортил. Муаи привезли оттуда много разных машина, вещи, книга. Хороший книга.

— Это Справедливейший показал?

— Он. Он все показывал, учил. Хорошо учил. Всех учил, и большой и маленький. Муаи теперь все ученый. Ученый и сильный.

— И хитрый?

— Немного хитрый. Каждый ученый человек немножко хитрый...

— Слушай, Ку Мар, но теперь, когда все муаи стали учеными и хитрыми, многие, наверно, хотят уехать с острова на большую землю? И уезжают?

Ку Мар отрицательно покачал курчавой головой:

— Нет. Раньше хотел уехать, когда плохо жил. Как мой отец. Теперь нет.

— Значит, Справедливейший сделал вас счастливыми?

Ку Мар задумался, сморщил нос и нахмурил брови. Потом сказал:

— Я так думаю: он помогал муаи, учил. А счастливый муаи стал сам. Муаи хотел стать счастливый, научился и стал... Понимаешь?

— Кажется, понимаю. А скажи мне еще, как вы зовете его, когда встречаетесь с ним? Вы ведь часто встречаетесь, не правда ли? Неужели каждый раз, обращаясь к нему, муаи говорят: Справедливейший из справедливых, муд-

рейший из мудрых, вышедший из синих вод... и как там дальше?

Ку Мар звонко расхохотался:

— Нет, это вы его так зовете. Мы так не можем. Долго говорить надо. Если так говорить, муаи ничего не успеют сделать. Мы зовем его дядюшка Гомби, но тс... — Ку Мар прижал палец к губам. — Так не говори никому. Он не хочет, чтобы знали... И никакой другой человек пусть не знает... Обещаешь?

— Обещаю, — машинально повторил я. «Вот оно что! Значит, дядюшка Гомби! Ну конечно, не грех было и самому додуматься».

Ку Мар шептал мне что-то еще в самое ухо... Я уже не слушал. Я думал об этом удивительном и странном человеке... Сила или слабость двигали его поступками? Конечно, он помог маленькой группке островитян стать счастливыми... Но он ушел в сторону... Встретив сопротивление злых сил, сам перечеркнул свои открытия. Отказался от борьбы с подлостью. А погибшие товарищи?.. Разве не его долгом было рассказать миру правду? Наверно, он — гениальный ученый, но, остановившись на полпути, он теперь хочет, чтобы люди забыли об его открытиях? Почему?.. Если каждый честный человек, разуверившийся в справедливости современного мира, захочет бежать на далекие острова?.. Разве уход на Муаи не бегство?.. Фу, черт, я ведь тоже последние дни всерьез подумываю о райской жизни на этих островах... Правда, не сейчас, а попозже. Но не все ли равно!..

— Ты ничего не слушаешь, — с обидой объявил Ку Мар, отодвигаясь.

— Прости, дорогой. Я думал немного о разных вещах... Смотри-ка, ветер совсем стих. Стало душно. Пойдем к океану.

— Иди... Приду потом...

Осторожно обходя сидящие на земле фигуры, я вышел на освещенную луной площадь. Два темных силуэта маячили возле веранды коттеджа. На головах у них поблескивали каски. Даже и в этот последний вечер вход в коттедж был по-прежнему закрыт для нас. Интересно, где сейчас Карлссон... то есть Гомби?.. Света в окнах не видно... Наверно, сидит в одной из своих лабораторий, а может быть, плавает в подводных лабиринтах острова...

Я подошел к самому берегу, присел на шероховатый выступ кораллового известняка. Камень был теплым. Он еще хранил остатки дневного тепла.

Волны с тихим шелестом набегали на влажный песок и спешили обратно сетью серебристых струй. Начинался отлив... Издали с внешнего кольца рифов временами доносился негромкий гул. Там продолжалась вечная работа прибоя. А в деревне всё пели... Теперь в хор включились и мои товарищи. Явственно различался хрипловатый голос Питера, высокий дискант Джо. Они не прислушивались к общей мелодии и тянули каждый свое. Значит, пальмовое вино начало действовать... Наверно, оно подействовало и на меня, потому мне так чертовски грустно в эту последнюю ночь.

Две фигуры — большая и маленькая — вышли из тени пальм на освещенный луной белый пляж и направились в мою сторону. В маленькой я сразу узнал Ку Мара. А большая?.. Ну конечно, это был Карлссон.

— Добрый вечер, профессор Гомби,— сказал я, когда они приблизились.

— Этот маленький злодей проболтался-таки.— Кар-

лссон положил руку на курчавую голову Ку Мара.— Цените откровенность!.. Это случилось благодаря его огромной симпатии к вам. Но и я не совсем обманул вас. Карлссон — фамилия моей матери. Я носил эту фамилию в студенческие годы.

— Мы видимся, вероятно, в последний раз. Позвольте задать вам еще один вопрос, профессор... И поверьте, не из праздного любопытства. Мне хотелось бы разобраться в собственных мыслях и сомнениях.

— Спрашивайте.

— Почему вы отказались от борьбы? Тогда — пятнадцать лет назад?..

— Ах вот что... — задумчиво протянул он и отвернулся. Он долго глядел в океан, на переливающееся серебро лунной дороги.— На ваш вопрос нелегко ответить,— сказал он наконец.— Вы, вероятно, думаете, что я просто испугался, испугался тех, кто поставил целью уничтожить меня и моих товарищей... Но знаете ли, что такое ответственность за открытие? Я имею в виду ответственность исследователя. Ведь те, кто прокладывает пути в неведомое, почти всегда идут впереди своего времени... Так вот, жизнь в какой-то момент может поставить перед ученым парадоксальный на первый взгляд вопрос: а не пора ли остановиться? Остановиться потому, что следующий шаг на пути исследований может принести уже не блага, а неисчислимы несчастия миру и человечеству. Вспомните хотя бы об открытии ядерной энергии. Физики ухитрились получить ее лет на сто раньше, чем следовало... А результат — величайшее открытие науки обернулось кошмаром непрестанной угрозы термоядерного апокалипсиса... Поймите, человечество просто не доросло до некоторых «игрушек», которые торопятся дарить ученые...

Вы вправе спросить, что общего имеет все это с исследованиями геологии океанического дна, которыми занимался некий профессор Гомби, с открытием кимберлитов на дне Тихого океана? Увы, кое-что общее имеет. На дне океанов таится множество поразительных вещей... Мне посчастливилось, а вернее, я имел несчастье приблизиться к разгадке одной из величайших тайн Тихого океана. Я имею в виду его огненное обрамление — кольцо вулканов, опоясывающее Тихий океан. Что-то пугающее

есть в той щедрости, с какой энергия земных недр выплескивалась тут наружу миллионы лет. И потом — открытие кимберлитов... Вообразите десятки тысяч кимберлитовых жерл, похороненных под толщей оксанических вод. Я начал смутно догадываться, что тут таится ключ к пониманию процессов, происходящих в недрах Земли... И вот настал момент, когда я должен был спросить себя: а не пора ли остановиться?..

Мне удалось доказать, что Тихий океан — это гигантский вулканический кратер — самый огромный кратер нашей планеты. Чудовищным извержением недавнего геологического прошлого из него был извергнут сгусток глубинного вещества, образовавший Луну. То, о чем сто лет назад писал Джордж Дарвин и что впоследствии многие поколения геологов считали фантазией, оказалось истиной. Когда я подсчитал энергию вулканических выбросов Тихоокеанского кратера, мне стало страшно... Страшно за человечество, которое может протянуть руку к этой энергии и, конечно, с ней не справится... А ведь эта энергия сравнительно легко достижима. Через сотни лет энергия земных недр станет благодеянием свободного и мудрого человечества. Но сейчас путь к неведомому энергетическому океану должен быть надежно закрыт для мира, раздираемого враждой, недоверием, подозрениями... И вот я сделал то, что на моем месте, вероятно, должен был сделать каждый благоразумный и честный человек Земли. Я решил утаить от людей свое открытие, а ключи к нему похоронил в глубинах Тихого океана. Вот теперь и судите, прав ли был профессор Гомби, когда он решил снова стать Карлссоном?

— Но эта энергия, энергия недр, что она такое? — спросил я, будучи не в силах сдержать свое любопытство.

— Об этом больше ни слова... Она — все то, что притаилось там, в глубинах планеты, чем вздыблены горы и рождены провалы морей... Взрывы вулканов, землетрясения, образование алмазонасных кимберлитовых труб — лишь слабые ее отзвуки. Энергия недр еще страшнее той дьявольской силы, которая скрыта в смертоносных цилиндрах водородных бомб...

— Значит, взрывы на ваших научных станциях?..

— Нет-нет, то действительно были диверсии. Они и ускорили мое окончательное решение. Миру, в котором

возможно такое, нельзя завещать новых открытий. Во время катастрофы судна мне одному случайно удалось уцелеть... Волны выбросили меня на этот берег. И я остался тут. Своим открытием я чуть не привел человечество на край гибели. Во искупление я решил сделать счастливыми хотя бы немногих — тех, кто населял клочок земли, давший мне спасение. Кроме того, здесь, на этом острове, я в какой-то мере остаюсь хранителем своей тайны и... тайны Тихоокеанского кратера.

— Но один человек практически бессилён... Если кто-то пойдет по вашим стопам в исследовании тихоокеанского дна... Сейчас организуется столько экспедиций...

— Да, конечно... Рано или поздно мое открытие кто-нибудь повторит. И если это случится в ближайшие десятилетия, остается лишь утешаться мыслью, что человечество будет проклинять не меня.

— Но разве нельзя придумать что-нибудь?..

— Я не сумел...

— Это потому, что вы один.

— Я не один,— возразил он, обнимая Ку Мара.— Со мной вот — все они... и, право, мы кое-какая сила!

— Правильно,— подтвердил Ку Мар.

— Вы хотите сказать, что, если кто-то попытается повторить ваше открытие и приблизится к истине, вы помешаете исследователям так же, как когда-то Алмазная корпорация хотела помешать вам?

Он нахмурился:

— Возможно... Да, возможно, что мы попытаемся помешать. Впрочем, не теми методами, которые использовала Алмазная корпорация. Безумцев надо остановить. Вовремя остановить!.. Если иного выхода не окажется, я готов буду вмешаться... Да-да, я и мы все...

— Но что вы можете?..

— О,— живо перебил он,— вы недооцениваете наши силы и возможности. Уверяю вас, кое-что можем... Моя сила в знании того, что может случиться... А знать — это уметь предвидеть...

— Одного предвидения событий, даже самого точного, недостаточно,— не сдавался я.— Между предвидением и реальной возможностью противодействия зачастую существует пропасть. Как вы преодолеете эту пропасть? Можно ли вообще преодолеть ее в данном случае?

Он испытующе посмотрел на меня:

— Хотите, чтобы раскрыл вам частицу моих... наших планов? Не сделаю этого... Скажу лишь: время работает на нас. Надеюсь, даже почти убежден, что повторить мое открытие смогут еще не скоро. И пока я жив, тайна Тихоокеанского кратера будет сохранена.

— А вы не боитесь, что я расскажу обо всем этом другим ученым?

— Нет,— очень серьезно ответил он.— Во-первых, потому, что вы обещали хранить тайну Муаи, а ведь вы порядочный человек, не так ли?

— Правильно,— снова подтвердил Ку Мар.

— А во-вторых, я же не сказал ничего, что могло бы... натолкнуть на след. Я говорил в самых общих чертах... А они известны каждому геологу.

— И все-таки мне кажется,— сказал я,— что вы не совсем правы, профессор. Вы могли молчать о самом открытии, но надо было бороться с несправедливостью, добиваться наказания виновников гибели ваших товарищей. Есть же на свете честные люди, даже и в нашей стране. Вас бы поддержали. И надо было рассказать правду о месторождениях алмазов. Они нужны всему человечеству.

— Да поймите вы,— с легким раздражением возразил Гомби,— что все это гораздо сложнее, и алмазы — не самое главное... И даже гибель моих товарищей... На карту поставлено большее — судьба человечества...

— Судьбу человечества вы не решите, сидя на этом острове. Мне кажется, вы все-таки переоцениваете свои силы... Правда, столкнувшись с нами, с маленькой группкой посланцев большой Земли, вы одержали верх; вы заставили нас поступить так, как сами считаете более правильным и удобным... Удобным для себя. Но ведь есть еще целый огромный мир; перед ним вы совершенно бессильны, потому что, несмотря на все, вы ужасно одиноки. Вы, профессор, помогли стать счастливыми обитателям небольшого островка. Это правда. Но вы могли сделать гораздо большее...

— Не знаю,— задумчиво сказал он.— Пожалуй, мы не сможем сейчас убедить друг друга. Будущее покажет... Прощайте...

И он ушел и увел с собой Ку Мара...

С тех пор минуло двадцать лет. И теперь эта газетная заметка... Муай больше нет. «Будущее покажет»... Вот и ответ на наш спор... Нет больше Хранителя тайны Тихоокеанского кратера и его маленькой колонии. И Ку Мара нет — Ку Мара, который за эти годы успел стать совсем взрослым...

А может быть, кто-нибудь из них все-таки уцелел? Может, они все уцелели, давно разъехавшись по другим островам Тихого океана? Ведь Гомби воспитывал их, чтобы тоже сделать хранителями тайны Тихоокеанского кратера. И может, он сам уже вернулся на большую землю?..

Нет, пожалуй, я должен повременить с разоблачением. Надо подождать еще некоторое время... Год... Несколько лет... Кроме того, если они действительно погибли, им-то я уже не помогу. И еще неизвестно, как на это посмотрит мое начальство... Ведь я тогда не добурил скважину. А мои сбережения невелики. Да и стоит ли сейчас снова привлекать внимание к открытию Гомби?..

Так я думал, сидя над раскрытой утренней газетой возле чашки остывшего кофе. И не знал: прав я или нет...

1965 год

ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА

Эта повесть-предупреждение написана более двадцати лет назад. О чем она? О попытках «ухода в сторону», когда свершаются самые важные, самые существенные события эпохи. Это повесть об ответственности каждого за то, что происходит в нынешнем мире.

Главный герой, от имени которого ведется рассказ, осуждает профессора Гомби за устранение от активной борьбы, за попытку замкнуться в созданном им маленьком мирке кажущегося благополучия и справедливости. Однако и сам он не борец. Даже узнав о гибели колонии Гомби, он не торопится с разоблачением чудовищного преступления и за чашкой утреннего кофе подыскивает причины, оправдывающие невмешательство...

Позиция обывательского невмешательства уже обернулась для человечества многими трагедиями... Ныне она чревата угрозой всеобщего уничтожения. Наша планета стала слишком хрупкой для исполинских арсеналов атомного и водородного оружия. Альтернативы сохранению мира уже нет. А испытания новых, все более разрушительных ядерных устройств продолжаются. Несмотря на объявленный Советским Союзом мораторий на ядерные взрывы, США, Франция, Англия продолжают подземные термоядерные испытания. В июле 1986 года на полигоне в пустыне Невада был произведен 654-й ядерный взрыв. Все более реальным становится создание космических термоядерных вооружений, угрожающих всей Земле.

Тихий океан больше других районов мира пострадал от ядерных испытаний. С 1946 по 1958 год США провели на островах Микронезии 66 атомных и водородных взрывов. Первая американская водородная бомба была взорвана на острове Элуджелап в 1952 году. В 1958 году термоядерное устройство было взорвано над островом Рунит. К моменту написания повести «Тайна атолла Муаи» остров Рунит был превращен американцами в огромную свалку радиоактивных отходов; его пришлось «закрыть» на ближайшие 25 тысяч лет. С 1975 года Франция начала подземные ядерные взрывы на атолле Мурура.

Полное прекращение ядерных испытаний могло бы стать первым шагом на пути к освобождению Земли от арсеналов ядерного оружия. Шаг этот — веление времени. И он свершится, если люди Земли дружно выступают в его поддержку, если в извечной борьбе двух противоположных нравственных начал — активного действия и обывательского выжидания — победу одержит Разум.

1986 год

ПРИБЫШЕНИЕ К БОЛЬШИНСТВУ

ПОВЕСТЬ

ольшой темный конверт из полупрозрачного шелковистого пластика Рут Доррингтон получил на пятый день после возвращения на Землю. Этот конверт

чем-то выделялся среди остальной корреспонденции, принесенной Ио — роботом системы Модерн, предоставленным в распоряжение Рута с первых же минут пребывания на родной планете. Рут решил оставить темный конверт на самый конец ..

Разбирая утреннюю почту, Рут Доррингтон презрительно усмехнулся.

Что за снобы! Кое-кто не поленился написать собственноручно старинным рукописным шрифтом, некогда специально придуманным, чтобы излагать мысли на бумаге. Наверно, рассчитывают заполучить его собственный автограф. . Как бы не так!

За годы, проведенные на Плутоне, Рут не написал ни строчки. Там было не до этого... Магнитная лента, диктофон, в крайнем случае старый полуавтомат, на котором можно печатать, чуть касаясь пальцами клавишей.

Шевеля губами, Рут с трудом разбирал причудливые знаки. Приходится тратить

время на такую чепуху!.. Некоторые буквы рукописного алфавита он вообще забыл.

Что, например, обозначают эти закорючки? Придется заглянуть в справочник. Сомнительное удовольствие — корпеть целое утро над расшифровкой чьих-то каракулей. Времени им тут девать некуда!..

Впрочем, и его время теперь текло без особой пользы. Впервые за десять лет... Ступив на бетон Центрального космодрома, он только и делал, что пожимал чьи-то руки, пил, ел, улыбался в ответ на просьбы: «Еще улыбку в эту сторону, дорогой мистер Рут!» Без конца отвечал на дурацкие вопросы... Теперь по утрам еще ворох корреспонденции. Ничего не поделаешь... «Через это надо пройти», — шепнул вчера кто-то из журналистов, подсовывая Руту под самый нос портативный экран видеопередатчика. «Два слова, капитан. Миллионы ваших соотечественников, прильнувшие сейчас к видеозэкранам, горят желанием услышать ваш голос и узнать об урановых месторождениях, которые вы открыли на Плутоне»... Очень нужны эти месторождения «миллионам соотечественников»! Тем более что большинство, конечно, догадывается, для каких целей будет использован уран...

Десять лет жизни — срок немалый! К тому же десять лет, прожитых им, Рутом Доррингтоном! Здесь, на Земле, стрелки часов бежали быстрее. И кое-что тут изменилось не в лучшую сторону. Он уже успел подметить. Да и на Плутон доходили вести...

Рут раздраженно отбросил очередное письмо. Одно и то же — приглашения на приемы, просьбы о «личных встречах», предложения рекламных бюро и фирм, краткие извещения («Имею удовольствие сообщить, что вы избраны почетным членом нашего клуба»), какие-то дипломы... Несколько гладких белых пластинок — видеозвуковые письма... Надо будет потом прослушать их на видеопроекторе.

Остается еще большой темный конверт. Может быть, необычная форма и цвет на этот раз не обманут ожидание?

Рут заставил себя неторопливо вскрыть конверт. Изнутри выскользнула полоска темной ткани с несколькими строками печатного текста:

космическому пилоту первого класса — капитану трансуранового планетолета «Метеор-3» — Командиру Второй экспедиции на Плутон

Отель «Парадиз»

Дорогой друг! Вам надлежит приобщиться к большинству не позднее чем через десять дней с момента получения нашего письма. Вы сами повинны в том, что обращаемся к Вам сразу же после Вашего триумфального возвращения. Однако надеемся, что Вы в полной мере оцените продолжительность предоставленного Вам срока. Вы первый, для кого делаем это исключение в признание выдающихся заслуг. Мы полагаем, что нет надобности объяснять Вам, что решение является окончательным и ни при каких обстоятельствах не может быть отменено или изменено. Попытка уклониться приведет к последствиям столь же нежелательным, сколь и страшным...

С уважением и восхищением по поручению Высшего Совета Равных...

Вместо подписи вилась длинная спираль, похожая на ползущую змею.

Рут пожал плечами. Милая Земля!.. Уже начали шантажировать... Дешевка! Интересно, что может означать «приобщение к большинству»? Что за большинство? Выжившие из ума старые психопатки или хулиганствующие молокососы?.. Надо будет при случае узнать, что это за «Высший Совет Равных»...

Рут взглянул на часы. Ого, уже восемь! Удивительно, что никто еще не беспокоил его сегодня. И переговорные экраны молчат... Что ж, тем лучше!.. Первая официальная встреча назначена на десять. Значит, в его распоряжении еще два часа, которые можно провести по своему усмотрению.

Насвистывая, он принял душ, оделся, вышел на балкон. Отсюда, с высоты сорок восьмого этажа отеля «Парадиз» — самого фешенебельного в Роктауне, окрестность просматривалась на десятки километров, до далекого подножия едва различимых синевато-фиолетовых гор.

В голубоватой дымке раннего утра лежали внизу квадраты кварталов огромного города. Из разноцветной мозаики крыш, местами прорезанной полосками зелени, поднимались узкие стеклянные коробки многоэтажных зданий, подобные «Парадизу». На востоке, насквозь пронизываемые лучами утреннего солнца, они мутновато просвечивали, на западе ярко блестели, отражая застекленными стенами потоки солнечного света. Вдали, за чуть уловимой границей города, зеленели равнины в серебристой паутине дорог. В едва различимых узелках этой паутины еще что-то поблескивало, и — до самого горизонта.

Рут глубоко вздохнул. Оперся на балюстраду. Это была Земля, которую он не видел десять лет. Его Земля... Утренний ветер приятно охлаждал лицо, приносил какие-то странные запахи свежести и гнили, едва уловимый аромат цветов. А может быть, это только казалось... Ведь он забыл, как пахнут цветы, трава и лес, забыл прикосновения земного ветра. Он вообще многое позабыл за эти годы. Кондиционированный воздух в космическом корабле и на их базе на Плуtone был стерильно чист; подобно дистиллированной воде, лишен каких-либо свойств и признаков. Он просто не ощущался. Служил лишь для дыхания. И никогда ни о чем не напоминал. А утренний ветер и эти запахи сразу напомнили так много...

Рут прислушался. Было удивительно тихо. Внизу на улицах уже началось движение, но сюда ни единый звук не доносился. Да, многое тут изменилось, многое... Раньше не строили таких высоких зданий и городов таких не было. В сущности, Роктаун — один из множества обычных городов, выросших на Среднем Западе за последние десятилетия. Черт побери, десятилетия! Его десять лет, прожитые на космическом корабле и под черным небом Плутона, — это двадцать семь земных. Более четверти века! Он теперь на семнадцать лет моложе своих сверстников, с которыми вступал в жизнь. Понятно, что никто из старых друзей не встречал его. Ведь им уже давно за шестьдесят. Может быть, многих нет в живых...

Даже Рэгги теперь гораздо старше его. Рэгги... Почему сегодня он вдруг вспомнил о ней?.. Тогда, перед отлетом, десять лет или четверть века назад, он приказал себе забыть о ней навсегда. На Плуtone он не нарушал этого приказа. Только сегодня... Эх, Рэгги, Рэгги... Все могло

бы быть иначе, если бы... Рут стиснул зубы и потрянул головой. К чему эти воспоминания!.. Она не любила его. Даже не пришла проводить... У нее была какая-то своя цель в жизни, непонятная ему. Удалось ли ей достигнуть этой цели? Была ли она счастлива? Счастлива ли она сейчас? И главное, где она?..

Рут вдруг с необыкновенной ясностью понял, почему он так пристально всматривался в лица встречающих, почему внимательно просматривал утреннюю почту, почему так подбирал слова в бесконечных интервью. В сущности, он все время ждал только одной-единственной встречи, одного-единственного письма и лишь к ней, единственной на Земле, он обращался, стоя перед видеоэкранами. Знала ли она о его возвращении? Видела ли его? Слышала ли его слова? Поняла ли, что они обращены к ней одной? А вдруг и ее уже нет в живых? Нет-нет, быть не может. Если бы она ушла из жизни, он почувствовал бы это даже на Плутоне. И тогда...

Рут горько усмехнулся. Трижды на протяжении этой бесконечной десятилетней ночи он побывал на пороге гибели. Правда, в одном случае он боролся за жизнь других. И совершил невозможное — спас их и себя вместе с ними. Он посадил продырявленный винтокрыл в узкой расщелине в трех часах пути от базы. И они дошли, дошли, несмотря на смертельную усталость, несмотря на удушье — кислородные баллоны их скафандров были почти пусты. Только у Джейн иссякли силы на последних сотнях метров. Но он донес ее до входного шлюза базы... Тогда он спасал товарищей... Ну, а потом — в Лабиринте Призраков и позднее, когда его свалила лучевая болезнь? Играть пришлось один на один... И все-таки он ухитрился выиграть обе «партии». Как — он не сумел бы объяснить. Просто заставил отступить смерть. Ведь не случайно оба раза его уже считали погибшим. Впрочем, как и при аварии винтокрыла...

Что же это — простое везение? Нет, конечно! Он знал, что должен вернуться на Землю. Должен, несмотря ни на что... Он сумел убедить себя в этом. И вот вернулся... Зачем — это уже другой вопрос... Не ради же всей этой кутерьмы, которая происходит сейчас вокруг него. И не ради земных ветров, о которых просто не вспоминал, пока находился там... Так зачем же, черт побери?!

Рут снова усмехнулся: «Уж коли разрешил себе думать об этом, не притворяйся, старина... Ты же знаешь, почему так яростно сражался со смертью один на один... Почему хотел вернуться. Она, только она... Она постоянно была с тобой, несмотря на все запреты. Даже когда ты целовал Джейн...»

Бедная Джейн... Она-то навсегда осталась там — в ледяной ночи Плутона. Она оказалась хорошей подругой — преданной и нежной. Их связь не была случайной. Кажется, она любила его. А он... Нет-нет, ему тоже бывало с ней хорошо. Но когда нелепый случай унес ее жизнь, он не испытал настоящего горя... Одиночество — да, горе — нет... Когда замуровывали штольню, в которой был оставлен ледяной саркофаг Джейн, многие плакали, а он... Его глаза оставались сухими. Бедная маленькая Джейн! Она так мечтала о возвращении на Землю. Вместе с ним... Теперь на Земле он чаще вспоминает о ней, чем там в последние годы. Лаборант Джейн Верра... Ее имя навечно занесено в книгу Героев космоса. Так же, как и его собственное. Но он возвратился...

Странно, однако, что никто не тревожит его сегодня. Бестолковая суeta первых четырех дней, последовавших за посадкой на космодроме Западной пустыни, не оставляла времени думать. Сегодняшний день — первый, когда он мог собраться с мыслями... Что же будет дальше, если свободного времени у него окажется больше? Нет-нет, довольно об этом. У него еще час до намеченной встречи. Надо спуститься вниз и посмотреть город.

Подойдя к двери, Рут вдруг вспомнил о странном конверте. Оглянулся. Раскрытый конверт лежал на столе, рядом темнела полоска ткани. Рут пожал плечами. Вернулся к столу. Взял темную полоску, еще раз перечитал ее, усмехнулся и сунул в карман.

Скоростной лифт за несколько секунд опустил Рута в просторный холл. Седоголовый портёс вежливо поклонился ему из-за своей стойки. Рут кивнул и вышел наружу. После кондиционированной прохлады холла горячая влажная духота ошеломила. Дымился только что политый асфальт; пахло бензином, потом и чем-то жареным. Узкая улица была запружена яркими машинами, медленно плывущими в двух противоположных направлениях. По тротуарам, обгоняя машины, торопливо шли люди. Кто-то

сильно толкнул Рута, и он поспешно отступил к огромной зеркальной витрине ювелирного магазина, разместившегося по соседству с отелем. За стеклом на черном бархате лежали колье, перстни и броши, искрящиеся бриллиантами. Рут вспомнил алмазные копи Плутона. В одной из них погибла Джейн... Может быть, некоторые алмазы были оттуда? Он вдруг почувствовал головокружение, и ему захотелось вернуться в прохладный сумрак холла.

— Вздор,— сказал он вслух.— К этому надо привыкнуть.

Он заметил, что какая-то девушка внимательно взглянула на него. Кажется, она была недурна: овальное, почти детское личико, пышные темные волосы, стройные загорелые ноги. На ней было светлое, очень короткое платье и тонкая золотая цепочка на открытой шее. Цепочка заставила его сердце сжаться. Такую же носила Рэгги. На конце ее цепочки в тонком золотом обруче был миниатюрный силуэт старинного парусника. Рут готов был побежать вслед за девушкой, чтобы взглянуть еще раз на цепочку...

— Ну, возьми себя в руки, старина,— снова произнес он вслух,— что за мальчишество!

Он медленно пошел в противоположную сторону навстречу потоку прохожих.

Вдруг кто-то дернул его за рукав. Рут оглянулся. Молодой, нагловатого вида парень в мятом сером костюме и темных очках протягивал на грязной ладони маленький темный пакетик.

— Что это? — спросил Рут.

— Бери, не пожалеешь,— парень подмигнул.

— Наркотик?

— Вроде... Дает вечное забвение... Ты ведь Рут Доррингтон, не так ли?

— Откуда меня знаешь и кто ты такой?

— Неважно, для тебя неважно. Так берешь?

Рут покачал головой.

— Ну, как хочешь... Только зря отказываешься... Самый лучший способ,— парень хихикнул,— заснешь и все...

Рут стремительно повернулся. Глянул на него в упор. Широкая, какая-то рыхлая, угреватая физиономия без бровей, глаз под темными очками не видно.

— Ты что плетешь? Откуда ты взялся?

Парень презрительно сплюнул:

— Подумай... Догадаешься.— И, уже повернувшись, чтобы уйти, негромко бросил через плечо: — Зря ты вернул... Зря...

Рут замер на месте. Первой мыслью было схватить и задержать наглеца. Потом вспомнилась полученная утром записка. Рут машинально сунул руку в карман, но там ничего не оказалось. Он растерянно обшарил все карманы. Полоски темной ткани нигде не было. Может, он опустил записку мимо кармана и она лежит теперь на полу в его номере? Рут огляделся по сторонам. Парня в сером костюме и темных очках уже не было видно. Некоторое время Рут стоял неподвижно, пытаясь сообразить, что, собственно, с ним происходит. Неужели ему почудилось?.. Нет, парень в темных очках не мог быть галлюцинацией. Рут еще ощущал кисловатый запах его давно немытого тела. Что же это означает?.. Неужели именно теперь, когда все позади, у него начинают сдавать нервы?

Рут внимательно посмотрел вокруг. Прохожие шли торопливо, безразличные ко всему. Несмотря на солнечный день, лица были сумрачны и озабоченны. Непрерывными потоками плыли машины. На перекрестке автомат-полицейский поднял руку в белой перчатке, и потоки машин мгновенно застыли. Еще раз мелькнула белая перчатка — движение возобновилось. Рут решительно повернул к отелю. Город больше не интересовал его.

Первое, что бросилось в глаза Руту, когда он вошел в прохладный сумрачный холл, была та девушка в светлом платье. Она сидела в низком кресле, плотно сдвинув колени и положив подбородок на сплетенные пальцы. Теперь, в полумраке холла, она не показалась Руту красивой. Лицо, каких много, крупный рот с пухлыми губами, чуть вздернутый нос. На вид ей было лет восемнадцать. Смуглая кожа выдавала примесь африканской крови. «Южанка»,— решил Рут. Девушка подняла на него глаза, их взгляды встретились. Рут слегка поклонился. Она не ответила, но и не выразила неудовольствия. Только чуть шевельнула бровью и медленно отвернулась.

Заметив Рута, портье заспешил навстречу.

— Просили передать вам тысячу извинений, капитан,— портье протягивал на блестящем подносе темный конверт,— встреча, назначенная на десять утра, откладывается. Позднее они позвонят еще раз.

— Благодарю,— Рут взял конверт.— Больше ничего?

— Больше пока ничего.

Открывая конверт, Рут поймал себя на мысли, что отмена встречи странно обеспокоила его. Сейчас ему меньше всего хотелось оставаться одному. Он медленно раз-

вернул полоску темной ткани, почти убежденный, что «Совет Равных» снова напоминает о себе. Так и было.

КАПИТАН!

Вы легкомысленно отказались от первого шанса, который мы любезно предоставили. Смотрите не ошибитесь вторично!

По поручению Высшего Совета Равных...

И та же подпись, похожая на змею.

Рут сосредоточенно потер лоб тыльной стороной ладони. Игра продолжалась и становилась все более забавной... Жаль, что он не задержал того парня в темных очках. В конце концов, достаточно было одного хорошего удара в челюсть. А в полиции можно было обратить это в шутку. Как-никак он все-таки Рут Доррингтон...

— Кто и когда принес конверт? — спросил он, подходя к стойке.

Портье пожал плечами:

— Доставлен пневмопочтой за несколько минут до вашего возвращения, капитан.

— А вы не знаете, что такое «Высший Совет Равных»?

Лицо портье окаменело. Несколько мгновений он смотрел исподлобья на Рута, потом пробормотал, едва шевеля губами:

— Извините, никогда не слышал... о таком...

«Лжет,— решил Рут.— Лжет и чего-то боится».

— Благодарю,— сказал он, кладя на стойку золотую монету.

Портье низко поклонился.

Проходя через холл, Рут заметил, что девушка бросает на него любопытные взгляды.

В холле было довольно много народу, тем не менее Рут решился. Он подошел к креслу, в котором сидела девушка, поклонился и назвал себя. Она подняла на него удивленные, немного встревоженные глаза.

— Простите меня,— продолжал Рут,— всего лишь пятый день, как я возвратился на Землю. Меня поместили в этом отеле. В городе я почти никого не знаю. Боюсь,— он улыбнулся,— потеряться в этой сутолоке, от которой отвык. У меня есть несколько свободных часов — первые свободные часы с момента прилета. Не могли ли вы, не захотели бы стать моим гидом и наставником на это время?

Она смущенно молчала, опустив голову. Потом тихо сказала:

— Но вы меня совсем не знаете.

— Так же, как и вы меня.

— Ну, вас все знают. Только и разговоров о вас... Я тоже вас видела на экране... Но неужели вас не встречал никто из ваших близких?

Он покачал головой.

— А ваша жена... дети?

— У меня нет жены и детей.

— О, простите меня. Я с удовольствием помогу вам, если сумею. Я ждала здесь подругу, но она не пришла. Меня зовут Каридад; можете называть меня Кари...

— Чудесно, Кари. С чего же мы начнем?

Она улыбнулась:

— Не знаю.

— Я предлагаю позавтракать, а потом вы покажете мне самые интересные места в этом городе. Мы с вами возьмем машину и поедем по маршруту, который вы выберете.

— Самые интересные места? — она задумалась. — Боюсь, в этом городе не найдется ничего интересного для вас, господин Доррингтон. Вы ведь видели столько...

— Называйте меня просто Рут, Кари.

— Хорошо. Днем это очень скучный город, Рут. Здесь нет ни старинных зданий, ни красивых памятников, ни тенистых садов. Есть Луна-парки, но... они открыты только по вечерам, когда большинство людей не работает. Вообще, здесь можно повеселиться только вечером, но вечером вы снова будете выступать на каком-нибудь ученом собрании или банкете...

— Скорее всего,— кивнул Рут.— Однако я надеюсь, мы найдем способ не скучать и в первую половину дня. А пока,— он протянул ей руку,— завтракать, Кари.

* * *

После завтрака он уже знал о ней почти все. Она студентка университета: второй курс медицинского факультета... Отца не помнит, мать погибла несколько лет назад в авиационной катастрофе. Воспитала ее бабушка. У бабушки бензозаправочная станция на юге, но сейчас, с переходом на новые виды горючего, дела у бабушки идут все хуже... Каридад вынуждена работать: надо платить за обучение. Все дорожает, и плата за обучение — тоже. Он, конечно, уже слышал об этом...

Нет, он об этом еще не слышал. Он вообще не представляет себе современных условий жизни. Старых цен он не помнит, а новые... В памяти всплыли слова его адвоката, сказанные при первой встрече: «Вы богаты, капитан Доррингтон. Даже при нынешней нелегкой конъюнктуре очень богаты. Но ваш капитал надо быстрее определить в дело. Золото с каждым днем дешевеет»... Он сказал тогда, что подумает. Действительно, надо будет что-то сделать. Вот хотя бы эта девушка...

Она продолжала рассказывать, но он почти не слушал. Вероятно, даже в этом городе найдётся немало людей, которые нуждаются в помощи. Может быть, и Рэгги — тоже... Эта мысль больно уколола. Рэгги в чем-то нуждается! Надо попробовать разыскать ее! Можно же найти человека, даже если он изменил фамилию... А если она покинула страну?

Кари перестала рассказывать, и он почувствовал на себе ее серьезный, внимательный взгляд.

— Вы чем-то озабочены, Рут?

— Нет... А впрочем, быть может. Я совсем не представлял, что за эти годы жизнь в нашей стране стала такой трудной.

— Стала трудной? Разве для большинства жизнь не была трудной всегда?

Он подумал, что, пожалуй, она права. В молодости и ему приходилось нелегко... И все-таки ему не хотелось соглашаться.

— Знаете, Кари, когда я впервые увидел этот город и вошел в этот отель, мне представилось, что теперь в нашей стране людям живется неплохо... Я имею в виду большинство... Люди на улицах красиво одеты, я нигде не заметил трущоб...

— Лохмотья и трущобы теперь в человеческих душах, Рут... А то, что вы видели... Эти дома и красивые машины, и все остальное — почти все взято в кредит, в долг. За это надо платить всю жизнь. И если кто-то не сможет сделать очередного взноса — у него отбирают все и... высылают из города... Если, конечно, у него не найдется защитников.

Она вздрогнула, испуганно оглянулась по сторонам и замолчала.

— Значит, здесь, в городе...

— Здесь, в городе, могут жить только те, кто в состоянии платить... А чтобы платить, надо много и тяжело работать. Работать всю жизнь.

— Что же происходит с теми, кого высылают?

Ее губы задрожали:

— Не знаю... Не спрашивайте меня об этом, Рут... Вообще никогда никого не спрашивайте об этом... Пожалуйста...

Он с удивлением увидел, что она плачет:

— Кари, дорогая, что с вами? Успокойтесь!.. Ну...

Он протянул ей свой носовой платок.

Прижимая платок к глазам, она попыталась улыбнуться сквозь слезы:

— Простите меня, Рут... Это сейчас пройдет...

Но спазм плача снова сотряс ее худенькие плечи.

Он плеснул в бокал вина и заставил ее сделать несколько глотков. Услышал, как застучали ее зубы о край бокала, когда она пила вино.

Рут взял сигарету. Тотчас подкатился робот-официант,

ловким движением протянул палец. На конце пальца блеснула красноватая искра. Рут прикурил от протянутого пальца и глубоко затянулся.

Кари сидела, низко опустив голову. Пряди темных волос свесились ей на грудь и закрывали лицо. Конiec золотой цепочки выскользнул из-за кружев в вырезе платья. Нет, на конце цепочки не было силуэта старинного парусника... Там был маленький золотой крестик.

Затягиваясь крепким ароматным дымом, Рут попытался сообразить, что, собственно, произошло. Она не похожа на наркоманку... Может быть, просто истеричка? Тоже маловероятно. Кари выглядела совершенно нормальной девушкой и рассуждала вполне здраво, пока он не спросил ее о тех, кого высылают... У нее неплохая фигура, красивые ноги; вероятно, она отличная спортсменка. В чем же дело, черт побери?.. Незажившая рана недавнего тяжкого переживания? Он разбередил ее своим вопросом?.. Рут почувствовал, что все больше теряется в окружающей обстановке. Одно непонятное нагромождaлось на другое...

Впервые где-то в глубинах сознания родилась мысль, что там — в безмерных далях космоса — все было гораздо проще и яснее. Была напряженная работа, которая постоянно заставляла держать себя в руках, и была мечта, светившая сквозь мрак вечной ночи. Здесь все выглядело гораздо сложнее... Этот странный город, в котором никто не уверен в завтрашнем дне, эта девочка, с ее невыплаканным горем, Совет Равных...

Кари шевельнулась. Потом подняла голову, отбросила назад волосы и взглянула на него. Ее лицо было уже спокойным, только большие темные глаза утратили прежний блеск и глядели куда-то в глубь себя.

— Плохой из меня наставник и гид, не правда ли? — Она печально улыбнулась. — Вам придется поискать кого-нибудь другого, Рут.

Она хотела встать из-за стола, но Рут поспешно удержал ее за руку. Ему вдруг стало страшно, что она сейчас уйдет и он опять останется один со своими мыслями.

— Не меняйте так быстро ваших решений, Кари, — попросил он не очень уверенно.

Она внимательно посмотрела на него:

— Мне показалось, что переренили вы, Рут. Я испортила вам такой прекрасный завтрак.

У него отлегло от сердца:

— Значит, вы остаетесь?

— Если вы не прогоните меня.

Рут громко рассмеялся.

— Если бы вы знали, Кари, как для меня важно, чтобы вы остались...

Она тоже улыбнулась кокетливо и чуть насмешливо:

— Эти слова следует принять всерьез?

— Безусловно, — горячо заверил он.

Они вышли из ресторана и на скоростном лифте съехали в холл. На месте старого портье уже дежурил молодой огненногоголовый парень с голубыми глазами на выкате. Он склонился в почтительном поклоне, когда они подошли к стойке.

— Ну, куда мы направимся? — спросил Рут.

Она закусил губы:

— Право, не знаю. Здесь, в центре, сейчас повсюду такие пробки.

Рут глянул сквозь стеклянные двери холла. Потoki разноцветных машин едва двигались в противоположных направлениях.

— А если взять винтокрыл?

Ее глаза заблестели:

— О, это было бы замечательно. Знаете, Рут, я никогда не летала на нем.

— Решено. Винтокрыл! — бросил Рут, обращаясь к рыжеголовому портье.

— Слушаюсь, капитан! С пилотом? — Портье замер в ожидании ответа.

— Поведу машину сам.

— Есть, капитан! — Толстые пальцы портье пробежали по цветным кнопкам панели, вмонтированной в крышку бюро. — Винтокрыл номер сто двенадцать ждет вас на крыше отеля, капитан. Желаю приятной прогулки!

Через минуту они уже были на плоской крыше отеля. Кари оглянулась и ахнула:

— Что за красота! Никогда не думала, что сверху город так прекрасен.

— Разве вы не видели его сверху?

— С такой высоты — нет.

— А с авиона?

— Я не летала на авионе. Я вообще никогда не поднималась в воздух, Рут. Не удивляйтесь... Большинство тех, что живут там, внизу, тоже не летали на авионах.

— Возможно ли? В век космических перелетов.

— Космические перелеты — удел немногих избранных. Таких, как вы, Рут. Но вас всего сотни, а там, внизу, миллионы. Подавляющее большинство живущих внизу не может позволить себе далеких путешествий. Лишь некоторые выезжают во время отпуска в горы или на берег моря...

— Но мне казалось, что в дни моей молодости...

Она быстро прервала его:

— Наверно, было то же самое, Рут. Просто вы рано попали в число избранных ..

Он усмехнулся, вспомнив свою молодость.

Они подошли к винтокрылу. Это была новая модель, и Рут подумал, не ошибся ли, отказавшись от услуг робота-пилота. Впрочем, бросив беглый взгляд на панель управления, он успокоился. Обойдется!.. Во всяком случае, это проще, чем вести «Метеор».

— Он немного похож на прозрачную стрекозу, не правда ли? — заметила Кари.

— Или на мыльный пузырь на конце соломинки.

Кари захлопала в ладоши:

— Это просто чудо — лететь в мыльном пузыре!

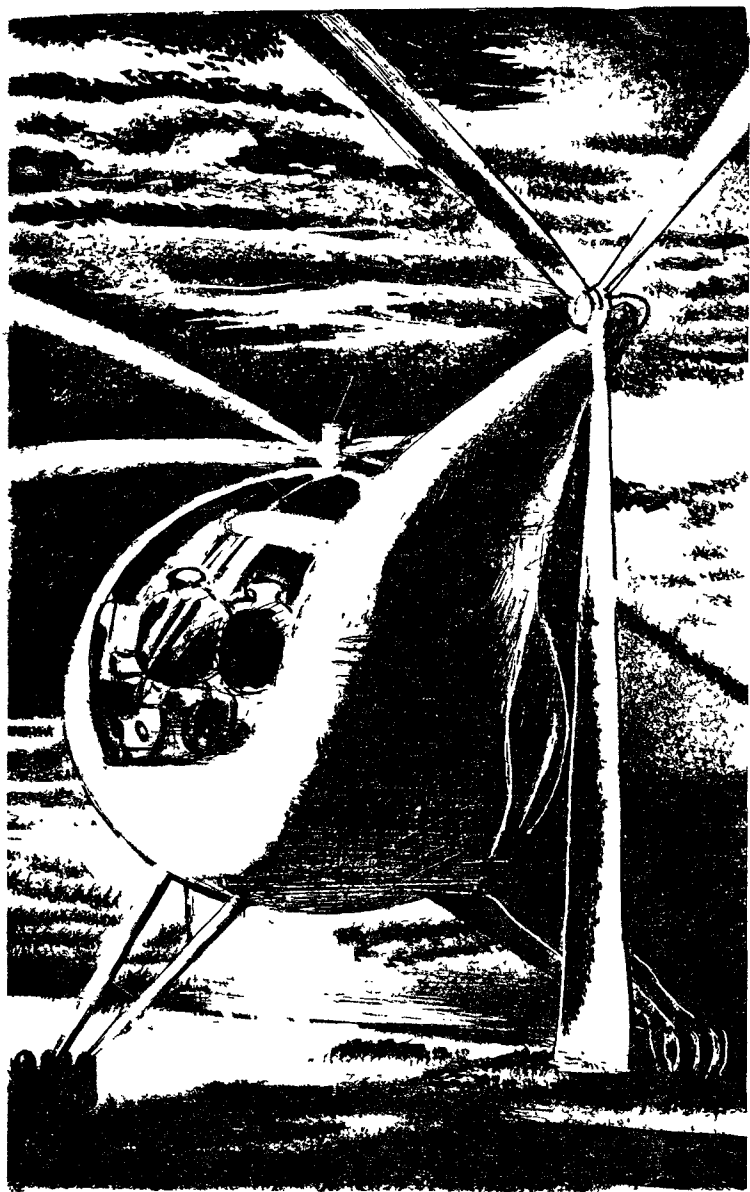
Прозрачная кабина винтокрыла действительно напоминала удлинённый мыльный пузырь. Сзади располагался полупрозрачный корпус. В нем помещались баки с горючим и двигатель. Вдоль корпуса покоились сложенные косым треугольником серебристые лопасти-крылья. Внизу — две пары небольших колес на надувных шинах.

Рут толкнул рукой прозрачную кабину, и все сооружение затрещало, словно оно было нарисовано на голубом полотнище небесного свода.

— Ой, а достаточно ли он прочен? — усомнилась Кари.

— Это хорошая машина, — заверил Рут, — удобная и надежная. На подобных летают даже на Плутоне.

В кабине было четыре места. Рут сел в кресло пилота и посадил Кари рядом с собой. Бесшумно задвинулась прозрачная дверь. Кари подалась вперед и вцепилась

обими руками в поручни кресла. Лицо ее побледнело от напряжения.

Рут искоса глянул на нее и усмехнулся.

— Не надо так напрягаться, Кари. Свободно откиньтесь в кресле. Сейчас я научу вас управлять этой стрелкой. Вот смотрите: поднимаем крылья...

Он нажал ногой красную педаль в полу. Послышался тихий шелест, и Кари, взглянув вверх, увидела, как над кабиной возникла блестящая мачта, а на конце ее развернулись и стремительно закрутились лопасти-крылья.

— Ну, вот и все,— сказал Рут,— полетели?

Винтокрыл дрогнул и побежал к краю площадки-крыши. Еще мгновение — и под ногами у них открылась бездна, а в этой бездне бесконечно далеко внизу — в дымной знойной мгле — квадраты городских кварталов.

Кари ахнула и, поджав ноги на сиденье, судорожно вцепилась побелевшими пальцами в рукав куртки Рута. Винтокрыл резко накренился и широким виражом пошел вниз. Кари закричала от ужаса и, зажмурившись, спрятала лицо на груди у Рута. Он, улыбаясь, выровнял машину; левой рукой обнял девушку за талию, а правой нашел ее маленькую руку и, положив на штурвал, прикрыл своей широкой ладонью.

— Следить за полетом. Ведем машину вместе...

Кари приоткрыла глаза. Винтокрыл, набирая скорость, стремительно рвался вперед. Внизу все быстрее проплывали разноцветные квадраты кварталов, похожие на коробочки башни высотных зданий. Контур далеких гор рисовался все четче на фоне янтарно-голубого неба.

* * *

Они летали целый день... Вскоре Кари настолько освоилась с полетом, что уверенно вела машину сама. Прислонив голову к плечу Рута, она смотрела вперед широко раскрытыми глазами и радостно смеялась, когда винтокрыл, покорный каждому движению ее пальцев, плавно разворачивался, описывал широкие круги, то ныряя далеко вниз, то уносясь к облакам. Рут лишь изредка подправлял ритм полета незаметным движением руки...

Кари опомнилась первая. Она глянула на часы и ахнула:

— Уже пять... Вы пропустили все ваши встречи, Рут. Он засмеялся, махнул рукой:

— Обойдутся без меня. Ради них я потерял четыре дня. Вполне достаточно на первое время. Давайте сядем где-нибудь...

Она отодвинулась и удивленно взглянула на него:

— Вы хотите опуститься на землю?

— Конечно.

— Но зачем?

— Ну хотя бы затем, чтобы перекусить. Нам давно пора пообедать.

Она подумала немного:

— Надо разыскать какой-нибудь отель и опуститься возле него.

— Совсем не обязательно,— возразил Рут.— Мы можем сесть где-нибудь на опушке леса в горах. В холодильнике винтокрыла должны быть продукты и питье. Мы разведем костер.

Она испуганно замотала головой:

— Чтобы сесть в горах, надо иметь специальное разрешение. С этим очень строго... И, кроме того, трудно найти такое место, где только лес и ничего нет. Взгляните, внизу все застроено, все загорожено... Свободных мест нет.

Он присмотрелся и убедился, что она права.

— Тогда углубимся еще дальше в горы.

— Ой, нет-нет... Там то же самое, Рут. Видите — оранжевые изгороди? Это — земля корпораций, которым принадлежат рудники. Если мы спустимся там, нас могут просто застрелить...

— Полетим к самым ледникам.

— Нет-нет, туда тоже нельзя. Там какие-то запретные зоны.

— Кажется, Земля становится слишком тесной,— пробормотал Рут.

— Она давно стала тесной,— шепнула Кари.— Нас слишком много на ней...

— Так что же делать? Не возвращаться же в «Парадиз»...

Кари взглянула ему прямо в глаза.

— Вы хотите побыть где-нибудь вдвоем?.. И чтобы нам никто не мешал?

Вместо ответа он поцеловал ее в нежные дрогнувшие губы...

— Спустимся туда,— сказала Кари, поправляя волосы,— к тому прямоугольнику темной зелени. Это придорожный отель. Там может остановиться каждый...

Рут посадил винтокрыл на пустой зеленой лужайке. Вокруг росли старые вязы с густыми, раскидистыми кронами. В тени деревьев виднелись легкие разноцветные домики, окаймленные верандами. К домикам вели посыпанные белым песком дорожки. Вдоль дорожек — цветы, целые заросли ярких цветов. Теплый вечерний воздух был неподвижен и напоен их ароматом. Откуда-то издали доносилась спокойная тихая музыка.

Бесшумно подкатился робот, похожий на Ио, в голубой униформе и круглой красной шапочке. На груди у него висел металлический ящичек с прорезью.

— Приветствую дорогих гостей,— прошепелявил робот.— Комнату или ранчо?

— Ранчо,— сказал Рут, закрывая кабину винтокрыла.— И хороший ужин.

Робот указал пальцем на прорезь металлического ящичка, и Рут опустил туда несколько монет.

— Мы останемся здесь только до ночи,— объяснила роботу Кари.

— А может быть...— начал Рут.

— Нет, нет,— решительно возразила она.— Только до ночи, Рут. У меня сегодня ночное дежурство. Ради такого дня я могла пропустить все лекции, но на работе должна быть. Иначе... меня уволят. Только до ночи!

Робот кивнул. Внутри у него что-то щелкнуло, и из металлического ящичка выпала часть монет. Робот с поклоном вернул их Руту.

Потом он повел их по обсаженной розами дорожке, мимо разноцветных домиков.

Возле каждого он останавливался и вопросительно глядел на Кари и Рута.

— Может быть, там?...— Кари указала на розовый домик немного в стороне, окруженный кустами цветущего жасмина.

Робот подвел их к этому домику и распахнул дверь.

Рут взглянул на Кари.

Она кивнула.

— Ужин приготовить на веранде? — спросил робот.

— Да, — Рут снова посмотрел на Кари.

Она улыбалась. Рут легко поднял ее на руки и шагнул в розовый домик.

* * *

В полночь они уже были над Роктауном. Кари показала квартал, где находился ее госпиталь, — несколько ярко освещенных кубических зданий с зеленовато фосфоресцирующими плоскими крышами. Рут посадил винтокрыл на одну из крыш. Здесь стоял еще один винтокрыл, поменьше.

— Это нашего шефа, — сказала Кари. — Только он прилетает в госпиталь на винтокрыле. Да еще один известный консультант. И вот теперь — я... Разговоры завтра будет! — Она засмеялась и поцеловала Рута.

— Где найду тебя завтра? — спросил Рут, обнимая ее.

— Я разыщу тебя сама. Мне это проще, — она опять рассмеялась. — До завтра, Рут. Утром после дежурства я позвоню. Спасибо тебе за сегодняшний день.

Он хотел еще раз поцеловать ее, но она прижала палец к его губам и выпрыгнула из кабины.

— Счастливо, Кари! — крикнул он вслед.

Она кивнула и исчезла.

Рут, не торопясь, поднял машину в воздух. Огляделся. Расцвеченная неонами, ярко освещенная коробка «Парадиза» вздымалась над центральными кварталами. До нее было несколько километров. Рут развернул винтокрыл и полетел к «Парадизу».

Поставив машину на прежнее место, Рут спустился на сорок восьмой этаж и прошел прямо в свои апартаменты. Ио приветствовал его бесстрастным поклоном.

— Ну, что нового? — спросил Рут.

— Ничего, — прошепелявил Ио.

— Как ничего? Совсем ничего?

Ио кивнул.

— Никто не приходил?

— Нет.

— И не вызывал меня? — Рут указал на видеозэкран.

— Нет.

— А письма?

— Тоже нет.

Это было, по меньшей мере, странно. На сегодня они назначили четыре или пять встреч, на которые Рут не явился. Он решил уточнить.

— Так меня никто не разыскивал сегодня?

— Нет.

— Может быть, обращались к портье внизу?

— Нет. Вечером я узнавал.

— Спустись и спроси сейчас.

— Зачем спускаться? Можно отсюда.— Ио подкатился к одному из экранов. Нажал кнопку. На экране возникла часть холла со стойкой, за которой сидел портье. Портье поднял круглую бритую голову. Очевидно, еще раз произошла смена. Этого портье Рут еще не видел.

— Сами будете спрашивать? — Ио уставился на Рута немигающими красноватыми глазками-фотоэлементами.

— Спроси ты.

— Капитан Доррингтон хочет знать, не было ли каких-нибудь известий для него.

Портье покачал головой:

— Передайте капитану, ничего не было.

— Благодарю.

Экран погас.

«Просто непостижимо,— думал Рут.— Может быть, они обиделись, что я исчез, никого не предупредив. Предыдущий портье мог сказать, что я улетел на винтокрыле... Конечно, это нехорошо с моей стороны, но могли бы и они подать какой-то знак. Хотя бы выражение неудовольствия. Как будет завтра? Что-то, кажется, планировалось и на завтра... Ждать вестей от них или самому попытаться разыскать кого-нибудь? Черт бы их всех побрал с их фокусами!»

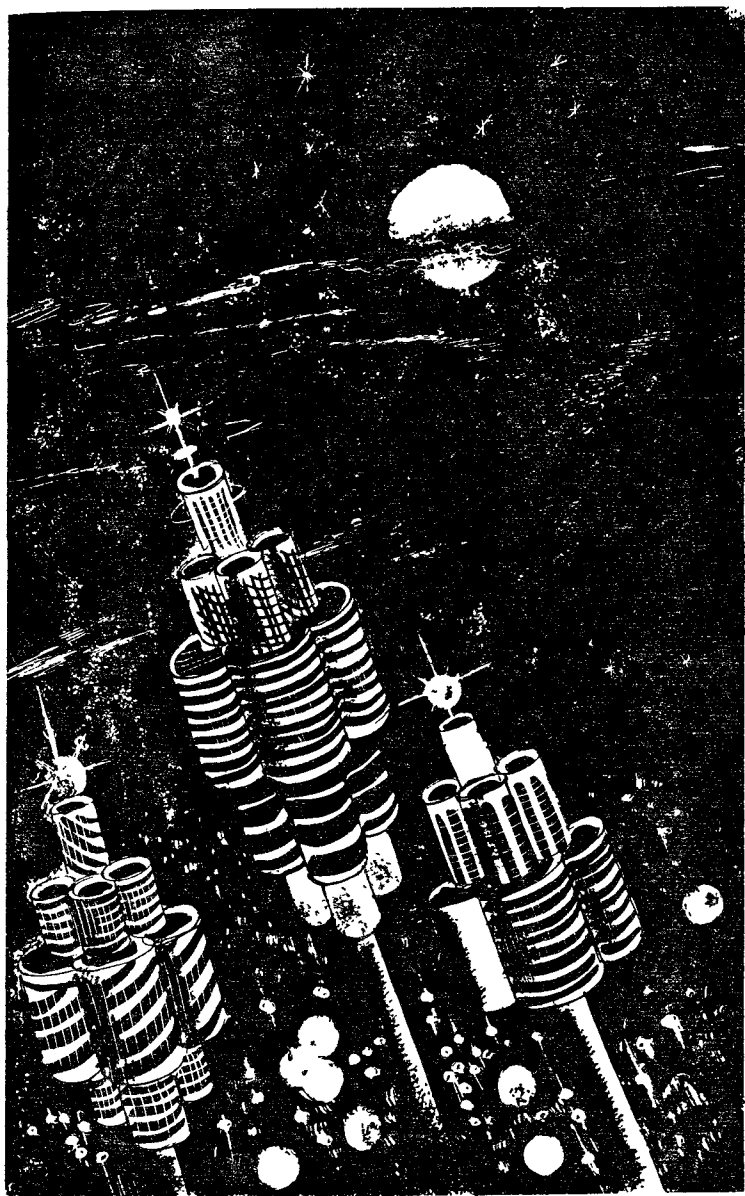
Тут Рут вспомнил исчезнувшую записку. Он оглядел комнату, пошарил на столе. Записки нигде не было. Не оказалось и большого темного конверта из полупрозрачного пластика. Рут пересмотрел весь ворох корреспонденции. Конверт исчез. Пришлось позвать Ио.

— Кто убирал в комнатах?

— Я.

— На полу ничего не лежало?

— Нет.

— На столе оставался большой темный конверт.— Рут показал, какой был конверт.— Где он?

— Все там; на столе.

— Ты ничего не выбрасывал в мусоропровод?

— Пустые бутылки и пустой тюбик из-под мыла.

— А большой конверт не выбрасывал?

— Нет.

Рут прошелся по комнате, размышляя. Может, не стоит придавать всему этому значения? Однако что-то настораживало... Там, на Плутоне, Рут научился угадывать грозящую опасность. В такие мгновения словно электризовались мышцы и напрягалась воля. Подобное ощущение у него появилось и сегодня. Потом, во время полета с Кари, оно исчезло. И вот сейчас возвратилось. А может, просто сдают нервы? Что могло бы угрожать тут, на Земле?..

Рут взглянул на Ио. Робот продолжал стоять в дверях, очевидно ожидая дальнейших вопросов или распоряжений.

— Ты выходил сегодня?

— Да, на подзарядку.

— Когда это было?

— От четырнадцати до четырнадцати сорока.

— В твое отсутствие кто-нибудь мог войти сюда?

Ио беспокойно шевельнулся, его красноватые глазки замерцали. Рут решил, что он не понял, и хотел повторить вопрос, но Ио неожиданно прошепелявил:

— Я встретил его в коридоре.

— Кого?

— Кто мог войти.

— Но ты не видел, как он заходил?

— Нет.

— Почему же ты думаешь, что он заходил?

— Я не думаю. Робот моей системы не может думать.

— Черт побери,— не удержался Рут.— Почему же ты сказал, что он мог?

— Потому, что он спросил, не робот ли я капитана Доррингтона.

— Ну и что?

— Я не должен отвечать каждому. И ему не ответил.

— Прекрасно, и что дальше?

— Он сказал, если я робот капитана Доррингтона

и скажу капитану Доррингтону, что видел его, он велит послать меня в переплавку.

— Вот что... Но разве от него это зависит?

— Не знаю...

— А ты не хотел бы, конечно, чтобы тебя послали в переплавку?

— Никто из роботов моей системы не хотел бы этого.

— Прекрасно, Ио. Обещаю тебе, что пока я жив и ты со мной, никто не посмеет послать тебя в переплавку.

— Благодарю, капитан Доррингтон,— прошепелявил Ио.

— Как же выглядел этот человек?!

— Это был не человек.

— Еще не легче. Что же это было такое?

— Это был робот системы «пять».

— Робот системы «пять»? Никогда не слышал о такой.

Что это за система?

— Это плохие роботы, капитан Доррингтон. Самые плохие. Хуже нет. Они всё могут.

— Что — всё? Какая у них специализация?

— У них нет специализации. Они всё могут. Некоторые работают в полиции. Но этот в полиции не работает.

— Почему ты думаешь?

— Я не...

— Ладно, ладно... Почему ты сказал, что этот не из полиции?

— У него не было номера и палки.

— Ты раньше его не встречал?

— Нет.

— Спасибо, Ио... Теперь принеси мне, пожалуйста, стакан содовой.

— Ужин тоже?

— Нет, не хочу ужинать. Только стакан содовой.

— Сейчас, капитан.

Ио исчез. Рут вышел на балкон. Внизу раскинулось море огней ночного Роктауна. Ярko светились прямые как стрелы магистрали центра; пульсировали зелеными и красными огнями ленты реклам. Сверху казалось, что центр города объят пестрым пламенем исполинского фантастического пожара. К окраинам света было меньше, но там возникали какие-то багровые и желтые сполохи, что-то сверкало, искрилось, рассыпалось огненными фейервер-

ками. Видимо, часть заводов работала и ночью. Рут отыскал место, где находился госпиталь Кари. Это вот там — за последней лентой высотной дороги... Хорошая девушка... Он попытался представить себе ее лицо... Чем-то она напоминала Джейн... Может быть, тем, что сразу поверила в него... Что за тяжелую тайну она носит в сердце? Этот взрыв отчаяния во время завтрака... Да, много непонятного: хотя бы история с письмом, неизвестный робот, который появлялся днем. Похоже, что Совет Равных — не просто выдумка маньяков. Если в их распоряжении роботы самой совершенной конструкции, из тех, что используются в полиции, это уже сила. Что же они такое?.. Какой-нибудь могущественный ганг, держащий в страхе владельцев отелей, магазинов? Что им тогда нужно от него? Хотят запугать — это ясно. Но с какой целью?

На балкон выкатился Ио с подносом. Поднос был уставлен бутылками.

— Зачем? — удивился Рут. — Я ведь просил только содовую.

— Вчера вечером вы пили все это.

— Ну хорошо. Поставь в комнате на столе.

Ио выполнил распоряжение и снова появился на балконе:

— Приготовить кровать, капитан Доррингтон?

— Не надо. Я еще не ложусь. Ты иди, спи.

— Разрешите заметить, капитан, что роботы моей конструкции никогда не...

— Ах, извини, Ио. Я опять забыл... Иди занимайся своими делами. Если надо будет, позову.

Ио продолжал топтаться на месте.

— Что-нибудь еще? — спросил Рут, раскуривая сигарету.

— Да. Что сделать с ужином: поставить в холодильник или бросить в мусоропровод?

— Сделай, что сочтешь более правильным.

Ио, не мигая, уставился на Рута, потом глазки его вспыхнули и он сказал:

— Поставлю в холодильник.

— Ну вот и прекрасно, — согласился Рут.

Следя за пляской реклам, Рут докурил сигарету и вернулся в комнату. Присев к столу, он задумался —

какой коктейль приготовить. Он еще не успел прийти к окончательному решению, как ожил один из экранов. Сначала послышался стук метронома, затем на экране появился какой-то военный. Военный откашлялся и объявил, что город находится в угрожающем положении. Удар предполагаемого противника ожидается через двенадцать-тринадцать минут. Всем надлежит занять места в убежищах. Освещение будет выключено через четыре минуты. Военный исчез, и снова тревожно застучал метроном.

Рут покачал головой и принялся неторопливо составлять коктейль. В дверях возник Ио и уставился на него немигающими красноватыми глазками.

— Что скажешь? — поинтересовался Рут, добавляя в почти готовую смесь несколько капель мятного ликера.

— Объявлена тревога.

— Ну и прекрасно.

— Вам необходимо спуститься в убежище.

— А тебе?

— Мне не обязательно. Тревога учебная.

— А в случае настоящей тревоги?

— Будет особое распоряжение.

— Если мы с тобой доживем до настоящей тревоги, Ио, мы спустимся в убежище оба. А пока оба останемся здесь.

— Как вам будет угодно, капитан Доррингтон.

— Впрочем, я полагаю, — добавил Рут, отхлебывая коктейль, — что и в случае настоящей тревоги не составит большой разницы, где мы с тобой окажемся в момент «ноль»...

Свет начал меркнуть и погас.

С бокалом в руке Рут вышел на балкон. Ио последовал за ним.

Город исчез. Внизу простирался непроглядный мрак. Черное небо искрилось звездами. Бледный свет доходил лишь откуда-то слева. Рут перегнулся через балюстраду и увидел слева над самым горизонтом тонкий серп ущербной луны.

— При учебных тревогах ее не выключают, — пояснил Ио.

Рут кивнул и сделал еще глоток коктейля. Несмотря на тревогу, коктейль получился отличный.

Свет дали только через полчаса. Перед этим тот же военный опять появился на экране и, объявив, что тревога была учебной, разрешил жителям Роктауна покинуть убежища и вернуться в постели.

Рут еще не успел допить второго коктейля, как раздался мелодичный звон: вспыхнул экран внутренней связи отеля. Лысый портье, извинившись, проинформировал, что на капитана Доррингтона, решением военных властей города, наложен штраф за нежелание воспользоваться убежищем во время учебной тревоги. Штраф будет включен в счет за отель.

— Я понял,— сказал Рут.— Благодарю.

Ио бесшумно приблизился, чтобы взять поднос.

— Как по-твоему,— спросил Рут,— больше сегодня тревог не будет?

— Нет,— прошепелявил робот,— следующая — через десять дней.

— Тогда — спать,— решительно сказал Рут. И вдруг почему-то вспомнил о десяти днях, предоставленных ему Высшим Советом Равных. Теперь их оставалось только девять...

* * *

Утро принесло новые неожиданности. Во-первых, прекратился поток писем. Ио с меланхолическим видом принес на подносе одно-единственное письмо. Какой-то тип предлагал организовать акционерное общество по производству дистиллированной воды из гренландского льда. От Рута требовались только деньги. Все остальное автор отважно брал на себя. Рут, не дочитав, скомкал письмо и швырнул в корзину для бумаг. Экраны продолжали молчать. Никто из «опекунов» Рута, не покидавших его ни на минуту в первые дни, теперь не отзывался.

«Точно умерли все сразу,— раздраженно подумал Рут,— или получили указание отступить от меня». Вторая мысль показалась ему заслуживающей внимания, и он почему-то опять вспомнил вчерашнее исчезнувшее письмо. Собственно, с письма-то все и началось... Но как бы там ни было, они обязаны известить его, если официальные торжества по какой-то причине сокращены и отныне он предоставлен самому себе.

Рут решил дожидаться звонка Кари и опять улететь с ней на целый день. В конце концов надо хорошенько проучить этих бюрократов. Как-никак он — Рут Доррингтон! Его имя навсегда останется в книге Геросв космоса.

Хуже всего было то, что и Кари не отзывалась. Рут подождал до полудня и начал не на шутку тревожиться. Какая это была глупость — не спросить вчера ее адрес. Что адрес!.. Он не знал даже ее фамилии. В Роктауне, конечно, не один университет. Где теперь искать ее?

Потом его охватила злость. Вот легкомысленная девчонка! Кто поверит, будто она так занята; не найдет минуту, чтобы позвонить ему. Должна же она понимать, что он не может сидеть целый день, как привязанный, возле переговорных экранов в отеле.

В два часа дня, взбешенный на всех, а больше всего на самого себя, Рут решил спуститься в ресторан. Он приказал Ио не отходить от экранов и запомнить все, что будут говорить. Если объявится красивая черноглазая девушка — сказать, что он в большом ресторане «Парадиза» и ждет ее там.

Когда час спустя Рут стремительно вошел в свой номер, он застал Ио в той же позе перед экранами, в какой оставил его.

— Звонил кто-нибудь?

— Нет.

Руту вдруг стало страшно. Что все это означает? Почему молчит Кари?..

Он решил, что подождет еще час и начнет действовать.

Однако не прошло и получаса, как он позвал Ио и потребовал найти «Справочник адресов». Ио не знал, что это такое. Рут принялся объяснять, но Ио, не дослушав, перебил его:

— Нужен человек или офис?

— Человек, но, может быть, сначала придется искать офис, много офисов. Собственно, даже не офис, а университет.

— Университет — тоже офис, — назидательно прошепелявил Ио.

— Пусть так... Может быть, ты знаешь, сколько в Роктауне университетов?

Вместо ответа Ио нажал кнопку возле одного из экранов, и на экране тотчас возникла похожая на куклу

блондинка с ярко-красными губами и огромными голубыми глазами.

— Слушаю вас,— ласково сказала блондинка.

— Капитан Доррингтон хочет...— начал Ио, но Рут поспешно отстранил его.

— Вы не скажете, сколько университетов в Роктауне?

— Четырнадцать,— не задумываясь, ответила блондинка и улыбнулась.

— Благодарю. Во всех ли университетах есть медицинские отделения или факультеты?

— Нет, не во всех. Только в двенадцати.

«Тоже неплохо,— подумал Рут.— Задал себе работу».

— Вы можете сказать мне адреса этих двенадцати? — снова обратился он к блондинке.

— Конечно.— И она затараторила серии цифр.

Рут растерянно оглянулся на Ио.

— Я все запомнил,— заверил робот.

— Желаете узнать еще что-нибудь? — ласково спросила блондинка.

— Да... Собственно, мне надо разыскать в городе одного человека — одну девушку... Ее зовут Каридад. Как это сделать?

— Ничего нет проще,— ослепительно улыбнулась блондинка.— Назовите ее номер.

— Если бы я знал номер, я позвонил бы ей сам.

— Нет, не номер аппарата,— ее собственный номер, под которым она значится в реестре граждан Роктауна. Ее личный номер...

— Но я не знаю,— растерянно пробормотал Рут.

— Тогда ничем не могу вам помочь.

Она улыбнулась и исчезла. Экран погас.

Рут, обескураженный, опустил в кресло.

У них, оказывается, тут какие-то номера... Может, это и удобно, но как теперь быть ему? Идиот, ничего вчера не спросил! Кари тоже хороша! Могла бы догадаться, что он ничего этого не знает. А может, она просто не хотела с ним больше встречаться? Поэтому и не сказала ни фамилии, ни номера. Эта мысль ошеломила его... Как он раньше не подумал! Сидит, ждет целый день... Ну и поделом тебе, старый дурак! Он решил не вспоминать о ней больше. Легче от этого не стало. Пришла опустошенность и апатия. Ему все сделалось безразлично.

Рут долго сидел, не шевелясь, устремив взгляд на пустые экраны и стараясь ни о чем не думать. Потом поймал себя на мысли, что чего-то ждет, и вскочил. Ио, который все это время неподвижно стоял позади кресла, прошепелявил, указывая на экран:

— Не знает, как помочь. А еще система «пять».

Рут даже не удивился, когда сообразил, что Ио имел в виду блондинку. Тоже, значит, робот... Ну и пусть!.. Какая ему разница, где тут роботы, а где настоящие люди. Они теперь во многом сходны. Вот, например, Ио... Он даже лучше некоторых настоящих людей...

И вдруг Рута осенило. Госпиталь, куда он отвез ночью Кари, он разыщет без труда. Надо сейчас же туда лететь. Там он узнает о ней. К нему сразу вернулась энергия и жажда деятельности. Через полчаса он найдет эту легкомысленную девчонку.

Приказав Ио дежурить при экранах, Рут спустился в холл. Портье снова был новый — огромный детина мрачного вида, смуглый, черноволосый, с синеватым шрамом через все лицо. Выслушав Рута, он отрицательно покачал головой:

— Невозможно, капитан.

— Это еще почему? — искренне изумился Рут.

— Вы вчера несколько раз нарушили правила, пересекали границы запретных зон. Полиция наложила запрет на ваши права.

— Да вы знаете, кто я такой? — взорвался Рут.

Портье пожал плечами:

— Какое это имеет значение? Обращайтесь в полицию, если недовольны.

Рут почувствовал, что самообладание готово покинуть его.

Он крепко сжал кулаки, оперся ими о стойку перед носом портье и сказал возможно спокойнее:

— Слушайте. Мне необходимо срочно попасть сейчас в одно место в юго-западной части города. У меня нет времени ехать наземным транспортом. Дайте мне винтокрыл на полчаса. Дайте с пилотом, черт побери. Мне совсем не обязательно вести машину самому.

— Не могу. Меня завтра же уволят, если осмелюсь нарушить приказ шефа полиции.

— Повторяю, я не собираюсь вести машину сам. Шеф

полиции мог наложить запрет на мои права пилота, но не имел права запретить мне пользоваться винтокрылом в качестве пассажира.

— Сейчас мы это проверим,— равнодушно пробормотал портье, нажимая какие-то кнопки.

— Из штаба полиции не отвечают,— объявил он через несколько минут.— Их часы работы уже кончились. Завтра я это выясню. А сейчас разговор беспредметен. В данный момент нет ни одного свободного винтокрыла.

— А когда будут?

— Не знаю...

Рут поспешно отошел от стойки. Он чувствовал — еще слово и его терпению наступит конец. Стиснув зубы, он вышел на улицу. Придется ехать городским транспортом. Сумеет ли он объяснить водителю, куда ему надо попасть. День уже клонился к вечеру, но улицы, как и вчера, были плотно забиты машинами и пешеходами. Рут огляделся. Стоянка машин, кажется, должна находиться в соседнем квартале. Он торопливо направился в ту сторону. Вдруг кто-то осторожно потянул его за локоть. Он оглянулся. Это была Кари. Но в каком виде: яркие джинсы с золотистой бахромой, пестрая короткая блузка с большим вырезом на груди и на спине. Ковбойская шляпа с небольшой вуалеткой. Глаза ее были сильно подведены, на губах яркая помада. Тем не менее Рут даже по ее дыханию понял, что девушка очень взволнована и испугана, а когда она взяла его под руку, почувствовал, что она едва держится на ногах.

— Кари, что с тобой, дорогая, почему не звонила? — спросил Рут, наклоняясь к самому ее лицу.

— Молчи,— шепнула она прерывающимся голосом,— не говори ничего. Скорее уйдем отсюда. Какое счастье, что я дождалась тебя, Рут.

Она тянула его куда-то в сторону от отеля.

— Подожди, Кари,— он попытался остановить ее,— ты плохо выглядишь и, кажется, очень устала. Вернемся лучше в «Парадиз».

— Нет-нет, ни в коем случае. Идем со мной и молчи. Это недалеко. Пожалуйста, Рут... Я потом все объясню.

Рут решил не спорить. Они повернули в какую-то боковую улицу, потом еще в одну. Кари тяжело дышала, и видно было, что она идет из последних сил. Рут обнял

ее, и она почти повисла у него на руке. Еще несколько поворотов. Какой-то узкий переулок с яркими вывесками маленьких лавчонок, баров, кафе. Тут машин уже почти не было, а толпа пешеходов заметно поредела. Наконец Кари толкнула застекленную дверь. Они спустились на несколько ступенек вниз. Это была небольшая закусочная, а может быть, просто пивная. Бар во всю стену, со стойкой, обитой яркой медью, десяток простых маленьких столиков, игровой автомат в виде небольшого шкафа. У стойки и за столиками было несколько пестро одетых пар. Никто не обратил на Рута и Кари внимания. Кари провела Рута в дальний угол зала к свободному столику и заставила его сесть спиной к входной двери. Сама села рядом совсем близко, но так, чтобы видеть зал. Она не сняла своей ковбойской шляпы, даже опустила ниже вуаль. Глянув направо и налево, Рут заметил, что ближние столики свободны. Пожилой бармен вышел из-за стойки и приблизился к ним. Кари молча показала ему два пальца. Он принес две кружки холодного пива, поставил их на стол и, не сказав ни слова, удалился.

— Сделай вид, что пьешь пиво,— Кари коснулась губами края своей кружки.— Рут, дорогой, я все знаю...— Она перешла на чуть слышный шепот.— Ты получил вчера письмо в большом темном конверте... Тебе надо немедленно уехать. Немедленно, Рут...

— Ты считаешь это таким серьезным, дорогая?

— Это смертный приговор, Рут. Приговор, от которого единственное спасение — бегство.

— Но что все это означает? Кто имел право выносить мне какой-то приговор? За что?

— Тише, Рут. Бесполезно говорить о правах. Ты просто не представляешь, как все переменилось в твое отсутствие.

— Что такое Совет Равных?

— Тише... Это потом... У нас очень мало времени... Сколько дней они тебе дали?

— Десять... То есть теперь остается восемь...

— Тогда еще не все потеряно. Слушай меня внимательно. Уезжай отсюда сегодня же, в крайнем случае, завтра утром, пока они не установили за тобой непрерывной слежки. Уезжай в какой-нибудь большой город, в котором легче затеряться. Потом, при первой возмож-

ности — за границу. Это будет нелегко, Рут, но надеюсь... тебе удастся...

Он взял ее за руку:

— Кари, ты могла бы, ты хотела бы уехать со мной?

Ее губы дрогнули, и глаза под вуалькой налились слезами:

— Нет, Рут, к сожалению, это... совершенно невозможно. Может быть, позднее, когда ты будешь в безопасности и... позовешь меня...

— Но ты обещаешь?

— Я ничего не могу обещать, дорогой. Во всяком случае — сейчас...

Она отвернулась, но он не выпустил ее рук.

— Кари, ты не представляешь, чем ты стала для меня за эти два дня...

Она попыталась улыбнуться.

— Наверно, представляю... немного... Но, Рут, ты, кажется, еще не осознал опасности, и это... самое страшное. Разве ты не почувствовал, как все вокруг тебя переменялось со вчерашнего дня?

— Разумеется,— кивнул он, покрывая поцелуями ее руки.— Ведь появилась ты...

— Не терзай меня, Рут! — Она попыталась высвободить руки.— Время уходит. Мы сейчас расстанемся, а я еще не успела ничего сказать.

— Расстанемся?..

— Это необходимо, Рут. Если нас теперь увидят вместе, плохо будет не только тебе, но и мне... Те, кто послал тебе письмо... они... способны на все. Они повсюду... Никто не осмелится помешать им...

— Кари, дорогая, поверь, я смогу...

— Ты ничего не сможешь, Рут.

— Если обратиться в полицию?

— О, как ты наивен!

— Или к самому министру космических исследований.

— Рут, ты ничего не хочешь понять. Все еще воображаешь себя в космосе, а ведь ты шестой день на Земле... Слушай,— она снова перешла на шепот,— я должна буду сейчас уйти. Вот здесь,— она сунула ему в руку маленький кусочек плотной бумаги,— написано, как разыскать меня. Но обещай не делать этого, пока сам не окажешься в безопасности. Обещаешь?

— Обещаю...

— А теперь прощай, Рут. Больше я ничего не смогла сделать.

— Подожди, Кари. Я все еще ничего не понимаю! Во-первых, как ты узнала?..

— Неважно, ой, все это неважно, Рут. Ну допустим, что это получилось случайно. Важно, чтобы ты мне поверил. Ты мне веришь, Рут?

— Верю... Верю и буду ждать! Но постой, Кари, тебе, наверно, нужны деньги?

— Ой, нет-нет-нет... Мне ничего не нужно... Я выйду через комнату хозяина... Ты посиди немного, допей пиво и потом иди. До «Парадиза» не более десяти минут хода... Постарайся уехать сегодня же...— Она быстро поцеловала его, выскользнула из его рук и убежала.

Допить пиво он не успел. За окном послышался шум, топот бегущих ног, кто-то громко закричал. Руту показалось, что он узнал голос Кари. Опрокинув по дороге стул, Рут стремительно выбежал на улицу. У соседнего дома уже собралась толпа. Движимый непреодолимым предчувствием, Рут растолкал собравшихся и увидел Кари. Она лежала навзничь, запрокинув голову. Ее черные волосы разметались по тротуару, глаза были закрыты. С криком «Кари!» Рут бросился к ней, наклонился, хотел приподнять и замер, почувствовав, как что-то ледяное сдавило грудь. Из-под обнаженного плеча Кари на асфальт медленно выплывали темные струйки крови. Сзади кто-то сказал:

— Не трогай ее. Это конец...

И какая-то женщина прерывающимся голосом добавила:

— Ее ударили ножом. Парень в темных очках... Несколькo раз...

Рут осторожно приподнял Кари и посадил. Легкий стон вырвался из ее плотно сжатых губ, и голова бессильно упала ему на грудь. Ее пестрая блузка сзади уже вся пропиталась кровью.

— Ну, что вы стоите! — крикнул Рут. — Найдите врача, позвоните в ближайший госпиталь...

Никто не шевельнулся, некоторые отвернулись.

— Сейчас приедет полиция, — пробормотал кто-то.

Толпа вдруг расступилась, и вперед выступил пожилой

человек в длинной темной сутане, с кружевной накидкой на плечах. Он опустился на колени рядом с Рут и, воздев руки, негромко сказал:

— Помолимся за нее, сын мой.

— Подите прочь! — крикнул Рут, отталкивая его. — А лучше помогите мне!..

Человек в сутане испуганно отполз в сторону, встал на ноги и исчез в толпе.

Рут осторожно прислонил Кари к теплой шершавой стене дома; не поднимаясь с колен, сбросил куртку и рубашку и, разорвав рубашку на длинные широкие полосы, обернул ими Кари поверх блузки. Потом, стянув концы, крепко завязал их на груди. Кари снова застонала, что-то попыталась сказать, не открывая глаз. Он склонился к самому ее лицу, пытаясь разобрать слова. Кажется, она узнала его, потому что ему послышалось его имя... Но она тут же снова потеряла сознание, и он с ужасом услышал, что дыхание ее прервалось.

— Кари, Кари! — в отчаянии зашептал он. — Подожди, Кари...

Послышалась сирена полицейской машины, толпа стремительно расступилась, какие-то люди оттеснили Рут. Над телом девушки склонился врач, но тотчас выпрямился и махнул рукой.

— Не может быть! — крикнул Рут. — Она только что дышала...

Врач мельком глянул в его сторону, что-то сказал полицейскому. Полицейский кивнул. Появились носилки, тело Кари довольно небрежно бросили на них и накрыли простыней.

— В комиссариат, — сказал полицейский, — а потом как обычно. Вы поедете с нами, — обратился он к Руту. — Еще кто-нибудь видел, как это произошло?

Но люди уже расходились.

Кто-то накинул на плечи Рута его куртку и подтолкнул к машине. Рут пригнулся, пролезая в низкий, длинный полицейский фургон. Справа там уже стояли носилки, на которых лежало тело Кари. Ему указали место на скамейке слева. Рядом сели врач и полицейские. Дверцы захлопнулись, взвыла сирена, и машина стремительно сорвалась с места.

На одном из крутых поворотов рука Кари выскольз

знула из-под простыни и свесилась на пол к ногам Рута. Никто из сопровождавших не обратил на это внимания. Рут нагнулся, нашел тонкие пальцы. Они были холодны как лед. Ощущение холода показалось ему знакомым... Ну да, конечно, такими же холодными и безжизненными были пальцы Джейн, когда ее привезли на базу... Как давно это было... Рут медленно поднял упавшую руку, прижал к губам и осторожно положил на край носилок, под простыню.

* * *

В комиссариате его заставили долго ждать. Он сидел недалеко от входа за барьером на жесткой неудобной скамье. Мимо сновали какие-то люди, громко разговаривали, смеялись. Носилки с телом Кари унесли куда-то в глубь длинного, сумрачного коридора. Дверь напротив без конца открывалась и закрывалась. Кто-то сидевший у переговорных экранов, спиной к двери, разговаривал с невидимыми собеседниками. До Рута доносились лишь отдельные слова, обрывки фраз. Кажется, это были сообщения о дорожных происшествиях. Смысл их не доходил до сознания Рута. Что-то где-то произошло и все... Думать ни о чем он не мог... Внутри были пустота, горечь и холод. Окружающее казалось однообразно-серым, как в бесконечно затянувшемся сне. Только однажды слова, доносившиеся из комнаты напротив, привлекли внимание Рута. Он даже поднялся со скамьи и сделал шаг к барьеру, чтобы лучше слышать.

Полицейский, сидящий спиной к двери, кричал кому-то: — Да, приобщили еще одну в сороковом квартале... Нет — ножом... Какая-то студентка... Ну конечно...

Дверь захлопнулась, отрезав окончание фразы. Рут снова опустил на скамью и застыл без движения и мыслей.

Наконец его вызвали к комиссару. В кабинете было несколько полицейских чинов. Они разговаривали между собой вполголоса и не обратили на Рута никакого внимания. Комиссар, пожилой полный человек в очках, сидя за столом, читал какую-то бумагу. Рут стоял у стола довольно долго, пока комиссар, даже не взглянув на него, начал допрос.

Однако едва Рут назвал себя, в комнате воцарилась тишина и все взгляды обратились в его сторону. Комиссар сделал знак рукой, и тотчас появилось кресло, Рута пригласили сесть.

Он кратко рассказал, что произошло, начав с того момента, когда услышал крик и выбежал на улицу.

Комиссар покачал головой:

— К сожалению, последнее время это случается все чаще... Мы практически бессильны. В Роктауне более восьми миллионов жителей.

— Вы попытаетесь найти преступника? — резко спросил Рут.

— Конечно, но я не могу обещать, что это удастся. Мы обычно раскрываем лишь часть преступлений. Не очень большую часть.

— В этом случае вы подозреваете кого-нибудь?

Рут заметил, что офицеры переглянулись.

Комиссар внимательно взглянул на него:

— И да и нет, господин капитан. В городе много всяких подонков. Особенно в центральных кварталах... Но я лично прослежу за этим делом и проинформирую вас о результатах. Вы ведь живете в «Парадизе», не так ли?

Рут подтвердил.

Комиссар объявил, что он свободен и сейчас его отвезут на полицейской машине в «Парадиз».

Рут поинтересовался, должен ли он оставаться какое-то время в городе в связи с тем, что произошло, или может уехать.

— Пожалуйста, когда угодно и куда угодно. Нам вы не нужны.

— И еще вопрос, господин комиссар, — Рут с трудом перевел дыхание. — Что сделают с телом девушки?

Комиссар глянул на часы:

— Сейчас кончается анатомическое исследование, а дальше как обычно.

— То есть?

— Ночью она будет кремирована. Прах перешлют родственникам... Вы ведь знали ее, не так ли, капитан?

— Со вчерашнего дня...

— Печально, конечно, — вздохнул комиссар. — Но там, — он почему-то указал пальцем вверх, — вы тоже видели не одну смерть.

Рут молча кивнул.

— Прощайте, господин капитан. Рад был с вами познакомиться.

У Рута хватило сил лишь на поклон...

* * *

Ио встретил его на пороге. Красноватые глазки робота вспыхнули и замерцали, когда он увидел, в каком беспорядке костюм Рута.

— Приготовлю ванну,— сказал Ио вместо обычного приветствия.

Рут молча опустился в кресло. Думать ни о чем не хотелось. Время от времени всплывала мысль, что надо что-то решить, но тотчас растекалась в пустоте. Ио появлялся то с одной стороны, то с другой, Рут не обращал на него внимания. Наконец в электронном мозгу Ио, видимо, сработал какой-то сигнал, и робот проявил инициативу.

— Звонила красивая черноглазая девушка,— отчеканил Ио, остановившись перед креслом Рута и сверля патрона своими красноватыми глазками.

Рут вздрогнул, поднял голову:

— Какая девушка?

— Красивая черноглазая девушка,— повторил Ио.— Капитан, выходя, приказал ждать ее звонка. Она звонила.

— Ну и что?

— Она сказала, что не придет. И еще сказала, чтобы капитан не искал ее...

— Когда это было?

— В восемнадцать сорок.

В это время Кари умирала у него на руках... Рут потерял лоб. Тут у них что-то не получилось... Его хотят полностью изолировать, это ясно... Вчера их видели вместе. Сегодня утром кто-то говорил с Кари, конечно, пригрозил ей... Поэтому она не решилась позвонить и ждала его около «Парадиза». Ее след они на какое-то время потеряли и были уверены, что Кари не посмеет послушаться. Этот звонок, очевидно, должен был имитировать отказ Кари от дальнейших встреч. Они знали, что Рут вышел из отеля и что в номере остался Ио, который никогда Кари

не видел. Они не предусмотрели одного — поведения Кари... Но если все это справедливо, Кари погибла только по его — Рута — вине... За ним следили от самого отеля... А она, конечно, знала, на какой риск идет...

— Кари, Кари, что ты наделала...— прошептал Рут, стиснув зубы,— я не заслужил этой жертвы. Я даже не в состоянии отомстить за твою смерть... Как сказал этот полицейский? «Приобщили»... «Приобщили еще одну»... У них это стало профессиональным термином. Приобщение к большинству! Вот что это означает...

— Капитан что-то говорил? — Ио пригнулся, стараясь заглянуть в глаза Рута.

— Разве? Нет... Это были мысли вслух. Ты знаешь, что такое мысли, Ио?

— Да. Непрерывные импульсы биотоков. У роботов моей системы импульсы прерывистые. Поэтому...

— Ты счастливое создание, Ио. Я начинаю думать, что лучше быть роботом твоей системы, чем человеком.

— Благодарю вас, капитан Доррингтон. Позвольте еще вам напомнить, что ванна готова.

— Сейчас отправлюсь туда... Но прежде скажи мне... Ты ведь все знаешь, не так ли?..

— Нет, не все. Программа роботов моей системы ограничена.

— И все-таки, может быть, знаешь. Кого больше в здешней полиции — людей или роботов?

— В полиции только роботы системы «пять». Их больше.

— Я так и предполагал... Обращаться в полицию бесполезно. Тем более что у меня нет никаких доказательств. Кари, конечно, была права...

— Чтобы вызвать полицию, надо нажать эту кнопку.— Ио указал пальцем, какую кнопку надо нажать. На конце его пальца вспыхнула и погасла красная искра.

— От твоего пальца, Ио, тоже можно закуривать сигары,— заметил Рут, поднимаясь с кресла.

— От всех,— с оттенком гордости прошепелявил робот. Он растопырил пальцы рук, и на концах пальцев засверкали яркие искры.— Но так делать не следует,— добавил Ио.— Большой расход энергии, и может быть пожар.

— А ты, оказывается, неплохо вооружен. Если на тебя нападут гангстеры, ты отлично дашь им прикурить...

— Нет,— сказал Ио,— гангстерам я не буду давать прикурить. Буду обороняться.

— Это я и имел в виду,— заверил Рут.— Огненные пальцы — неплохое оборонительное оружие.

— Нет,— снова возразил Ио.— Для обороны — особая программа. Но, чтобы ее включить, надо вынуть предохранитель.

— Предохранитель?

— Да. Вот тут.— Ио ткнул себя пальцем примерно в то место, где у человека помещается сердце.— Если его вынуть, робот моей системы может обороняться до полного разрушения.

— Другими словами — без страха и до победы.

— Но потом работа моей системы надо будет послать в переплавку. Поэтому предохранитель вынимать нельзя.

— Ну что ж, все ясно,— сказал Рут и отправился в ванную.

* * *

Этой ночью Рут не спал. Даже не пробовал ложиться. Он устроился в кресле у стола, на котором Ио поставил поднос с бутылками. Заставить себя готовить коктейль Рут не смог. Он пил рюмку за рюмкой, наливая прямо из бутылок, что покрепче. Он не пьянел, даже наоборот — в голове прояснялось, исчезало чувство пустоты и бессилия, возвращались спокойствие, уверенность в себе. К утру программа действий вчерне была готова...

Он, конечно, выполнит обещание, данное Кари, и уедет из Роктауна, но немного позже. Его обязанность — найти убийц и отдать в руки правосудия, если оно здесь существует. В противном случае, он покарает их сам... Он еще не знал, как это сделает, но ясно отдавал себе отчет, что, не выполнив этого, он не имеет права думать о чем-либо другом. Соображения собственной безопасности отодвигались теперь на второй план. Прежде всего — его долг перед памятью Кари. Плохо, конечно, что он совсем один. Даже на помощь Ио рассчитывать почти не приходилось... И все же кое-какие шансы у него есть!.. В его распоряжении семь дней, а это — срок немалый.

Когда потребовалось разгадать тайну Лабиринта Призраков, у него было втрое меньше времени. И противник едва ли был менее опасный и коварный... Но он разгадал тайну и нашел путь к спасению.

Рассвет застал его на балконе. Рут всматривался в контуры кварталов спящего города. Где-то там, внизу, гнездятся чудовища, хуже тех, кого он уничтожил в Лабиринте Призраков, чудовища, по вине которых прекрасное тело Кари этой ночью стало горсткой пепла. Он должен разыскать их... Или — он усмехнулся — приобщиться к большинству... К миллиардам умерших, среди которых находились уже и Джейн, и Кари, и, может быть, даже Рэгги... Странно, на этот раз воспоминание о ней не отозвалось глухой болью в сердце.

Его вдруг охватила уверенность, что в этой последней битве, которую он начинает, Рэгги, если бы оказалась рядом, обязательно встала бы на его сторону. И он почувствовал себя еще сильнее.

Заря в просветах облаков разгоралась все ярче. Бледнели звезды, светлело небо над головой. Только внизу, у подножия «Парадиза», лежала мгла. Сквозь нее чуть просвечивали нити уличных светильников, редкие всплески еще не погашенных реклам, пятна света от проходящих машин. На юге и юго-востоке громоздились тучи. Они приближались. Их тень постепенно окутывала пробуждающийся город...

Утром Ио вернулся снизу с пустым подносом. Почты не было. Рут и не ждал ничего. Его интересовало лишь, напомним ли о себе Совет Равных. Но они пока тоже молчали. Видимо, выжидают, полагая, что он еще не оправился от вчерашнего... Тем лучше! Может, на сегодня они вообще оставят его в покое.

Среди немногих вещей, которые Рут захватил с собой с «Метеора», был небольшой автоматический пистолет — оружие безотказное и обладающее огромной разрушительной силой. У него было два ствола: верхний стрелял обычными пулями, нижний — урановыми. Одной такой пули было достаточно, чтобы уничтожить автомашину или авион. Человек, в которого попадала такая пуля, попросту испарялся... Рут взял пистолет как сувенир, но теперь он мог пригодиться. Он лежал на самом дне чемодана вместе с несколькими образцами урановой руды и маленькой

пушистой обезьянкой — любимой маскоткой Джейн. Рут достал чемодан из стенного шкафа, открыл его и запустил руку на самое дно. Пошарил... Пистолета не было. Еще не веря, Рут высыпал содержимое чемодана на пол. Пистолета не оказалось.

Рут потер лоб тыльной стороной ладони. Опять опередили... Еще очко в их пользу!..

На шум вышел Ио и молча уставился на беспорядок.

— Убери, — коротко приказал Рут.

Ио присел возле чемодана.

«Не исключено, конечно, что это проделки Ио», — думал Рут, наблюдая, как аккуратно Ио складывает в чемодан вещи. Пушистая обезьянка чем-то привлекла внимание робота. Он повертел ее в металлических пальцах и оглянулся на Рута.

— Это воспоминание, — сказал Рут. — Ты знаешь, что такое воспоминание, Ио?

— Биоэлектрический импульс, обращенный в прошлое, — отчеканил Ио, не сводя с Рута своих круглых глаз.

— Можно, пожалуй, и так, — кивнул Рут, — хотя иногда это гораздо сложнее...

— Я знаю, — сказал робот, осторожно укладывая обезьянку в чемодан.

— Что ты знаешь? — поинтересовался Рут.

— Что все гораздо сложнее, чем это записано в электронной памяти роботов моей системы.

Рут покачал головой. Если Ио работает на них, уличить его будет нелегко... Отказаться от его услуг? Тогда придется остаться совсем одному... Попросить замену? Но где гарантия, что новому роботу можно доверять больше? Нет, пусть уж лучше Ио, тем более что с Ио у него установилось кое-какое взаимопонимание. Надо только быть более осторожным и при случае проверить его лояльность.

— Я сейчас спущусь в нижний ресторан на завтрак, — сказал Рут. — Возвращусь через час-полтора. Если за это время кто-нибудь придет сюда и будет меня спрашивать, ты попросишь подождать... Попросишь, — повторил Рут, — и не выпустишь отсюда, даже если для этого придется... применить силу; в разумных пределах, конечно... Ты понял, Ио?

— Понял,— ответил робот.— Я не должен применять силу к людям, но сделаю это, раз вы приказали.

— Только не причиняй задержанному никаких неприятностей. Понял?

— Понял.

Рут спустился в ресторан. Здесь было довольно много посетителей, и Рут, потолкавшись у бара, вышел через другую дверь. Узкая лестница привела его к выходу из «Парадиза», расположенному с противоположной стороны от главного холла. Здесь у выхода находился только робот-швейцар. Он приветствовал Рута поклоном и нажал кнопку выходных дверей. Двери раздвинулись, Рут вышел на улицу. Если кто-то следит за ним, его скорее всего должны ждать со стороны главного холла. Здесь же были шансы проскользнуть незамеченным. На ближайшем углу Рут взял свободную машину и приказал роботу-шоферу везти себя в Управление космическими полетами.

Рут был там в первый день после возвращения на торжественном приеме, устроенном в его честь. Он смутно помнил, что Управление должно находиться не очень далеко от «Парадиза». Так и оказалось.

Несколько минут спустя Рут уже входил в приемную Генерального директора. Увы, Генеральный директор отсутствовал.

Девушка-секретарь с мраморным личиком очаровательной куколки — Рут без труда угадал в ней робота системы «5»,— чуть повернув голову в его сторону, равнодушно чирикнула, что господин Генеральный директор выехал на несколько дней.

— Когда же он вернется? — поинтересовался Рут.

— Позвоните через неделю.

— Мне необходимо лично видеть Генерального директора.— Рут назвал себя.— У нас была назначена встреча...

— Позвоните через неделю.

— Могу ли я сейчас увидеть кого-либо из вице-директоров?

— Не знаю. Обратитесь в их офисы. Это этажи седьмой, одиннадцатый и четвертый.

— Вы не могли бы связаться и узнать, кто из них сейчас на месте?

— Это не входит в мои обязанности, господин Доррингтон.

«Однако! В первый день со мной здесь так не разговаривали ни люди, ни роботы», — подумал Рут.

Он поклонился и вышел.

Дверь, ведущая в офис вице-директора на одиннадцатом этаже, была закрыта. Рут постучал, но никто не отозвался. Рут прошелся по коридорам и не встретил на одиннадцатом этаже ни одной живой души. На десятом этаже какой-то служащий, может быть, тоже робот системы «5», проинформировал Рута, что на одиннадцатом этаже никто не работает. Там будут устанавливать новое электронное оборудование для прямой связи с космическими кораблями, находящимися в полете. Где искать вице-директора, служащий тоже не знал. Кажется, вице-директор находится сейчас на одном из орбитальных спутников. Рут спустился на седьмой этаж. Здесь он застал только секретаря, правда, уже не робота. Надменная седая дама, даже не взглянув на него, коротко отрезала, что господин вице-директора сегодня на месте нет и не будет.

— Когда же он будет?

— Не знаю.

Рут испытал острое желание треснуть по столу кулаком и сказать седой даме, что он думает о ней, о вице-директоре и порядках в Управлении космическими полетами. Однако он заставил себя сдержаться. Ведь ничего особенного от этих встреч он и не ждал. Кроме того, не исключено, что и здесь уже известно о письме, которое он получил... Может быть, те, к кому он шел, просто боялись встречи с ним?.. Впрочем, последнее предположение ему самому тотчас же показалось фантастическим. Что такое любой ганг, даже международный, для Главного управления космонавтики, генералы и офицеры которого занимали положение совершенно исключительное. Они всегда были элитой, стоящей над обществом и правительствами. И ведь он — Рут Доррингтон — теперь принадлежит к этой элите. Нет, просто он попал в неудачный момент, а все остальное — обычная бюрократия. Где ее нет!..

Надо еще попробовать на четвертом этаже. Без особой надежды Рут приоткрыл дверь в офис вице-дирек-

тора на четвертом этаже. Как гласила надпись на двери, этот вице-директор занимался персональными делами, то есть был как раз тем человеком, с которым Руту следовало встретиться прежде всего. Оказалось, что вице-директор на месте. Девушка-секретарь — Рут так и не успел решить, робот она или нет,— попросила его подождать. Не прошло и минуты, как двери кабинета раздвинулись и на пороге появился сам вице-директор — полный, еще сравнительно молодой человек в мундире космического пилота с погонами полковника астронавтики. У него была круглая бритая голова и румяное розовое лицо с жирными щеками и тройным подбородком. Брови его находились где-то очень высоко, а в глазах, загороженных стеклами очков, застыло выражение приятного изумления.

При виде Рута вице-директор изумился еще больше, его брови убежали куда-то выше лба. Он схватил руку Рута своими розовыми пухлыми ручками и принялся трясти, уверяя, что он так рад, так рад... Он уже давно ждет капитана Доррингтона, а сегодня даже пытался лично связаться с «Парадизом». Капитан Доррингтон, конечно, его не помнит. Он, правда, был на встрече и на банкетах, но не имел возможности представиться и поговорить — ведь к капитану невозможно было протолкаться. Продолжая тараторить, толстяк пропустил Руту в свой кабинет и сам вошел следом. Двери бесшумно задвинулись.

Кабинет оказался огромным и очень светлым. Одна его сторона представляла собой сплошное гигантское окно, задернутое кремовыми шторами, на остальных висели навигационные карты, голограммы инопланетных ландшафтов, портреты известных астронавтов. На одном портрете Рут заметил себя в рабочем комбинезоне космического пилота. Вдоль стен на специальных постаментах стояли макеты космических кораблей. По углам — большие глобусы планет, на которых в настоящее время велись исследования. В дальнем конце кабинета находился монументальный черный письменный стол, возле него — глубокие черные кресла. Справа и слева от стола поднимались высокие панели со множеством экранов видеосвязи. Пол был устлан светлым, очень мягким ковром.

Толстяк полковник не позвал Руту к своему письмен-

ному столу. Они присели у небольшого столика, стоящего возле окна в средней части кабинета. Ни на секунду не прерывая болтовни — он говорил теперь о трудностях отбора пилотов для дальних рейсов, — толстяк сделал знак розовым пальцем. Тотчас стена напротив раздвинулась, образовав узкий проход, и оттуда вышел робот такой же системы, как Ио, в белом кителе и белой шапочке. В руках у робота был большой поднос с закусками и целой батареей бутылок. Золотыми пирамидами на подносе лежали фрукты, дымились чашки с ароматным кофе.

Робот торжественно водрузил поднос на столик и удалился. Стена задвинулась. Толстяк сделал приглашающий жест пухлой ручкой. Теперь он рассказывал Руту о планах создания учебного центра пилотов на Марсе...

— Правда, наши друзья в том полушарии, — он подчеркнул слово «друзья», — пока возражают, но не можем же мы вечно считаться с их прихотями... Прошу вас, угощайтесь, капитан, как раз время второго завтрака.

Рут вспомнил, что сегодня не ел и первого.

Продолжая болтать, толстяк налил себе и Руту какой-то янтарной жидкости в хрустальные бокалы и принялся уписывать бутерброды. Рут решил последовать его примеру.

— Ваше здоровье, капитан, — провозгласил толстяк, поднимая бокал.

Рут поклонился, подняв свой. Они чокнулись и выпили. Это был напиток богов!.. Даже на банкетах в его честь Руту не довелось пить ничего подобного.

— Неплохо, не правда ли? — спросил толстяк и, не дожидаясь ответа, снова наполнил бокалы янтарной жидкостью. — Это всего-навсего ром, настоящий на плодах гюль-гюль, — пояснил он, поднося к губам свой бокал. — Это растение несколько лет назад нашли на Марсе и понемногу начинают там культивировать. Ну разумеется, тут, у нас, это пока большая редкость... Напиток бессмертных, напиток долголетия, капитан! У него совершенно целебные свойства.

И он принялся рассказывать о целебных свойствах гюль-гюля.

Рут почувствовал себя обескураженным. Он пришел сюда совсем не затем, чтобы слушать, он хотел говорить

сам, задать вопросы, много вопросов... А ему буквально не давали открыть рта. Придется прервать этого болтуна...

— За долголетие,— сказал Рут, поднимая свой бокал.

— Ха-ха, за долголетие! Прекрасный тост, капитан.— Толстяк радостно захихикал, словно услышал что-то очень остроумное. Он стремительно опорожнил свой бокал и приготовился налить снова.

Рут медленно допил свой, смакуя каждый глоток. Потом решительно отодвинул бокал в сторону.

— Капитан? — Изумление на лице толстяка достигло высшего предела.— Вы отказываетесь? Не верю, нет-нет, не могу поверить! Это же гюль-гюль! Где вы еще найдете подобное?! Человеку свойственно ошибаться, но не в этой ситуации.— Он решительно придвинул бокал Рута и наполнил до краев. Потом налил себе.

— Мы пили за долголетие. Я позволю себе продолжить ваш тост: за бессмертие, капитан.

Рут почувствовал, что в голове у него начинает шуметь. Приятная истома разливалась по всему телу. Руки и ноги становились какими-то ватными. Может быть, это действие гюль-гюля, вероятно заключающего в себе какой-то наркотик, или — результат бессонной ночи... Рут сделал еще несколько глотков. Голос полковника уже не раздражал, наоборот, журчал дружески, успокоительно... О чем он сейчас говорит? Рут напрягся, стараясь сбросить охватившую его сонливость. Это удалось... Голос полковника зазвучал явственно:

— Мы с вами пили за бессмертие, капитан. А в сущности, что такое бессмертие? Вот они,— толстяк махнул ручкой в сторону портретов на противоположной стене,— все они заслужили право на бессмертие, но ведь они мертвы, все мертвы... Одних уничтожил космос, другие — здесь... Под каждым портретом две даты — год рождения и год смерти. Какое же это бессмертие, капитан! Оно должно быть иным. Бессмертие, вытекающее из долголетия! Бессмертие живого существа — мое, ваше... Вы согласны со мной?

— Нет,— сказал Рут.

Сковавшая его слабость постепенно проходила. Голова снова стала ясной.

— Не согласны? — изумился толстяк.— Но почему?

— Во-первых, там на стене я вижу и свой портрет.

Значит, они умерли не все... Во-вторых, бессмертно лишь свершение, подвиг... Все остальное неминуемо превратится в прах, наши с вами оболочки тоже, полковник. А вот память о делах может сохраниться...

Удивление на лице толстяка на мгновение сменилось каким-то иным выражением. Рут не успел расшифровать его, однако оно что-то напомнило ему, что-то хорошо знакомое... Неожиданно полковник расхохотался.

— Разумеется, вы правы, капитан, тысячу раз правы! Вы единственный живой бессмертный в этом собрании,— он снова указал на портрет.— Так сказать, бессмертный в квадрате! Но ведь вы пили гюль-гюль, а это что-нибудь да значит.— Он снова захохотал.— Простите меня, пожалуйста, запомнил, что уже повесили ваш портрет. Здесь портреты всех пилотов, внесенных навечно в книгу Героев космоса... А относительно бессмертия подвига — согласен... Но все-таки пейте гюль-гюль...

— Однако...— начал Рут.

— Да-да, вы совершенно правы, дорогой капитан, и вам, и мне приходится торопиться. Столько дел ждет нас. Я велел отключить все экраны на время нашей беседы. Иначе нас уже давно прервали бы. Я был бесконечно рад познакомиться с вами. Заходите ко мне когда угодно. Я, правда, исчезну на несколько дней, но потом — в любое время.

— Но я...— снова начал Рут.

— О делах потом. Куда нам торопиться? Отдыхайте! Знакомьтесь с Землей. Здесь ведь не все, как было при вашем отъезде. Вот и привыкайте... Желаю вам приятных развлечений.

Он настойчиво подталкивал Рута к дверям.

— Я все-таки хотел бы знать,— сказал Рут,— на что могу рассчитывать в дальнейшем. И когда я должен вернуться на службу? Я не собираюсь...

Полковник не дал ему кончить:

— Разумеется, разумеется... Мы тут посоветуемся и подберем что-нибудь достойное вас. А пока отдыхайте, только отдыхайте... Ну-с, до встречи, надеюсь, скорой...

Они уже были возле дверей.

Выходя, Рут еще раз бросил взгляд на свой портрет, теперь ему показалось, что внизу под изображением тоже чернеют две даты.

Недоумевающий и раздосадованный, Рут вышел на улицу из сверкающего стеклом, титаном и полированным камнем «Дворца космонавтики» — так называли пилоты Управление космическими полетами. В ушах еще звучал голос полковника...

Ну и тип! Откуда такие берутся в Управлении? Интересно, где он летал и летал ли вообще?.. А ведь звание полковника астронавтики ко многому обязывало... Может, просто обюрократился, сидя в кресле вице-директора? С некоторыми это происходит быстро. Первый капитан-наставник Рута — старый космический волк Бьерн — еще сорок лет назад твердил, что чиновников Управления надо менять два раза в год. Портрет Бьерна не висел в кабинете вице-директора, а ведь Бьерн в свое время был знаменитым пилотом — он первый проложил опаснейшие космические трассы в пояс астероидов и дальше, к большим планетам.

А что за странная история с его собственным портретом?.. Эта вторая дата... Или ему только почудилось? Рут теперь жалел, что чувство неловкости помешало ему подойти к своему портрету и убедиться точно. Интересно, как повел бы себя в этом случае полковник? Тоже обратил бы все в шутку?.. Говорить о дальнейшей службе Рута он определенно не хотел, несмотря на то что такой разговор с глазу на глаз ни к чему не обязывал. Непонятно, снова многое непонятно... Единственное, чего он добился своим визитом в Управление, — выяснил, что еще не все от него отступились...

Тут Рут спохватился, что шагает куда-то, не задумываясь о направлении. На ближайшем перекрестке он огляделся. Нет, интуиция пилота и на этот раз не подвела его. Гигантская башня «Парадиза» маячила невдалеке в просвете одной из улиц.

Рут повернул к «Парадизу». Неожиданно пришлось остановиться. Толпа запрудила тротуар. Люди стояли молча, окружив что-то. Рут попытался заглянуть поверх плеч и голов, но ничего не увидел. Человек, которого он нечаянно толкнул, обернулся и проворчал:

— Ничего особенного. Опять выбросился один, — и указал на открытое окно в одном из верхних этажей.

— Выбросился, как же! — негромко сказала какая-то женщина. — Выбросили...

Заметив внимательный взгляд Рута, она быстро отошла.

Невдалеке слышалась сирена полицейской машины, и толпа шарахнулась в сторону, увлекая за собой Рута. Все это удивительно напоминало случившееся вчера...

Чтобы миновать скопление людей на тротуаре, Рут зашел в большой универсальный магазин. Проходя вдоль отделов в первом этаже, он заметил, что одна из зеркальных витрин снаружи забрызгана чем-то темным: как раз в этом месте виднелись головы столпившихся людей и голубая крыша полицейской машины. Посетители, заполнившие магазин, были заняты своими делами. На инцидент у входа никто не обращал внимания. Такие происшествия, видимо, не являлись здесь редкостью...

У второго выхода из магазина Рут увидел отдел, где продавалось оружие. В этом отделе посетителей было немного. Рут подошел и стал осматривать витрины, где были выставлены пистолеты различных систем, револьверы, карабины, охотничьи ножи, кинжалы, перчатки с металлическими шипами и множество самого разнообразного старинного оружия, вероятно рассчитанного на вкусы коллекционеров.

Пожилой продавец с лицом средневекового странствующего рыцаря — аскетически запавшие щеки, тонкий с горбинкой нос, седые усы, бородка клинышком — подошел и приветствовал Рута вежливым поклоном:

— Сеньору что-нибудь угодно?

И обращение, и акцент указывали на иностранца. «Первый иностранец, встреченный после возвращения, — отметил про себя Рут. — Раньше их было гораздо больше»... Вслух он сказал:

— Еще не решил... Может, и возьму что-нибудь интересное...

— Старинные вещи у нас здесь...

Рут еще раз прошелся вдоль витрин антиквариата.

— Вот не угодно ли, алебарда эпохи Карла Великого, а это,— продавец с ликом странствующего рыцаря указал в угол одной из витрин,— топор лондонского палача. Семнадцатый век. Превосходная вещь. А это...

Внимание Рута привлекла трость из полированного дерева с изогнутой костяной рукоятью. Дерево было инкрустировано тончайшим металлическим узором.

— А она почему здесь?

— О-о! — лик «странствующего рыцаря» просветлел.— Узнаю знатока. Это великолепная вещь, сеньор. Эпоха Наполеона. Деятнадцатый век. Внутри — рапира. На клинке — монограмма N с короной. Не смею утверждать, но не исключено, что эта трость принадлежала самому Наполеону. Между прочим, он был императором Франции.

— Слышал,— кивнул Рут.— Разрешите взглянуть.

«Странствующий рыцарь» открыл витрину и вынул трость. Едва заметный поворот рукоятки — и перед глазами Рута сверкнуло длинное синеватое лезвие, тонкое, как жало змеи, и, по-видимому, не менее опасное.

— Вот монограмма,— «рыцарь» указал на основание трехгранного клинка; потом он с силой оперся о клинок. Лезвие согнулось дугой и со свистом распрямилось.

— Пожалуй, возьму эту игрушку,— решил Рут.

— И не пожалеете... Не угодно ли еще что-нибудь?

— Нет... А впрочем, я, может быть, купил бы еще хороший автоматический пистолет.

— Разрешение при вас?

— Разрешение?

— Да. От полиции. Как вам должно быть известно, все нарезное огнестрельное оружие мы продаем только при предъявлении разрешения.

— Я недавно возвратился... из-за границы...

— В таком случае заходите с разрешением на будущей неделе.

— Почему именно на будущей?

— Ну... Обычно на оформление разрешения уходит неделя.

— А сейчас вы ничего не могли бы мне предложить?

— Разумеется, могу. Из старинного: кремневые ду-

эльные пистолеты — восемнадцатый век, кольты ковбойские — конец девятнадцатого, дамские салонные пистолеты — двадцатый век. Кроме того, охотничьи ружья и, конечно, пэвээсы.

— Простите мою неграмотность,— Рут смущенно улыбнулся.— Последние годы я жил за границей... Что такое пэвээсы? Никогда не слышал о них.

— О?! — изумился «странствующий рыцарь». — Вы не знаете? Это тоже неплохая штука — пистолет ближнего боя. Специально для самоубийц: п... в... с... — последний вздох самоубийцы.

Теперь пришла очередь изумиться Руту.

— Специально для самоубийц? — повторил он, еще не будучи уверен, не шутит ли «рыцарь». — Но я полагал, что если из чего-то можно застрелиться, то... из него можно и застрелить.

«Странствующий рыцарь» захихикал, показывая испорченные желтые зубы:

— Не совсем, молодой человек, не совсем... Пэвээс — пистолет специального назначения. Его пуля теряет убойную силу на расстоянии вытянутой руки. Если вы выстрелите в кого-то, кто находится в метре от вас, эффект будет, как от горошины. Из него надо бить только в упор. Но если вы не самоубийца и собираетесь поразить кого-то другого, то гораздо надежнее и удобнее воспользоваться кинжалом или этой шпагой. Я не рекомендовал бы вам применять пэвээс ни для нападения, ни для обороны.

— Благодарю за консультацию,— сказал Рут,— и все-таки заверните мне парочку.

— Как вам будет угодно,— поклонился «странствующий рыцарь».

— Вы, вероятно, не здешний? — спросил Рут, принимая покупки.

— Нет. Впрочем, живу здесь давно. Я — испанец. Мне пришлось покинуть мою страну после революции...

От сдачи Рут отказался, и «странствующий рыцарь» с поклонами проводил его до самой двери.

Когда Рут вышел на улицу, полицейской машины уже не было и толпа разошлась. Две девушки в белых комбинезонах мыли швабрами тротуар и витрину.

Рут повернулся и пошел к «Парадизу», помахивая только что купленной тростью.

«Многого я все-таки не знаю,— думал он по дороге.— Вот, оказывается, и в Испании произошла еще одна революция...»

* * *

В «Парадизе» ждал сюрприз... Когда Рут вошел в свои апартаменты, Ио на обычном месте не оказалось. Робот стоял в глубине салона, растопырив руки, и заслонял выход из кабинета. Услышав шаги, он оглянулся и отступил в сторону, освобождая путь Руту. Еще из салона Рут заметил, что в кабинете кто-то есть.

— Приказ выполнен, капитан Доррингтон,— прошепелявил Ио.— Он ждет. Я просил подождать, и он ждет...

Рут быстро прошел в кабинет. Навстречу с дивана сорвался краснолицый плотный человек. Костюм его был в беспорядке, галстук перекручен на спину, левый лацкан куртки до половины оторван. Седые волосы незнакомца были взлохмачены, во взгляде — страх и негодование.

— Надеюсь, капитан Доррингтон? — завопил он, блицуруко шурясь, и в упор уставился на Рута.

Голос показался знакомым. Приглядевшись внимательнее, Рут узнал своего адвоката Гемфри Кокса.

— Господин Кокс? — Рут все еще не мог поверить глазам.— Что все это означает? Что с вами? И где ваши очки?

— Так это вы,— снова завопил адвокат.— Наконец-то! Вы еще имеете наглость спрашивать, что это означает?.. Где мои очки? Вот мои очки, милостивый государь. Вот что от них осталось! Полюбуйтесь.— Он выгреб из кармана и сунул под нос Руту горстку битого стекла и обломков оправы.— Вы забыли, что вы не в космосе и не на Нептуне, где могли заниматься всякими безобразиями.

— Вы хотите сказать, на Плутоне? — мягко поправил Рут.

— Какое это имеет значение! Вы ответите! Вы... вы приказали вашему роботу напасть на меня. Я не хочу иметь с вами никакого дела. Я отказываюсь вести ваши дела. Я официально извещаю вас об этом. На столе лежит мое письменное уведомление...

— Успокойтесь, господин Кокс. Это какое-то недоразумение. Объясните, что произошло.

— Бандитизм! — снова крикнул адвокат, шаря за спиной в поисках галстука.

— Позвольте, я вам помогу, — предложил Рут, протягивая руку.

— Не прикасайтесь ко мне! Вы гангстер, а не астронавт.

— Да объясните, в чем дело!

— Спрашивайте у вашего робота, которому приказали убить меня.

— Какая ерунда, господин Кокс! Вы сами не верите в то, что говорите. Я не вижу на вас ни единой царапины, а стоимость очков и вашего костюма я, разумеется, компенсирую.

— Еще бы! Вы компенсируете и моральный ущерб, который причинили мне?

— С удовольствием. Сколько вы желаете?

— Ничего мне сейчас не надо. Только выпустите меня отсюда.

— Но вас никто не держит.

— Он! — прерывающимся голосом воскликнул адвокат, указывая на Ио. — Он продержал меня здесь три часа, не давая выйти, не позволяя приблизиться к видеофонам. Вы не станете отрицать, что это сделано по вашему приказанию?

— Действительно, я просил его передать моим возможным гостям просьбу подождать моего возвращения. Но я не предполагал...

— О-хо-хо, просьбу! — снова взорвался адвокат, вздев руки к потолку. — Ничего себе, просьба! Это покушение на неприкосновенность личности. Если я подам на вас в суд...

— Вы не станете подавать на меня в суд, господин Кокс, — спокойно прервал Рут, — не станете... по многим причинам... А что касается неприкосновенности личности в нашей стране, то вчера вечером в центре города почти на моих глазах убили человека — женщину, а сегодня, полчаса назад, выбросили другого человека из окна. Примерно с двадцатого этажа... И кажется, никого это особенно не удивило...

Адвокат испуганно покосился на открытую балконную

дверь и поспешно отступил к противоположной стене кабинета.

— Я сказал это не для того, чтобы испугать вас, господин Кокс,— продолжал Рут,— но мне показалось, что именно с неприкосновенностью личности здесь не все благополучно... Поэтому — лучше без демагогии... За прискорбное недоразумение прошу меня извинить. Я совсем не ждал вас сегодня. Кроме того, рассчитывал вернуться много раньше.

— Тем не менее я категорически отказываюсь от ведения ваших дел.

— Он сказал это сразу, как вошел,— слышался вдруг шепелявый голос Ио.

Рут обернулся. Красноватые глазки робота были устремлены на адвоката. Их выражение не будило сомнений. Во взгляде Ио читалась ненависть.

— О чем ты говоришь, Ио? — спросил Рут, отстраняя робота подальше от адвоката.

— Он пришел сразу после вашего ухода, капитан Доррингтон. Он сказал, что не будет больше вести ваши дела. Просил сказать это вам. Потом дал письмо и хотел идти. Я просил подождать. Он не хотел. Я еще просил. Он не хотел; кричал разные слова: некоторые я знаю — это плохие слова; другие — не знаю, но я их запомнил...

— Где это письмо? — спросил Рут, обращаясь к адвокату.

— У вашего робота что-то не в порядке с программой,— пробормотал адвокат после довольно долгого молчания,— советую вам заменить его.

— Где это письмо?

— Письмо, которое я написал здесь... Оно на вашем столе...

— Это то письмо, Ио? — спросил Рут, указывая на конверт, лежавший на письменном столе.

— Нет,— отрезал робот.— То письмо он схватил, когда я не хотел, чтобы он ушел...

— Где первое письмо, господин Кокс? — повторил Рут тоном, не предвещающим ничего хорошего.

— Уверяю, капитан, у вашего робота не в порядке тут, — адвокат повертел пальцем у своего виска, — или в другом месте. Сдайте его в переплавку. Иначе он натворит бед. Никакого другого письма не было, клянусь вам...

Ио беспокойно шевельнулся.

— Скажи, Ио! — кивнул Рут.

— Он разорвал письмо и положил туда. — Ио указал пальцем на правый карман куртки адвоката.

— Дайте то, что осталось, Кокс. — Рут протянул руку. — Ну, живо! Не советую дальше разыгрывать комедию.

Адвокат молча бросил на стол разорванный надвое конверт.

— Интересно, сами вы это придумали или вас надумил кто-то? — задумчиво проговорил Рут, складывая половинки письма. — Нет-нет, вы можете не отвечать, — продолжал он, заметив, что адвокат испуганно отшатнулся. — Два письма об одном и том же... Отказ в квадрате... В этом вы отказываетесь вести мои дела, ссылаясь на обстоятельства; во втором, которого я еще не читал, конечно, мотивируете отказ покушением на неприкосновенность вашей личности. Поздравляю вас, господин Кокс, вы вовремя отключаетесь... Не позднее завтрашнего утра капитан Доррингтон появился бы в вашем офисе с целой кучей вопросов: о неприкосновенности личности в этой прекрасной стране, о Совете Равных, об остракизме, которому подвергают человека, только что вернувшегося на Землю после четвертьвекового отсутствия, и еще кое о чем... И вам пришлось бы что-то отвечать вашему клиенту. Не исключено даже, что упомянутый капитан Доррингтон попросил бы вас оформить для него выездную визу куда-нибудь в Австралию или... на Канарские острова. А теперь все просто: ваше дело сторона. Опасный клиент перестал быть клиентом. Пусть сам выкручивается, как сумеет...

— Не понимаю, о чем вы... — пробормотал адвокат, отирая рукавом пот со лба.

— Конечно, конечно, — кивнул Рут, — это трудно понять... Я тоже понял бы вас лишь при одном-единственном условии, что кто-то заставляет вас так поступить. Тогда

я, несмотря на все сложности, которые возникают для меня в связи с вашим отказом, продолжал бы считать вас более или менее порядочным человеком. Я даже не вспомнил бы о деньгах, которые платил вам все эти годы. Но если это ваша собственная инициатива, Кокс...— Рут покачал головой.

— Клянусь вам...

— Не клянитесь... Я давно перестал верить клятвам. Кому вы сможете передать мои дела?

— Кого вы... подберете... капитан.

— Вероятно, бесполезно просить ваш офис указать мне надежного адвоката?

— Да, сейчас... это было бы... затруднительно... Масса дел... Может быть, позднее...

— Я так и думал.

— Могу я... идти?

— Конечно. Ио, проводи господина Кокса.

— Не надо! Я сам, я сам, я сам...— Подслеповато шурясь, адвокат пулей вылетел в салон. Стук поспешно захлопнутой двери заставил Рута невесело рассмеяться.

Теперь он остался совсем один, если, конечно, не считать Ио...

* * *

Прошло три дня. Никто не тревожил Рута, но никто и не обращался к нему больше. Молчали экраны в кабинете. Портье внизу старался не замечать его, когда Рут проходил через холл. Почты тоже не было. Казалось, он уже перестал существовать для окружающих. Правда, иногда на улице он еще ловил любопытные взгляды — чаще это были взгляды женщин, — но стоило ему обратиться к кому-нибудь, и тотчас вырастала невидимая стена: лаконичные уклончивые ответы, испуганные глаза, откровенное желание побыстрее отделаться от него. Случалось, что ему вообще не отвечали: взглянув на него, спрошенный отшатывался и торопливо бежал дальше. В «Парадизе» в своих роскошных апартаментах, оставаясь один, Рут теперь подолгу изучал свое собственное изображение в зеркале. Может быть, на нем уже есть какой-то знак?.. Знак близкого приобщения к большин-

ству... Ведь не могли же все, с кем он пытался заговорить, знать его в лицо; знать, что он и есть тот самый Рут Доррингтон...

Но изображение в зеркале ничего не раскрывало. Знакомое сухощавое лицо с резковатыми чертами, высокий лоб, пересеченный чуть заметным шрамом, внимательные спокойные глаза в сетке тонких морщин, седина на висках, сильно поредевшие, гладко зачесанные назад волосы. Нет, он не носил на себе никакого отличительного знака. Скорее, наоборот, выглядел более спокойным и уверенным, чем большинство жителей Роктауна, вечно куда-то спешащих, озабоченных, нервных...

Теперь его единственным собеседником был Ио. В их отношениях появилось что-то похожее на дружбу. Робот постоянно ждал его возвращения возле самой двери, старался предупредить каждое желание, угадывал, когда Руту становилось особенно скверно, и всегда находил способ отвлечь его от мрачных мыслей.

А мрачные мысли возвращались все чаще. Визит в Главный штаб полиции, конечно, ни к чему не привел. С генералом Руту встретиться не удалось. Майор, который принял его, был толст, косноязычен и глуп или прикидывался глупым. На все вопросы Рута он недоуменно пожимал плечами, твердил, что ни о чем подобном не слышал... В городе много всякого сброда... Понемногу его ликвидируют, но ряды преступников постоянно пополняются. «Мы не исключение,— повторил майор, пожимая плечами,— в некоторых городах еще хуже»...

История с письмом Совета Равных не произвела на майора никакого впечатления. Он только спросил, не сохранилось ли у Рута это письмо, и, узнав, что оно исчезло, снова пожал плечами: «Вульгарная попытка шантажа; строго говоря, подобный шантаж сейчас даже не квалифицируется как уголовное преступление. Скорее — мелкое хулиганство»... Он, конечно, распорядится, чтобы начали расследование, если капитан Доррингтон на этом настаивает, но... Капитан Доррингтон не настаивал, и майор успокоился. Об убийстве студентки в сороковом квартале майор не слышал. «Иногда эти сведения поступают в штаб с опозданием»,— заметил он, как бы оправдываясь. Только один раз на протяжении всего разговора майор встрепнулся и проявил подобие интереса к словам Рута. Это

произошло, когда Рут упомянул о пропаже пистолета, взятого им с «Метеора».

«Урановые пули,— майор задумался.— Скверно, если эта «спринцовка» попадет не в те руки... Пожалуй, мы расследуем это. Капитан никого не подозревает?»

Нет, Рут никого не подозревал. Майор черкнул что-то на одной из карточек, лежавших у него на столе, и снова сделался сонно-равнодушным. Услышав, что Рут хотел бы приобрести другой пистолет, майор благодушно кивнул. Он распорядится, чтобы подготовили соответствующее разрешение; формальности обычно занимают неделю, но для капитана Доррингтона сделают исключение. Капитан может зайти за разрешением дней через пять. Рут вежливо поблагодарил; в его распоряжении оставалось именно пять дней... Половина срока, предоставленного ему Советом Равных, уже минула.

Беседа в полиции убедила Рута лишь в одном — в действительности все обстояло совершенно иначе, чем пытался представить майор. Единственным реальным достижением явилось лишь обещание майора распорядиться, чтобы Руту вернули права вождения винтокрыла. Как выяснилось на следующий день, это обещание майор выполнил.

Рут побывал еще раз в Управлении космическими полетами. Однако офис знакомого вице-директора на четвертом этаже оказался закрытым: полковник отбыл в служебную командировку... Подниматься в верхние этажи Рут не стал.

Большую часть дня, а иногда и вечерами Рут бесцельно бродил по улицам Роктауна. Впрочем, не совсем бесцельно... Он рассчитывал, что кто-нибудь из банды Совета Равных зацепит его на улице, как тогда утром, после получения первого письма. Без сомнения, за ним следили, и Руту важно было подметить — кто. Если бы удалось задержать этого человека, можно было бы попробовать еще раз обратиться в полицию или... Во всяком случае, появилась бы хоть какая-то нить. Небрежно поигрывая тростью, Рут шагал и шагал по незнакомым улицам, иногда выпивал чашечку кофе где-нибудь в маленькой кофейной на углу, спускался в погребки и пивные бары. За кофе или за кружкой пива он бросал внимательные быстрые взгляды по сторонам. Нет, ничего подозритель-

ного он не замечал. Люди вокруг были заняты своими делами и заботами. Никто не следил за ним, либо преследователи сменялись так часто, что Рут не успевал их разгадать. Теперь он уже хорошо знал ближайшие окрестности «Парадиза», и постепенно его пешие маршруты становились все более дальними. Несколько раз за эти дни он стал невольным свидетелем гибели людей на улицах Роктауна. Машина, неожиданно вырвавшаяся на тротуар, придавила кого-то к стене и стремительно умчалась. Никто не пытался ее преследовать... Полиция явилась через несколько минут только затем, чтобы забрать тело. Женщина выбросилась из окна небоскреба (а может, и ее выбросили?..). Люди внизу на тротуаре увидели, как она летит вниз головой, и поспешно расступились. Рут услышал удар, треск раскалывающихся костей. Подходить туда он не стал... Кто-то был убит ножом, как Кари, прямо в толпе, на перекрестке двух оживленных улиц. Убийцу, вероятно, видели, но никто не пробовал задержать. Все это выглядело так, словно человеческая жизнь в Роктауне ровно ничего не стоила, а убийство не считалось преступлением... Рут решил заглянуть в местные газеты — их издавалось множество. Ни в одной он не нашел сообщений о происшествиях такого рода. Реклама развлечений, фельетоны, чаще порнографического содержания, немного зарубежной хроники, цветные фото, карикатуры, множество цветных комиксов с продолжением... На предпоследних полосах попадались объявления в траурных рамках, но это были обычные сообщения о смерти без указания ее причин или с коротким упоминанием «после продолжительной тяжелой болезни». Возраст умерших обычно не указывался.

Поздно вечером в конце шестого дня — он теперь почти произвольно вел счет времени от момента получения первого письма Совета Равных — после долгой пешей прогулки по улицам и площадям Роктауна Рут возвращался в свой «Парадиз». Путь его вел через небольшой, плохо освещенный сквер, расположенный на одной из сравнительно тихих площадей невдалеке от центра. Приближаясь к скверу, Рут обратил внимание, что редкие прохожие обходят сквер стороной, держась поближе к ярко освещенным витринам магазинов и кафе. Путь через сквер был для Рута самым коротким, и он,

не задумываясь, углубился в сумрак деревьев, сквозь листву которых лишь местами пробивался свет реклам и уличных светильников. В сквере никого не было, белели пустые скамейки и бесформенные глыбы каких-то скульптур.

Рут шел не торопясь, погруженный в свои мысли. Он думал о Кари, пытался представить ее живой и не мог... Облик живой Кари постоянно заслоняла другая Кари — без движения лежащая на асфальте.

Вдруг какая-то темная фигура вывернулась из боковой дорожки и замерла без движения при виде Рута. Луч света, пробившийся сквозь листву, упал на лицо незнакомца. Широкая рыхлая физиономия без бровей, темные очки — Рут сразу узнал парня, который в первый день предлагал ему яд и, по-видимому, вытащил из кармана то письмо...

— Ага, это ты,— спокойно сказал Рут.

Он сделал шаг вперед и тоже попал в полосу света.

— Капитан... Доррингтон! — ахнул парень.

По его изумлению и испугу Рут понял, что встреча была случайной.

— Поговорим? — предложил Рут.

Вместо ответа парень быстро отступил, очевидно готовясь удрать. Рут успел поймать его за рукав. В правой руке парня что-то сверкнуло, но Рут опередил... Короткий сильный удар в челюсть и еще один — слева в солнечное сплетение. Сложившись вдвое, парень без звука рухнул к ногам Рута. Пружинный нож звякнул о металлическое ограждение газона. Рут нагнулся, поднял нож, закрыл лезвие и опустил нож в карман. Парень лежал без движения лицом вниз. Темные очки отлетели в сторону. Рут приподнял голову за сальные волосы. Глаза парня открылись. Бессмысленное выражение в них постепенно исчезло, уступая место животному страху и боли.

— Ничего,— сказал Рут.— Поговорим.

Он легко поднял пленника за воротник и толкнул к ближайшей скамье. Парень со стоном рухнул на нее.

— Говори,— приказал Рут.— Живо! Даю три секунды. Или «приобщу» тебя более ловко, чем это делаешь ты. Раз, два...

Короткий взмах трости — и перед глазами пленника сверкнуло синеватое жало рапиры.

— Не моя вина, капитан, клянусь,— хрипло зашептал парень, пытаясь отодвинуться от острия, приставленного к горлу.— Они приказали убрать девчонку... Клянусь, я не мог иначе... Клянусь. Пощадите... Капитан...

В расширенных глазах Рута он прочитал что-то, что лишило его последней надежды.

— А-а! — пронзительно закричал он, стараясь поймать руками лезвие.— А-а!..

Крик прервался так же резко, как и возник. Рут отер лоб тыльной стороной ладони, потом брезгливо вытер рапиру о пиджак парня, прикорнувшего к спинке скамьи... Казалось, он дремлет...

Рут огляделся... Вокруг по-прежнему никого не было. Крик в сквере не привлек внимания. Рут прерывисто вздохнул, сложил трость и неторопливо зашагал по дорожке. Когда через несколько минут он вышел из сквера на улицу, никто из немногочисленных прохожих даже не оглянулся на него.

* * *

«Случайность? — думал Рут, подходя к дверям своих апартаментов.— По-видимому, да... Ни один из нас не ждал этой встречи... Хотя, впрочем, его-то я искал... Но не там — не в этом сквере... А он, ошеломленный встречей и ударом, ни секунды не сомневался, что вопрос касается самого главного — смерти Кари... Какое совпадение! Нет, в этом нагромождении случайностей я не мог, не имел права поступить иначе. Он потом, сообразив, от всего отказался бы... Я должен был поступить так, как поступил, хотя сам и разорвал ухваченную нить. Банда, конечно, догадается, в чем дело, но не сразу... А если его раньше подберет полиция, то, пожалуй, и не очень скоро... Как бы там ни было, первый ход сделан. Что же дальше, капитан Доррингтон?»

Дверь отворил Ио, по-видимому узнавший его шаги.

— Привет,— сказал Рут,— что нового?

— Звонили из полиции.

— Когда?

— Пять минут назад.

Первая мысль была, что в полиции уже все знают... Впрочем, он тотчас же отбросил ее. Если за ним следили,

то арестовали бы на улице, вблизи того места... Здесь другое...

— Что сказали? — спросил Рут.

— Просили капитана Доррингтона связаться с ними.

— Соедини.

Пока Ио копался возле видеоэкранов, Рут мысленно окинул взглядом события последних дней. Может быть, это тот майор из Главного штаба? Оказалось — что комиссар сорокового участка. Когда он появился на экране, сомнения Рута окончательно рассеялись. Сквер находился в другой части города и к сороковому участку не мог иметь отношения.

После обычных приветствий комиссар сказал:

— Вы просили сообщить о результатах следствия, капитан. Девушку убил ее любовник. Причина — ревность.

— Арестовали его? — поинтересовался Рут.

Комиссар замялся:

— Еще нет... Ему удалось скрыться. Мы объявили розыск.

— Кто такой?

— Тоже студент. Они учились вместе.

— Все ясно, — сказал Рут. — Благодарю вас, комиссар.

— Не стоит благодарности. Когда думаете ехать?

— Через несколько дней.

— Позволю себе рекомендовать Лонг-Найс на западном берегу. Самые лучшие пляжи, самые красивые женщины. Разумеется, дороговато, но для вас это, по-видимому, не имеет значения...

— Что ж, подумаю, — сказал Рут.

— Приятного путешествия, капитан.

— Счастливо оставаться, комиссар.

Когда изображение исчезло, Рут задумчиво потер лоб. Зачем им понадобилась эта ложь? Хотят выяснить его намерения? И все-таки в чем же суть главного? Почему он вдруг оказался лишним?..

Рут позвал Ио, и робот тотчас появился в дверях кабинета.

— Ио, завтра утром надо заказать билеты в Европу на ближайший авион.

— Сколько?

— Два: для меня и для тебя.

— Маршрут?

— Париж или Рим, а потом посмотрим.

— Будет сделано, капитан.

«После того, что произошло сегодня,— думал Рут,— бессмысленно продолжать оставаться в Роктауне. Полиция в мои отношения с Советом Равных вмешиваться не хочет. А я сам перерезал единственную реальную нить, которая могла вывести меня на руководителей ганга. Значит... Значит, пришло время выполнить обещание, данное Кари. Если, конечно, Совет Равных не помешает... Остается еще четыре дня... Как это все-таки плохо, что я совсем один. Даже адвокат отказался от меня; адвокат, который мог столько на мне заработать».

Утром, едва Рут открыл глаза, Ио появился в спальне.

— Билеты заказаны, капитан Доррингтон.

— Превосходно, Ио, когда и куда мы летим?

— Рейс на Париж поздно вечером, рейс на Рим — ночью. Места и номер рейса сообщат в полдень.

— А сейчас они не могли сказать?

— Нет, рейсы в Европу через Роктуан транзитные.

— Ну что ж, подождем до полудня. А как мы доберемся в аэропорт? Кажется, это довольно далеко от города?

— Двести километров. Можно взять винтокрыл. Внизу сказали: капитан Доррингтон, если хочет, может вести винтокрыл сам.

— Превосходно, Ио, ты великолепно справился с задачей. Есть что-нибудь еще?

— Да, письмо.

— Давай скорее.

Это был опять большой конверт из темного шелковистого пластика. Совет Равных делал очередной ход. Рут, не торопясь, вскрыл конверт и развернул полоску темной ткани.

Руту Доррингтону — бывшему космическому пилоту первого класса.

Рут усмехнулся: «бывшему» — он уже «бывший»; неплохое начало.

Нам стало известно о покупках, сделанных вами третьего дня в оружейном отделе универсального магазина «Все для всех». Мы расцениваем ваш шаг как молчаливое

согласие с нашим требованием и надеемся, что никакие обстоятельства не помешают вам выполнить вашу обязанность не позднее полночи указанного срока. Напоминаем, что до конца его остается неполных четыре дня.

Подпись прежняя — ползущая змея.

«Записку надо сохранить во что бы то ни стало», — решил Рут. Он поднялся с постели и прежде всего спрятал полоску темной ткани в секретное отделение бумажника. Потом позвал Ио.

— Это письмо, — Рут взял со стола большой темный конверт, — без обратного адреса. Ты не знаешь, кто может присылать письма вот в таких конвертах?

— Письма без обратного адреса присылает крематорий, — без колебаний ответил Ио.

— Крематорий?! — Руту показалось, что он ослышался.

— Это такой концерн, где людей переделывают в серый порошок, — объяснил робот. — Из порошка потом изготавливают другие полезные вещи: удобрения для садов, разные вещества, много разных веществ...

— Ты имеешь в виду настоящих умерших людей?

— Умерших и некондиционных: с отклонением от нормы, с неправильной программой, отслуживших свой срок — разные устаревшие экземпляры, которые трудно использовать и нельзя отремонтировать. Роботов, негодных для капитального ремонта, отправляют в переплавку, а людей — в крематорий. Это почти одно и то же.

— Почти, — согласился Рут. — Так ты думаешь, что это письмо из крематория?

— Обязан напомнить, что роботы моей системы не могут...

— Опять забыл, — спохватился Рут. — Извини меня, Ио. Я спрошу иначе: какие признаки указывают, что это письмо отправлено из крематория?

Ио внимательно обследовал конверт:

— Таких признаков нет, капитан Доррингтон.

— Но ты мне только что сказал, что письма в подобных конвертах присылает крематорий.

— Позвольте повторить, капитан, как я сказал: письма без обратного адреса присылает крематорий.

— И если на письме нет обратного адреса, значит... — Рут сделал долгую паузу. — Что это значит, Ио?

— Значит,— медленно начал Ио, и его красноватые глазки замерцали,— значит... это письмо могло быть послано из крематория... Да, могло. А могло быть послано из другого офиса.

Ио не мигая уставился на своего патрона, и Руту показалось, что во взгляде робота он уловил легкую иронию.

— Тебя не поймает, Ио,— Рут покачал головой,— у тебя железная логика.

— Не железная,— возразил робот,— на транзисторах. Двадцать четыре тысячи восемьсот сорок шесть транзисторов.

— Неплохо,— прищурился Рут,— ты должен стоять дороже любого человека.

— А сколько стоит человек? — поинтересовался Ио.

— Как тебе сказать... По-разному. Иногда очень немного, но случается и обратное...

— При сравнениях следует оперировать средними цифрами,— наизидательно заметил Ио.

— И снова ты прав,— согласился Рут,— но боюсь, что по отношению к человечеству и даже к одному человеку метод средних цифр не совсем подходит. Личность трудно вычислить. Каждый человек — бесконечность. Как ее выразишь средними цифрами? Ты знаешь, что такое бесконечность, Ио?

— Конечно. То, что не имеет конца. Например, время. С точки зрения времени, человек конечен. Его время ограничено: от рождения до крематория.

— У одного человека — да, но у всего человечества — нет. И, кроме того, человека нельзя рассматривать только с точки зрения продолжительности его жизни. Бесконечность в нем самом, в его внутреннем содержании.

— Внутреннее содержание тоже конечно,— возразил робот.— Девяносто шесть процентов воды, немного углерода, железа, кальция, фосфора, остальное бактерии; в виде исключения — несколько граммов золота и отдельные транзисторы для обострения восприятия окружающей среды.

— Ты хочешь сказать, что сам устроен сложнее?

— Не утверждаю этого. Человека тоже сделали не сразу.

— Бесспорно... И я полагаю,— очень серьезно доба-

вил Рут,— что на изготовление человека пришлось затратить времени намного больше, чем на изготовление любого робота. Даже робота системы «пять»...

Отношение Ио к роботам системы «5», по-видимому, было сложным. Глазки его померкли, и он ничего не ответил. Рут почувствовал, что допустил бестактность. Ему захотелось нейтрализовать отрицательные эмоции своего верного помощника.

— Роботы системы «пять»,— сказал Рут,— при всей их универсальности и сложности конструкции обладают одним существенным недостатком — они слишком напоминают людей...

Ио промолчал. Возможно, он не считал это качество роботов системы «5» недостатком.

— Напоминают людей в их наиболее отрицательных свойствах,— пояснил Рут.— Это, конечно, особенность их программы. Мне лично гораздо больше нравится программа роботов твоей системы, Ио. Это прекрасная, надежная программа, на которую почти всегда можно положиться.

— Всегда! — поправил Ио, и глазки его снова замерцали.

Рут вспомнил о предохранителе, вмонтированном у Ио на месте сердца, но спорить не стал.

— И еще мне нравится способность роботов твоей системы к быстрому самосовершенствованию, Ио,— продолжал Рут.— За те несколько дней, что мы находимся вместе, ты сделал заметный шаг вперед; ты более правильно говоришь, почти не шепелявишь, твой словарный запас непрерывно растет, и мне даже кажется, что круг твоих интересов постепенно расширяется...

— Благодарю вас, капитан Доррингтон,— очень серьезно сказал Ио,— все это — результат общения с вами.

— Каким образом?

— У роботов моей системы есть особое реле.

— Реле самосовершенствования?

— Да.

— Интересно! На каком же принципе основано его действие?

— Принцип прямого копирования,— отчеканил Ио, и Руту снова показалось, что он уловил в красноватых глазках робота оттенок иронии.

После завтрака Рут спустился в холл и, выходя из лифта, нос к носу столкнулся с корреспондентом, который брал у него одно из первых интервью. Этот корреспондент, маленький, рыжий, отвратительно назойливый, запомнился, и Рут мгновенно узнал его. Корреспондент тоже конечно узнал капитана, но на этот раз попытался избежать встречи. Испуганно скосив глаза, он шмыгнул в лифт, сделав вид, что очень торопится. Однако Рут поймал его за рукав и успел вытащить из лифта, прежде чем двери задвинулись.

— Ах, это вы, капитан Доррингтон, — растерянно пробормотал корреспондент, стараясь не глядеть на Рута. — Очень рад, но, простите, я безумно занят. Тороплюсь...

— Успеете, — сказал Рут, беря его под руку. — У меня для вас кое-что интересное. Пожалуй, даже... сенсационное. Не пройти ли нам в бар?

— В другой раз, капитан. Ей-богу, я очень тороплюсь. Я вам позвоню попозже...

Он сделал попытку освободиться, но Рут не отпустил его локтя.

— Вас больше не интересуют сенсации?

При слове «сенсации» корреспондент искоса глянул на Рута:

— Какие еще сенсации, капитан... Если что-нибудь об экспедиции на Плутон...

— Нет. Отойдем в сторону, я расскажу.

Не выпуская локтя корреспондента, Рут отвел своего пленника в дальний угол холла и усадил в кресло.

— Выпьете что-нибудь? — Рут кивнул на стойку бара, возле которой застыли наготове роботы-официанты.

— Нет, благодарю. Говорите скорее, в чем дело, капитан. У меня действительно мало времени.

— При нашей первой встрече вы были более разговорчивы, любознательны, даже назойливы.

Корреспондент настороженно огляделся по сторонам:

— Что делать, капитан. В наше время все быстро меняется. Несколько дней назад вы сами были сенсацией. А сейчас...

— Сейчас?

— Сейчас я догоняю следующую сенсацию.

— Можно узнать, какую именно?

— О, с той, вашей, она не может идти ни в какое сравнение...

— Значит, сегодняшняя встреча со мной — удача для вас. Материал на первую полосу, как говорили в мое время. Хотите получить его?

— Смотря, что такое.

— Преступление века!

— Э-э, этим сейчас не удивишь публику. Простите, я должен...

— Не отпущу, пока вы не выпьете со мной... Эй там,— Рут махнул рукой в сторону бара,— два крепких коктейля для меня и моего друга...— Он вопросительно глянул на собеседника.

— Меня зовут Бедж,— пробормотал корреспондент, беспокойно ерзая в кресле.

— Для моего друга Беджа. Быстро!..— Рут повернул свое кресло и придвинул его вплотную против кресла корреспондента, отрезав тому все пути для бегства. Бедж понял это и, видимо, смирился. Он довольно спокойно взял бокал с коктейлем, принесенный роботом-официантом, откинулся в кресле и, сделав несколько глотков, вопросительно уставился на Рута.

— В Роктауне есть один ганг...— начал Рут.

— В Роктауне множество гангов,— поправил Бедж, отхлебывая коктейль.

— Я имею в виду ганг, который называет себя...— Рут сделал многозначительную паузу,— Высшим Советом Равных...

Бедж поперхнулся коктейлем и выплеснул часть содержимого бокала на свои светлые брюки.

— Бросьте эти шутки, капитан,— пробормотал он в промежутке между приступами кашля.

— А я не шучу,— возразил Рут.— Вы что, никогда не слышали о такой организации?

— Не слышал и не хочу слышать, пустите меня,— он попытался встать, но Рут не позволил.— Это дурацкая болтовня, капитан. И не советую вам начинать с кем-либо разговор на эту тему. Ей-богу, не советую...

— Но почему, Бедж?

— Все это чушь; ничего такого нет,— он испуганно

оглянулся по сторонам.— Кто-то распускает дурацкие слухи... За это преследуют, капитан.

— Кто преследует?

— Власти... полиция...

— А почему вы так испугались?

— Я не испугался...

— Испугались, Бедж. Допивайте ваш коктейль! Допивайте и сматывайтесь... Я думал, вы честный журналист. Хотел дать вам в руки... сенсацию... А вы или притворяетесь, или ведете себя, как страус... Не знаю, сохранились еще эти птицы на Земле?

— Страусы?.. Кажется... В зоологических музеях...

— Раньше они жили на воле в степях и в пустынях. Охотники их быстро истребили, потому что страусы были глупы: при опасности прятали голову в песок... Как вы сейчас, Бедж. Вы и большинство ваших соотечественников. Вас убивают среди бела дня, а вы делаете вид, что ничего не происходит, и... ждете своей очереди.

— В больших городах преступность всегда была высока... Просто вы отвыкли, капитан, за те годы, что провели на Плутоне.

— Возможно. Я действительно отвык от многого. Но сейчас я говорю не о той преступности, с которой обязана бороться и в меру своих сил, вероятно, борется полиция. Я говорю о том, что незримо висит тут над всеми вами. Я еще не понял, что это такое, но ведь вы-то, кто прожил тут целую жизнь, должны знать... Что-то — перед чем бессильна полиция, официальные власти, может быть, даже само правительство. Если не хотите воспользоваться моим материалом, если боитесь, объясните мне по крайней мере, что это такое.

— Не знаю, о чем вы говорите, клянусь вам.

— Лжете, Бедж. Лжете, потому что трусили. Я-то вижу. Вы тут почти все стали трусами. Намекните по крайней мере, где найти смелого человека, смелого и честного, который мог бы мне объяснить.

— Что объяснить, капитан?

— То, что здесь происходит. Ну хотя бы — что такое Высший Совет Равных.

— Тс,— Бедж снова оглянулся.— Я же предупреждал... О некоторых вещах нельзя говорить и писать, чтобы... не возбуждать... паники. Ничего такого нет, уве-

ряю вас... Какие-то дурацкие слухи. Кто-то пробовал пугать... Если хотите, это особый вид мистификации... Чтобы не возник массовый психоз, не разрешают говорить.

— Значит, вы не верите, что такая организация существует? И не только существует; она сильна и от нее, может быть, зависит многое, очень многое и в этом городе, и в целой стране?

— Я... н-нет.

— И никогда не слышали о ее делах ничего конкретного?

— Ну, вам могу сказать... Слышал кое-что... Наверно, все слышали... Но ведь это слухи, только слухи, ничего больше... Вот, чтобы их прекратить...

— А чтобы жертвами этой организации были конкретные живые люди?..

— Только слухи, капитан... Когда кого-то убивают в таком городе, как Роктаун, убийце выгоднее сослаться на некую мистическую организацию и отвести вину от себя... Знаю, как журналист, документально подтвердить существование подобной организации никогда не удавалось.

— А такие попытки были?

— Были... Вероятно, были... Раньше; до того, как запретили об этом говорить, писать.

— Неужели вы не слышали, что некая организация осуждает без всякого повода людей сначала на ostracism и забвение, а потом на смерть?

— Слухи разные... циркулировали... Раньше... Но только слухи, ничего, кроме слухов.

— Ничего, кроме слухов! Не могу поверить, будто вы, корреспондент публичных средств информации, никогда не видели хотя бы документов, рассылаемых от имени этой организации.

— Документов?

— Ну, писем, записок?

— Никогда,— в голосе Беджа прозвучала такая твердость и уверенность, что Рут внимательно посмотрел на своего собеседника.— Не верите мне? — Бедж в первый раз взглянул прямо в глаза Рута.

— Не знаю,— задумчиво сказал Рут.— Сейчас уже не знаю... До этого не верил... Но если действительно не видели, хотите посмотреть?

— Что именно?

— Письмо Совета Равных.

В глазах Беджа мелькнуло какое-то странное выражение: смесь страха, сомнения, подозрительности, острого любопытства — профессионального любопытства журналиста.

— У вас это с собой? — тихо спросил он и опять быстро оглянулся.

— Да.

— Действительно, похоже на сенсацию, — прошептал Бедж. — Покажите-ка...

— Вот, — сказал Рут, открывая бумажник. — Вот, — повторил он, запуская палец в секретное отделение. — Сейчас...

Бедж напряженно ждал, вытянув шею. На лице Рута появилось недоумение. Палец нащупал лишь эластичную поверхность кожи. Он заглянул в бумажник. В секретном отделении бумажника ничего не было.

— Не понимаю... — начал Рут, выворачивая наизнанку бумажник. — Я положил его сюда, и никто не мог...

— Зато я все понял, — кивнул Бедж, вставая. — У тех, кто возвращается оттуда, — он указал пальцем вверх, — это бывает, капитан... Советую обратиться к психиатру... Ну, я побежал... Спасибо за коктейль.

Бедж уже давно исчез в лифте, а Рут все еще сидел с раскрытым бумажником на коленях.

Может, он действительно заболевает?.. Галлюцинации?.. Он слышал об этом от старых пилотов... Но там было другое... Что же — явь, а что — игра расстроенного воображения в событиях последних дней? Кари — существовала ли она?..

Воспоминание о Кари пронзило такой болью, что он со стоном закрыл глаза.

Нет-нет, он мог бы секунда за секундой восстановить в памяти весь тот день от первой встречи в толпе до момента, когда он высадил ее на крыше госпиталя. Тепло ее тела, прикосновение нежных рук, запах волос — удивительно свежий и чуть горьковатый, ее губы... И та, другая Кари, распростертая на грязном асфальте... О нет... Если он и сойдет когда-нибудь с ума, то только от этих воспоминаний... А сейчас...

Все надо принимать так, как оно есть... Все это было,

а исчезнувшее письмо — еще один загадочный эпизод непонятной петли, которая постепенно стягивается вокруг него... За годы, проведенные на Плутоне, он научился предугадывать неведомую опасность. Вот и сейчас — ошибки быть не может...

Ну что ж, там, в безмерной дали пространства, он в такие минуты полагался лишь на себя, на свою интуицию, свои нервы, свои силы. Теперь он поступит так же... Помощи ему, по-видимому, ждать неоткуда. Значит... Все зависит только от него. А ставкой в этом последнем испытании, как и там, будет лишь жизнь. Здесь даже легче... Там его гибель ставила под угрозу судьбу всей экспедиции. А здесь — Рут усмехнулся — он теперь ни за кого не ответствен... Вот только Рэгги?.. Но может, и ее уже давно нет... Его же собственная жизнь... Рут на мгновение вообразил пустоту космических далей, пронизанных лишь холодным блеском бесконечно далеких звезд, и снова усмехнулся горько и примиренно.

Потом он встал, сложил бумажник, опустил его в карман куртки и неторопливо вышел из прохладного холла в горячий зной заполненной людьми улицы.

* * *

В полдень Рут возвратился в «Парадиз». Ио ждал его на обычном месте у дверей.

— Какие новости? — спросил Рут, проходя в кабинет.

— Оставлены места на парижский рейс. Вылет из аэропорта Роктауна в двадцать два ноль-ноль. Надо быть в аэропорту на полчаса раньше.

— Значит, летим, Ио. Готовь багаж. Кстати, ты не узнавал: это прямой рейс?

— Есть посадка в Джонстауне.

— Так... — Рут задумался. Значит, еще одна посадка в этой милой стране. Если Совет Равных захочет помешать, это можно без труда устроить и в сутолоке Джонстауна — одного из самых больших аэропортов планеты... Если ему позволят вылететь отсюда, его приключения еще не кончатся со стартом в Роктауне. Что ж, остается вооружиться терпением и ждать.

На всякий случай Рут обыскал кабинет. Письма, конечно, нигде не было, да Рут и не надеялся найти его:

он отлично помнил, что положил полоску темной ткани в бумажник и с бумажником не расставался... Однако осмотр кабинета напомнил о конверте. Конверта, который Рут оставил на столе, тоже нигде не было видно. Рут позвал Ио.

— Большой темный конверт? — Ио вопросительно уставился на патрона. — Разве капитан не взял его с собой?

— Я взял только письмо. Конверт остался на столе.

— Конверт на столе не лежал,— возразил Ио.

— Ты убирал здесь?

— Да. Конверт не лежал.

— Значит, ты не выбросил его в мусоропровод?

— Как можно выбросить то, чего не было? — в тоне робота прозвучало удивление.

Руту снова пришла в голову мысль, что Ио дурачит его. А впрочем, с какой целью? Ведь речь шла о пустом конверте...

Ио продолжал стоять в дверях; его неподвижный взгляд был прикован к лицу Рута.

— Извини, Ио,— усмехнулся Рут,— вероятно, я сам куда-нибудь засунул этот проклятый конверт.

— А какова вероятность? — поинтересовался Ио.

Рут пожал плечами:

— Скорее всего, не очень большая.

Ио повернулся и медленно вышел из кабинета. Руту показалось, что робот чем-то озадачен.

* * *

До аэропорта они добрались без приключений. Рут решил не испытывать судьбу без крайней необходимости... Винтокрыл вел пилот «Парадиза» — кажется, робот системы «5». Рут и Ио летели в качестве пассажиров. Пилот оказался на редкость молчаливым. За весь полет он не произнес ни слова. Только посадив винтокрыл на крыше здания аэропорта, пилот, не взглянув на Рута, бросил:

— Все. Прощайте, уважаемый господин Доррингтон.

— До свидания,— медленно произнес Рут, вылезая из кабины винтокрыла.— До свидания... Ведь мы еще можем встретиться, не так ли?

Пилот не ответил.

Не успели Рут и Ио сделать несколько шагов, как

серебристая прозрачная стрекоза взмыла в воздух и растворилась в темном небе.

Сутолока аэропорта, одного из крупнейших на континенте, вначале ошеломила Рута. Потоки людей текли по всем направлениям, спускались и поднимались вместе с бесшумно ползущими лентами пандусов и эскалаторов. Люди заполняли огромные залы, теснились у выходов и сверкающих металлом и хрусталем баров. Шорох тысяч шагов и приглушенных голосов, громкие объявления об отправке и прибытии очередных авионов и межконтинентальных ракетных лайнеров, рокот мощных моторов, плывущий от посадочных полос, музыка, доносящиеся с видеоэкранов вспышки и переливы разноцветных неоновых реклам — все это сливалось в грандиозную свето-звуковую симфонию, в скрытом ритме которой Рут вдруг явственно ощутил угрозу. Да, опасность была где-то совсем близко, он теперь твердо знал это. Пробираясь вслед за Ио в сутолоке переходов и холлов, Рут, напряженный до предела, бросил быстрые взгляды по сторонам. Однако люди, мимо которых он проходил, были заняты своими делами и своими мыслями. Никто не обращал на него внимания...

Ио вскоре разыскал стойку регистрации парижского рейса. Формальности заняли несколько секунд; минуто спустя Рут и Ио очутились в небольшом салоне со стеклянными стенами. Посредине стояли большие вазы с красивыми яркими цветами, а вдоль стен — низкие кресла, оправленные темно-вишневой кожей. В креслах сидели и полулежали пассажиры, ожидавшие парижского рейса. С некоторыми были роботы той же системы, что и Ио.

— Присядьте, капитан, — предложил Ио.

Но Рут отказался. Устроившись в углу салона, он принялся изучать своих будущих спутников, вместе с которыми предстояло пересечь океан. Большинство напоминало бизнесменов и чиновников. Один, помоложе, с тупым лицом и самоуверенным взглядом, был в мундире космического пилота. Ироническая усмешка промелькнула по лицу Рута. Никто из находящихся в салоне, конечно, не догадывается, какой опасности они все подвергаются, летя вместе с ним. Впрочем, полет на ракетном лайнере — всегда немного риск... В этом случае риск возрастал

неимоверно. Отъезд Рута был бегством, и Совет Равных, конечно, уже знал обо всем...

В дальнем углу салона сидело несколько женщин в элегантных дорожных костюмах. Оценивающий взгляд Рута задержался на них. Без сомнения, все они принадлежали к состоятельному кругу, но привлекательных среди них не было. Салон постепенно заполнялся. Теперь все кресла были уже заняты, и вновь прибывающие ждали стоя, заполнив свободное пространство между вазонами и креслами. Вспыхнула надпись: «Посадка»; тотчас раздвинулись двери, ведущие в ярко освещенный, уходящий куда-то вниз коридор. В дверях появилась черноволосая девушка в голубой униформе служащих аэропорта. Рут стиснул зубы... Девушка чем-то напомнила ему Кари.

Толпа шевельнулась и медленно потекла в коридор мимо девушки в голубой униформе. Сидевшие вставали со своих мест. Салон начал быстро пустеть.

И тогда появилась она... Рут мгновенно узнал ее, лишь только она вошла. Он словно окаменел в своем углу — ошеломленный, растерянный, неимоверно вдруг ослабевший. Сердце сначала подскочило, а потом словно остановилось...

Она прошла совсем близко с высоко поднятой головой. Пышные золотистые волосы были стянуты сзади узкой черной ленточкой, как и тогда — в день их последней встречи. Знакомый до боли профиль с высоким прекрасным лбом. Маленькие яркие губы, тени от длинных ресниц. Она все еще была прелестна осенней красотой. Строгий дорожный костюм подчеркивал контуры стройной фигуры, делая ее похожей на совсем юную девушку. Над широким отложным воротником коричневой замшевой куртки поблескивала тончайшая золотая цепочка — та самая...

Она прошла через салон легко и быстро, дробно постукивая узкими каблучками по мраморному полу. Двое высоких мужчин следовали за ней. В руках одного из них был большой кожаный портфель.

Уже перед самым выходом из салона, на мгновение задержавшись перед девушкой в голубой униформе, она полуобернулась к одному из своих спутников и что-то сказала. Тот быстро ответил, и она улыбнулась.

Если бы в душе Рута еще и оставались какие-нибудь сомнения, эта улыбка окончательно перечеркнула бы

их — неповторимая, единственная в мире улыбка... Так улыбалась только она — его Рэгги...

Они исчезли в глубине коридора, и давно затих стук ее каблучков, а Рут все еще стоял неподвижно в своем углу. Теперь только он один оставался в салоне. Впрочем, нет — рядом невозмутимо замер Ио... Девушка у выхода вопросительно глядела на них.

Пора было принимать решение. Рут глубоко вздохнул, словно пробуждаясь после долгого сна. В общем-то, все было ясно... Теперь он не имел права лететь. Даже если она летит только до Джонстауна, он не должен рисковать ее безопасностью. И, кроме того, если она была все это время здесь, значит, она не могла не знать о его возвращении, значит... Впрочем, какое это может теперь иметь значение? Она жива, и, кажется, ее жизнь сложилась удачно. Это главное... «Главное!» — мысленно повторил Рут, и тут ему показалось, что он хочет в чем-то убедить самого себя...

Ио беспокойно шевельнулся.

«Да-да, конечно,— подумал Рут.— Надо быстрее заявить об отказе от полета, чтобы они успели принять меры, если что-то было задумано в связи с этим рейсом».

Рут сделал несколько шагов. Ноги показались ватными, Рут с трудом переставлял их.

«Сдаешь, старина,— мысленно заметил он самому себе.— Одна мимолетная встреча, и совсем раскис... А еще собирался бороться с гангом Совета Равных. Она же никогда не любила тебя, и ты превосходно знал об этом... А ну, нервы в кулак! Ведь ты еще не думаешь капитулировать»...

— Я — Рут Доррингтон,— громко, твердым голосом объявил он, подходя к девушке в голубой униформе.— Я хотел лететь этим парижским рейсом, но сейчас раздумал. Я остаюсь в Роктауне еще на несколько дней. Могу я изменить дату вылета?

— Пожалуйста,— сказала девушка, не выразив ни малейшего удивления.— Обратитесь в окно регистрации, и вам назначат другую дату.

Она нажала кнопку, и двери, ведущие к выходу на перрон, задвинулись. Рут повернулся к Ио. Красноватые глазки робота вспыхивали и угасали. Ио явно был удивлен, а может быть, и расстроен решением Рута.

В полночь они снова были в «Парадизе». При виде Рута портье молча протянул ключ. «Словно ждали», — отметил про себя Рут. В сопровождении Ио он поднялся в свои апартаменты. Все было на месте. Видимо, за время их короткого отсутствия никто не заходил в номер.

Ио еще не кончил распаковывать чемоданы, когда в дверь тихо постучали.

Робот выпрямился и вопросительно взглянул на патрона.

— Открой, — приказал Рут.

Ощущение близкой опасности, охватившее его в аэропорту и сохранившееся даже после того, как он увидел Рэгги, сейчас подсказывало, что наступил решающий момент. Что ж, он не станет прятаться. Он привык встречать любую опасность лицом к лицу. Это основное правило космической навигации. И оно никогда не подводило его. Кроме того, в его распоряжении еще три дня...

Ио приоткрыл дверь в коридор. Тотчас, отстранив робота, вошли трое. Обычные костюмы, обычные лица. Один постарше в темных очках, седоватый, двое других совсем юные, круглолицые, розовощекие. Не задерживаясь, они прошли прямо в кабинет. Один из юнцов остался у двери, двое сделали несколько шагов вперед и молча поклонились.

— Вы, конечно, ждали нас? — спросил старший, внимательно глядя на Рута.

— Нет, — сказал Рут, — и потому вам придется объяснить причину столь позднего визита. Прошу садиться.

Старший чуть заметно пожал плечами, но сел в низкое кресло у стола, сделав знак молодому, который стоял рядом. Тот тоже опустился в кресло, не сводя глаз с Рута.

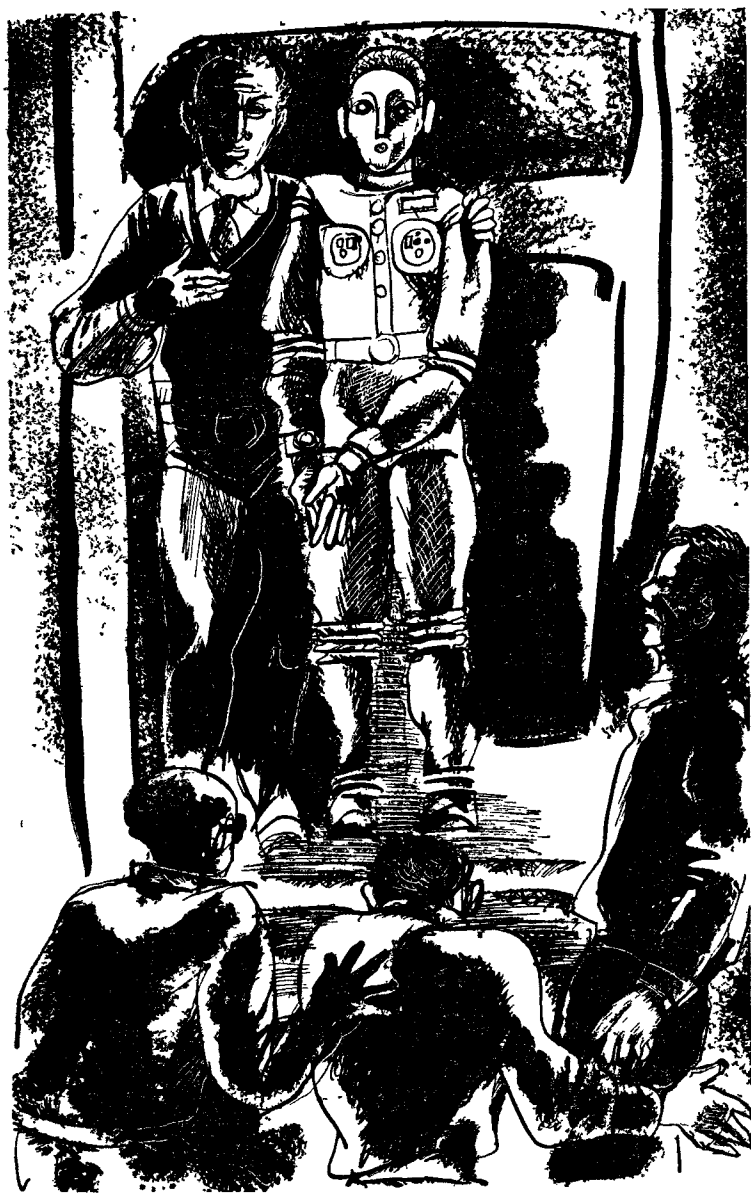
— И он, — сказал Рут, указывая на третьего, который продолжал стоять у двери.

— А он постоит, — улыбнулся старший, — он привык стоять.

— Как угодно, — заметил Рут. — Итак?

— Мы от шефа, — начал старший, — шеф поручил передать вам...

— Вы имеете в виду кого-то из Совета Равных? — перебил Рут. — Я всегда предпочитаю точность.

— Мы от шефа,— повторил старший, делая ударение на слове «шеф»,— не воображаете же вы, капитан Доррингтон, что вашей персоной будет заниматься целый Совет? Даже при вашей громкой славе это было бы нескромно...

— Принимаю ваше замечание,— сказал Рут.— Действительно, я, кажется, кое-что преувеличивал... Однако вы меня знаете, а я вас нет. Не следовало ли бы вам представиться?

— В данной ситуации это не обязательно,— возразил старший,— но, принимая во внимание ваши исключительные заслуги, капитан, я с удовольствием представляюсь. Меня зовут Рональд, можете называть меня просто Ронни. Его,— он указал на молодого, сидевшего рядом,— Иона, а у того,— он кивнул в сторону двери,— только номер — тридцать три.

— Понимаю и ценю эту деликатную интимность,— поклонился Рут,— меня тоже можете называть просто по имени — Рут.

— Благодарю,— сказал тот, который назывался Рональдом.— Однако присядьте и вы, Рут.

— Разумеется, но прежде я хочу кое-что организовать. Что вы предпочли бы выпить, Ронни?

— Это тоже совсем не обязательно, но уж если вы так любезны, мы не отказались бы от крепкого коктейля.

— Превосходно.— Рут хлопнул в ладоши.— Ио!

Робот тотчас же появился в дверях, но парень, стоящий у входа в кабинет, протянул руку и преградил путь.

Рут удивленно поднял брови, и тогда Ронни, не оборачиваясь, бросил:

— Пропусти.

Рука опустилась. Ио шагнул в кабинет, бросив по дороге весьма недвусмысленный взгляд на парня, стоящего у двери.

— Поднос с напитками,— сказал Рут,— и бокалы. Захвати все, что покрепче, Ио. И конечно, соки и лед...

Через несколько секунд стол в кабинете был уставлен бутылками.

Рут задумчиво приглядывался к этикеткам:

— Пожалуй, я сделаю вам космический коктейль. Мы его предпочитали на Плутоне. Рецепт довольно сложный,

но зато на вкус...— Рут прищелкнул языком.— Вы не возражаете, Ронни?

— Целиком полагаюсь на вас, Рут.

— А вы, Иона? — Рут мельком взглянул на молодого.

— Я тоже,— сказал парень, с интересом следя за Рутом.

— Он, насколько я понимаю, вообще не пьет,— Рут указал глазами на третьего, продолжающего занимать позицию у двери.

Ронни отрицательно покачал головой.

Рут молча принялся составлять коктейль. Он открывал одну за другой бутылки и критически проверял на свет составляемые смеси. Гости выжидающе молчали, следя за каждым его движением.

— А вы не стесняйтесь,— заметил Рут, опуская щипцами кусочки льда в бокалы,— рассказывайте пока, что вас привело.

Ронни беспокойно откашлялся, а Иона глупо хихикнул.

— А мы не торопимся,— заметил наконец Ронни.

— Ну, как угодно...

— Впрочем,— Ронни снял очки и принялся протирать их салфеткой,— зачем играть в прятки. К тому же я убежден, вы уже обо всем догадались, капитан. Мы пришли известить вас, что срок сокращен. Вы должны... приобщиться сегодня ночью.

— Гм,— сказал Рут,— кажется, я перелил этого ликера. Боюсь, вкус будет слишком приторным. Уже начал забывать нужные пропорции... Кажется, вы сказали, Ронни, что срок сокращен. А собственно, почему? Я твердо рассчитывал на остающиеся три дня. Неужели ваши шефы не выполняют своих же джентльменских условий и гарантий?

— Виноваты вы сами, Рут. Эта попытка отъезда... Кое-кого она заставила призадуматься. Так же как и ваше неожиданное возвращение... Когда другая сторона начинает предпринимать необъяснимые шаги, безопаснее сократить игру.

— Ах, вот что... Значит, я не имел права провести остающиеся дни, например, во Франции?

— Разумеется, нет. Вы вообще не можете теперь покинуть нашу страну. Ведь сразу после возвращения вы были объявлены национальным памятником. А вывоз

за рубеж национальных памятников, как известно, запрещен. Ну разумеется, и выезд тоже, если памятники могут передвигаться самостоятельно.

— Подумать только! — изумился Рут. — А я и не предполагал. Значит...

— Вас, вероятнее всего, сняли бы с рейса в Джонстауне, если бы вы прибыли туда благополучно.

— А мог и не прибыть?

— Такой полет — всегда риск, Рут.

— Однако надеюсь, после моего отказа лететь риск этого рейса заметно уменьшился, не так ли Ронни?

— Боюсь утверждать, но не исключаю такой возможности.

— Ну вот и превосходно, — с видимым облегчением заметил Рут. — Кажется, коктейль получился неплохой. Прощу, — он протянул бокалы своим гостям.

— Вы на редкость отважный человек, капитан Доррингтон, — с уважением сказал Ронни, принимая бокал. — Я еще не встречал такого на своем веку. Поскольку тост за долголетие был бы неуместным, предлагаю выпить за отвагу.

— Пустяки, — сказал Рут, делая глоток коктейля. — Это чисто профессиональное. Итак, что вы имеете мне предложить?

— Вариантов может быть несколько, — Ронни задумался. — Быстродействующий яд, пуля, прыжок с балкона... Я лично голосовал бы за последнее из предложений. Яд — это не для такого человека, как вы, а пуля...

— Это надо спокойно обдумать, — заметил Рут. — Надеюсь, вы не станете особенно торопить меня.

— Пока нет, но все должно завершиться сегодня ночью.

— Значит, у нас есть время не торопясь допить этот коктейль и даже соорудить еще один, если вы не станете возражать.

— Я не пью на ночь больше одного крепкого коктейля, — покачал головой Ронни. — В противном случае потом плохо сплю, а мне надо хорошенько отдохнуть перед завтрашним днем.

— Как угодно... Но, пока мы пьем этот коктейль, не согласитесь ли вы, Ронни, ответить на один вопрос. Он давно интригует меня...

— С удовольствием, если сумею, Рут.

— Зачем вы... ликвидируете такое количество людей? Я, конечно, не имею в виду себя лично... Ведь это бессмысленное расточительство. Люди — это капитал...

— Только до определенного предела, — усмехнулся Ронни. — Когда их становится слишком много, это создает определенные хлопоты для государства, особенно в нашу эпоху — техники и ограниченных сырьевых возможностей. Те, кто не в состоянии обеспечить себе уровня жизни в соответствии со средним стандартом, должны исчезнуть.

— Понимаю... Но разве государство не в состоянии помочь хотя бы некоторым? Без сомнения, среди них встречаются полезные личности... Немало гениев минувших эпох были в обыденной жизни людьми непрактичными.

— А гении теперь тоже ни к чему. Все, что необходимо для дальнейшего процветания, создано. Нужен лишь определенный уровень производства и соответствующее ему количество населения, живущего по общепринятому среднему стандарту. Все, что выходит за рамки среднего, должно отсекается. Как сверху, так и снизу. Это и гарантирует нам сохранение всех стандартов.

— Значит: «Да процветает средний обыватель!»?

— Именно, Рут. И мы гордимся тем, что мы — край средних людей, среднего большинства, среднеобразованных, среднесинтеглических, среднесчастливых...

— И никто не протестует?

— А протесты всегда исходили именно от тех крайних групп, которых сейчас практически не существует. Именно там, в тех слоях, и возникали проклятые вопросы, подобные тем, которые задаете сейчас вы. Вот именно поэтому, Рут, и вы должны уйти, хотя мне лично вы очень импонируете.

— Благодарю, — Рут отхлебнул глоток коктейля. — Что ж, почти все ясно... Мне, вероятно, не следовало возвращаться, хотя, впрочем, это почти одно — там ли, или тут...

— Ну что вы, — оживился Ронни. — Триумф вашего возвращения — разве не достойная плата за все? Уверю вас, многие в нашей стране охотно поменялись бы с вами судьбой. Вы занесены навечно в книгу Героев космоса,

вам будут воздвигнуты памятники, вы станете героем школьных хрестоматий, о вас будут слагать стихи...

— Значит, не всех среднесчастливых удовлетворяет официальный стандарт счастья? — прищурился Рут. — Кое-кто мог бы и поменяться?

— Конечно не теперь, — рассмеялся Ронни. — Чуть-чуть раньше...

— Конечно, — Рут задумался. — И все-таки оппозиция должна существовать. Должна... Природа человека такова, что он не может удовлетвориться средним уровнем, даже если это уровень среднесчастливый. Тут действует страх, средний страх, если угодно, но существует и предел страха. Вы не думали об этом, Ронни?

— Думать об этом не входит в мои обязанности. Этим заняты другие. Но производительность крематориев может быть и увеличена...

— Ну что же, если так... — Рут прервал, заметив, что за спиной парня, стоящего в дверях, появился Ио, глазки которого мерцали как-то необычно. — Если так, — продолжал Рут, — пришло время решить. И я решил...

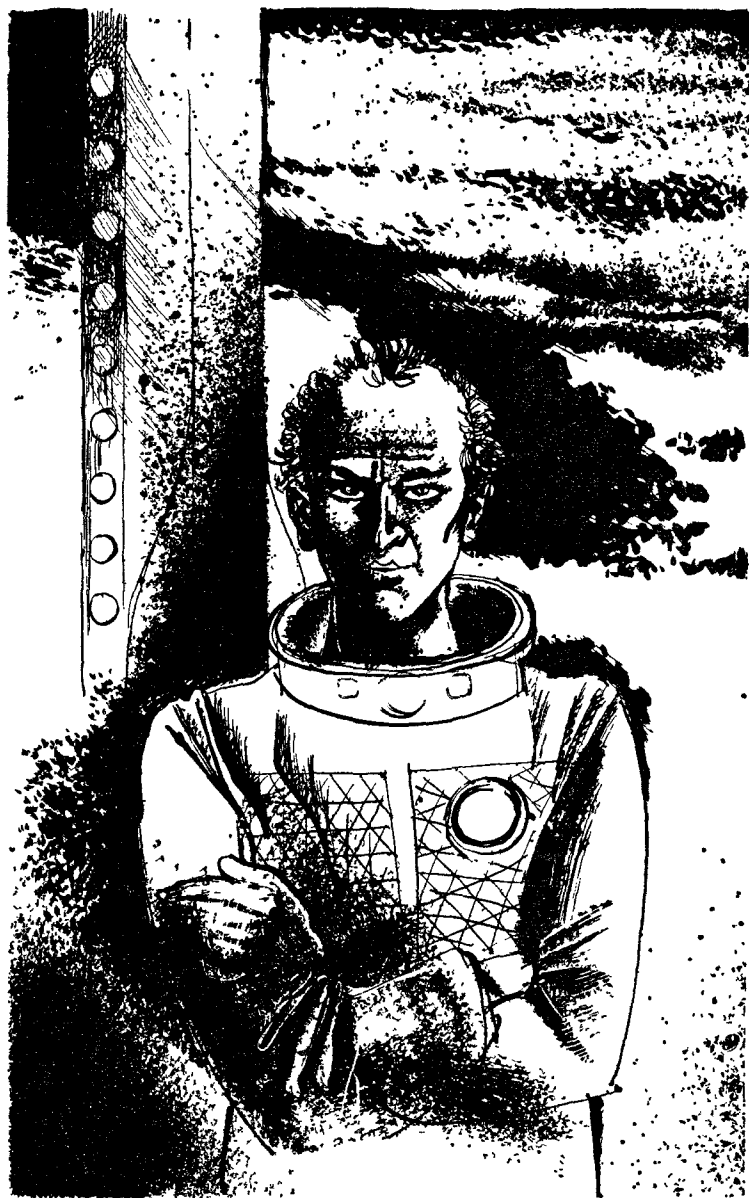
Ронни, держа в руках бокал с недопитым коктейлем, с интересом ждал.

— Я решил, — повторил Рут, приподнимаясь со своего места.

Молниеносный удар левой в подбородок Ионы и прыжок на неусевшего вскочить Ронни. Опрокинулся стол, зазвенели осколки стекла. Парень у двери бросился к ним, но, схваченный сзади Ио, с грохотом отлетел к экранам. Пока Рут и глава банды барахтались на полу, Ио мощными ударами своих рук-клешней превратил голову тридцать третьего в нечто совершенно бесформенное. Рут начал одолевать, но в этот момент получил такой удар сзади, что на мгновение потерял сознание. Падая навзничь, он успел разглядеть Иону с залитым кровью лицом, который готовился нанести второй удар. Откуда-то издали донесся голос Ронни.

— Хватит с него, тащи за ноги на балкон.

Иона нагнулся и схватил Рута за ноги, но в тот же момент его залитое кровью лицо дико перекосилось; он попятился и громко завыл от боли, пытаясь освободиться от металлических пальцев Ио, который держал свою жертву за штаны. Этого было достаточно, чтобы Рут

успел вскочить. Но поднялся и Ронни. В его руках что-то блеснуло. Рут узнал свой исчезнувший пистолет.

— Спокойно, капитан. Руки! Быстро! — Ронни направил черные отверстия стволов в грудь Руту. — Здесь урановая пуля, не так ли? Ну!

Рут медленно поднял руки.

— А теперь на балкон, шагом марш. Ну!

Рут сделал шаг, потом другой.

— Живее, капитан!

Снова раздался пронзительный вопль Ионы.

— В чем там дело? — спросил Ронни, не поворачивая головы.

— Он жжет меня своими пальцами, — задыхаясь прохрипел Иона.

— Так скажи ему, дурак, что ты человек, у него же есть реле...

— Больше нет, — услышал Рут знакомый голос Ио. — Я вынул...

Хрип за спиной заставил Ронни стремительно обернуться. Он успел выстрелить, но только один раз. Ослепленный вспышкой разрыва он отступил. Рут пригнулся и бросился на него снизу. Одного удара было достаточно, чтобы выбить из рук пистолет. Другой — приобщил главу банды к большинству...

Тяжело дыша, Рут оглядел поле боя. От верного Ио осталось лишь несколько кусков дымящегося металла, от Ионы, который так и не вырвался из цепких объятий робота, ровно ничего не осталось. Робот системы «5», вдавленный Ио внутрь изуродованных переговорных экранов, тоже больше не существовал. Рут склонился над неподвижным телом Ронни. И здесь все было кончено. Этот удар не подводил никогда. Рут поднял пистолет и сунул его в карман. Что-то, а эта штука еще могла пригодиться.

Потом он, не торопясь, привел в порядок костюм, умылся, надел шляпу и куртку и, набив карманы деньгами, приготовился выйти. Еще раз оглядев кабинет, он плотно закрыл балконную дверь и, соединив разорванные провода в переговорных устройствах накоротко, бросил на них диванные подушки и занавес, который сорвал с окна. Пожар начнется минут через пять; пока спохватятся и найдут источник дыма, огонь уничтожит большинство следов. Во всяком случае, пройдет некоторое время, пре-

жде чем точно установят, кто же погиб в огне. Рут закрыл дверь своих апартаментов, бросил ключ в мусоропровод и спустился в холл. Портье за стойкой даже не поднял на него глаз. Портье, конечно, знал, что кто-то должен пройти через холл... Он не мог не видеть ночных гостей Рута.

Выйдя во влажную духоту ночи, Рут облегченно вздохнул. Первая часть задачи была решена.

Невдалеке от входа в гостиницу стояла большая черная машина. В ней никого не было и никого не было видно поблизости.

«Скорее всего, это их машина»,— решил Рут. Он без колебаний подошел, открыл дверцу и сел за руль. Включенный мотор чуть слышно заработал. Откинувшись в эластичном кресле, Рут нажал на педаль. Машина легко тронулась с места и понеслась по ярко освещенным пустым улицам...

Мотор отказал неожиданно перед въездом на мост. Выяснять причину было некогда. Восток уже светлел. Вдали появилась группа людей, которые быстро приближались. Рут вышел из машины и по каменным ступеням спустился к самой воде. Отсюда вдоль узкой каменной кромки берега он пробрался под мост и присел во мраке на влажном теплом камне. Совсем рядом бесшумно струилась черная вода. От нее пахло нефтью, сыростью и еще чем-то непонятным. Громко разговаривая, по мосту прошли люди. Их голоса звучали тревожно и отрывисто.

— Это там...

— Нет, быть не может...

— Смотрите, их машина...

— Но кажется, пустая?

— Пуста... Проклятие! Эти дряни заметили нас и сбежали!

Теперь голоса доносились из одного места. Люди, по-видимому, остановились возле брошенной Рутым машины.

— Странно, что они не пытались уехать.

— Очень странно!

— И похоже, ехали оттуда...

— Неужели мы опоздали!

— Проклятие! Надо было раньше. Я ведь говорил вам...

— Нет, друзья... Что-то не то... Это их машина... Вот... Мотор не включается... Значит, отключили из централи...

— Да, непонятно...

— Скорее пошли туда. Может, еще успеем.

— А ты останься поблизости. Последи за машиной. Если они вернутся...

— Знаю...

Звук шагов затих в отдалении. Некоторое время Рут прислушивался.

Наверху было тихо. Тот, что остался, ничем не выдавал своего присутствия.

«Интересно, что за люди? Похоже, знают Ронни и его помощников. Даже следили за ними. Может, конкурирующая банда? Что, если выйти и разговорить того, кто остался? — Рут покачал головой. — Нет, на сегодня хватит искушать судьбу. Надо подождать до утра, смешаться с толпой прохожих и тогда»...

Он сидел довольно долго, ни о чем не думая. Что-то надо было решить, но он не мог сообразить, что именно. Потом он начал дремать.

Из дремоты его вырвал шорох и луч света небольшого фонарика.

Кто-то был рядом...

— Кто здесь? — спросил Рут, оборачиваясь.

— Друзья, — слышалось в ответ. — Ты оттуда?

— Да, я из города, — сказал Рут. — А вы?

— Мы тоже, но не те, что живут наверху.

— Понимаю, — сказал Рут. — Может быть нам с вами по пути?

— Так это ты сделал? — продолжал невидимый голос.

— Что именно? — поинтересовался Рут.

— В «Парадизе»... Здорово горит. Весь центр в дыму.

— А, — сказал Рут, — это даже больше, чем я предполагал.

— Тогда нам действительно по пути.

— Я так и думал...

— А как тебя звали?

— Рут Доррингтон.

— Эге, так они не успели расправиться с тобой?

— Как видишь.

— Значит, нам повезло.

— Вероятно, мне тоже.

- Так пошли!
- Слушай,— Рут встал со своего камня,— скажи, кто вы?
- Те, кто не смирился.
- Значит, я был прав.
- В чем?
- Так... В одном споре. Я утверждал, что вы не можете не существовать... Вот только не знал, где вы...
- Да, пока мы вынуждены таиться. Но пройдет время, и скоро...
- Почему же вы не подаете знака тем, кто обречен?
- Это не так просто. У нас лишь те, кому нет пути назад. Кроме того, возможно предательство... Впрочем, ты вскоре убедишься, что мы не сидим сложа руки...
- Но каждый день там, наверху, гибнут люди.
- Гибнут слабые. Другие прозревают, уходят к нам. О нас ведь тоже многие знают... Только молчат, потому что боятся. Паутина страха и лжи ткалась десятилетиями. Освободиться от нее нелегко.
- Да, страх — сволочное чувство... Тем не менее большинство тех, кто наверху, будут с вами в решающий момент. Я там встретил одну девушку...— Рут тяжело вздохнул.— Ее уже нет, но таких, как она, там найдется немало. Уверен в этом.
- Ты прав. Они, когда создавали свою паутину, забыли об одном... Человека нельзя лишать самого смысла существования... А смысл в том, чтобы как можно полнее выразить себя — в труде, подвиге, любви — во всем, что составляет суть разумной жизни. «Стандарты среднего счастья» закрыли пути самовыражения... Тогда они стали уничтожать подряд всех, кто не смирился.
- Они — это Совет Равных?
- Да... Они держат в руках всю страну. Правительство — тоже. И полицию... Их паутиной опутано все...
- Так я и думал. Мафия гангов?..
- Они выросли из мафии, которая контролировала игорные дома, торговлю наркотиками и крематории. Теперь они истинные хозяева. Все остальное — видимость. Пошли.
- Подожди, еще одно. Я вначале получал их письма, и они...
- Исчезали, не так ли?

— Да...

— Детский трюк... Вещество, которое, самораспадаясь, превращается в газ. Эти письма исчезают всегда. Тем не менее о них все знают.

— Значит, он лгал,— задумчиво произнес Рут.

— Кто?

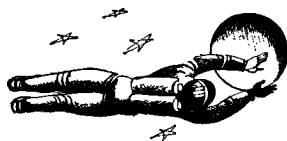
— Один журналист...

Невидимый собеседник тихо рассмеялся:

— Они там все лгут. Что им еще осталось. Пошли.

— Пошли,— сказал Рут.

1975 год

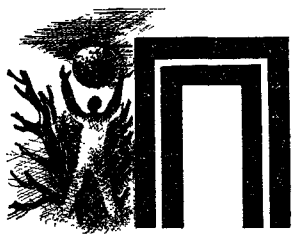

БОМБА ЗАМЕДЛЕННОГО ДЕЙСТВИЯ

РАССКАЗ

оначалу доклад не предвещал неожиданностей. Что-то о вспышках сверхновых... Конференция, посвященная проблемам связи с внеземными цивилиза-

циями, подходила к концу. Доклад профессора Освальдо Агийэра, судя по названию, не укладывался в русло основной тематики. Его включили в программу одного из последних секционных заседаний.

Впрочем, вездесущие журналисты кое-что пронюхали... Их обилие на секционном заседании, где должен был слушаться доклад Агийэра, насторожило ученых.

— Коллега Агийэр собирается выдать сенсацию? — спросил, иронически усмехаясь, профессор Джон Стоун. Он задал этот вопрос председательствующему на секционном заседании профессору Самуэлу Мейзингу, когда оба они шли к столу президиума.

— Сенсации не будет, — холодно ответил Мейзинг.

— Да?.. А журналисты почему? Мы с вами едва ли представляем для них интерес.

— Сенсации не будет, — повторил Мейзинг. — Доклад пришлось перенести.

— В последний момент? — Стоун присвистнул. — Что, собственно, произошло?

— Решение президиума конференции. Соавтор докладчика попал в автомобильную катастрофу.

Заняв место председательствующего, профессор Мейзинг объявил, что в программу сегодняшнего заседания внесено изменение. Совместный доклад профессора Освальда Агийэра из Обсерватории Аресибо и профессора Гуледа Траоре из Лаборатории ядерной физики в Пасадене будет прочитан завтра на заключительном пленарном заседании конференции.

В последних рядах зашумели. Кто-то из журналистов поднялся и крикнул:

— Агийэр собирался выступить от своего имени. Или я ошибаюсь?

— Вы не ошибаетесь,— спокойно ответил председательствующий,— так было в программе. Но уже тут, на конференции, к профессору Агийэру обратился профессор Траоре — хорошо всем вам известный ученый-атомщик. Они договорились о... так сказать... общей платформе. Только что президиум конференции решил, что их совместный доклад... удобнее заслушать на пленарном заседании. А теперь позвольте объявить, что сейчас выступает профессор...

Шум заглушил последние слова. Журналисты, громко переговаривались и, стуча откидными сиденьями кресел, покидали аудиторию.

* * *

На следующий день зал пленарного заседания не мог вместить всех желающих, тем более что много места заняли своей аппаратурой телевизионщики. Все проходы были заставлены стульями, принесенными из соседних аудиторий. Сидели даже на ступеньках амфитеатра, на полу перед столом президиума и на подоконниках высоких стрельчатых окон.

— Пресса и телевидение заинтересовались нами только под занавес,— шепнул профессор Джон Стоун своему соседу, усаживаясь за покрытый зеленым сукном широкий стол в президиуме.— Что ж, лучше поздно, чем никогда.

— Ошибаетесь, коллега,— ворчливо возразил сосед,— вовсе не нами. Агийэром.

— Кто-то подстроил?

— Он сам... Давал интервью газетчикам... А позавчера они с Траоре даже выступали на митинге так называемых борцов за мир.

— Со своим докладом?

Собеседник пожал плечами:

— Нет, конечно. Призывали к разоружению, к замораживанию военных расходов... Ну, и тому подобная чушь. Ловкачи! Спекулируют на ситуации.

— Агийэр это может.— Стоун извлек из футляра золотую зубочистку и сосредоточенно покусывал ее кончик.— Он ведь и научную фантастику пишет. Недавно опубликовал новый роман... Вы не читали?

— На такие глупости не располагаю временем.

— Нет, а я полистал... Мысли есть, любопытные, хотя и не ново. Меня во всей этой истории заинтересовало другое... Агийэра многие считают фантазером и в науке...

— Он и есть фантазер. Фантазер и спекулянт на модных концепциях.

— Вот видите, коллега. Но профессор Траоре — серьезный ученый. Более того, не секрет, что он — один из создателей последней генерации сверхмощных ядерных боеголовок...

— Какое отношение всё это имеет к космической радиосвязи, программе СЕТИ¹, астрофизике?

Председательствующий встал и объявил, что доклад на тему «Некоторые соображения о построении классификации вспышек сверхновых звезд» от имени авторов — тут последовало долгое перечисление научных степеней, званий и титулов — прочитает профессор Освальдо Агийэр.

На кафедру, возвышающуюся рядом со столом президиума, быстрыми шагами поднялся небольшого роста смуглый, черноволосый человек в больших роговых очках с очень резкими чертами худощавого лица. Строгий серый костюм был ему чуть широковат, так же как и воротник белоснежной сорочки, из которого торчала длинная худая шея. Вспыхнули юпитеры, застрекотали кинокамеры, телевизионщики приникли к своим аппаратам. Не обращая

¹ СЕТИ (англ.) или SETI (амер.) — сокращения от слов «Связь с инопланетным разумом», «Поиск внеземного разума». Оба сокращения обозначают проблему поиска внеземных цивилизаций.

внимания на нацеленные объективы, Агийэр разложил на кафедре пачку листов бумаги, глянул в сторону президиума, разыскал там кого-то глазами, кивнул, снял очки, водрузил на нос другие — еще большего размера — и, откашлявшись, начал читать доклад.

Уже само начало насторожило аудиторию. Не было ни традиционных благодарностей тем, кто помогал, способствовал, благоприятствовал... Отсутствовала история вопроса, ссылки на авторитеты и их статьи. Агийэр кратко сообщил, что изучает вспышки сверхновых более тридцати лет, и тотчас на большом экране над столом президиума возникли таблицы с перечнем результатов — где, когда, спектральные характеристики и прочее. В последней графе таблиц были приведены типы вспышек, некоторые со знаком вопроса. Этих типов выделялось пять.

Затем докладчик перешел к подробной характеристике выделенных типов. Сначала он принялся читать ее — длинный перечень ядерных превращений различных химических элементов. Интерес присутствующих заметно ослабевал. Слушатели перешептывались, гасли один за другим рубиновые глазки телевизионных камер, все чаще скрипели кресла.

Агийэр почувствовал, что теряет контакт с аудиторией; он нахмурился, закусил губы и сделал долгую паузу. Однако желанная тишина не наступала. Тогда он решился... Резким движением отодвинул бумаги, сошел с кафедры, взял мел и постучал им по матовой поверхности стеной доски.

— Я попытаюсь представить только что прочитанное более зримо, — сказал он, обводя взглядом аудиторию. — И попрошу теперь максимум внимания, потому что это очень важно... Важно для понимания выводов, которые авторы доклада хотели бы предложить собравшимся. Итак... Непосредственные наблюдения показали, что вспышки первого типа связаны с ядерными перестройками вещества, когда возникают газовые облака преимущественно следующего состава...

Он записал реакции каллиграфически изящными строками и заключил в картуш символы новообразованных элементов.

— И дальше... — Он продолжал исписывать огромную доску строками символов, цифр, формул, иногда лишь

вставляя короткие реплики; производил преобразования, упрощал и заключал итоги в рамки картушей.

Теперь большинство присутствующих следили за ним затаив дыхание, словно замороженные; только журналисты обескураженно вертели головами, пытаясь догадаться, что скрывается за головоломными формулами, которыми докладчик исписывал третью доску подряд.

— И наконец, позвольте сформулировать выводы,— заключил Агийэр, жирно обводя последнюю группу символов. Он тяжело вздохнул и принялся вытирать платком лицо и лоб.— Впрочем, как я полагаю, большинству присутствующих выводы уже ясны,— негромко добавил он, обращаясь к президиуму,— ибо они здесь,— он указал на исписанные мелом доски.

— Логично, изящно, но довольно спорно,— заметил кто-то в зале.

— Как любая гипотеза «*in statu nascendi*»¹,— устало усмехнулся Агийэр.— К сожалению, господа, это,— он снова указал на доску,— не гипотеза. Не опасаясь прослыть слишком смелым, утверждаю, что здесь дана теория вопроса. Коллега Траоре разделял мою уверенность и... мои опасения. Да-да, это теория, господа. К сожалению, для нас, для всего человечества, для Земли в целом. Пятый тип вспышек сверхновых, к-которому относятся тридцать три процента наблюдений, иными словами *одна треть их*, — этот фатальный пятый тип может быть интерпретирован лишь однозначно: как результат мгновенного разрушения неких планетных тел — планет, подобных нашей Земле. Спектральные характеристики вспышек пятого типа не оставляют места для сомнений. Эти сверхновые вспыхивают в звездных системах, подобных солнечной, и с большой долей вероятности — на месте планет земного типа с железо-никелевым, как пока принято считать, ядром. Опыт геологической истории нашей планеты позволяет утверждать, что подобные космические тела достаточно устойчивы. Возраст Земли приближается к пяти миллиардам лет, и, хотя в ее долгой геологической летописи улавливаются следы грандиозных преобразований и катастроф, сама планета как целое продолжает существовать.

¹ «В момент рождения» (лат.)

В чем же дело? Может быть, доложенные здесь данные наблюдений за иными звездными мирами противоречат тому, что нам известно о планетах земной группы нашей Солнечной системы? Отнюдь... С этой трибуны уже говорилось немало в защиту идеи о множественности центров жизни и разума в видимой Вселенной. Приводились расчеты, назывались звезды, окрестности которых следует прослушивать в первую очередь, ловя плывущие оттуда сигналы «братьев по разуму». Большинство докладчиков подразумевали, что источниками этих сигналов могут быть прежде всего планеты земного типа...

И вот тут я вынужден ступить на зыбкую почву гипотезы. Только здесь, господа, не ранее. Проанализировав еще раз, совместно с профессором Траоре, результаты моих наблюдений за вспышками сверхновых во Вселенной, сравнив эти результаты с тем, что ныне известно о составе Земли, о динамике ее недр, мы предположили, что вспышки сверхновых пятого типа — результат самоуничтожения цивилизаций, вместе с планетами, конечно. Что это могут быть за цивилизации? Вероятно, технические, овладевшие значительными энергетическими потенциалами и, скорее всего, использующие ядерную энергию. Следовательно, это цивилизации, близкие нынешнему уровню земной или опередившие его ненамного. Я подчеркиваю, господа, — ненамного — и дальше постараюсь объяснить, почему.

Разумеется, ни одна нормальная цивилизация не будет стремиться к сознательному самоуничтожению. Остается предположить, что пятый тип вспышек возникает независимо от желания и воли большинства индивидов, составляющих данную цивилизацию. В таком случае причину вспышки, то есть мгновенного превращения планеты земного типа в высокотемпературное газовое облако, следует искать в каких-то природных процессах, которые могут быть существенно ускорены или, если угодно, детонированы неосмотрительными действиями данной цивилизации. Что же это за процессы? Тут я должен был бы передать эстафету доклада моему уважаемому соавтору — профессору Гуледе Траоре, который производил необходимые расчеты. К величайшему моему сожалению, я лишен этой возможности. Вчера профессор Гулед Траоре попал в автомобильную катастрофу. Он погиб.

Агийэр тяжело вздохнул и сделал долгую паузу. Огромная аудитория замерла. Не слышно было даже дыхания сотен людей. Все взгляды были устремлены на докладчика.

— Поэтому заканчивать придется тоже мне,— продолжал Агийэр, справившись наконец с волнением.— Не вдаваясь в подробности, могу сообщить: расчеты покойного профессора Траоре убедительно свидетельствуют, что достаточно мощные термоядерные взрывы на поверхности или в атмосфере такой планеты, как Земля, могут резко ускорить ход природных процессов, миллиарды лет спокойно протекающих в ее недрах. Согласно концепции профессора Траоре, концепции, над которой он работал последние годы, энергетика планет земного типа подобна энергетике термоядерного реактора, запрограммированного природой на миллиарды лет более или менее спокойного горения. Активная зона этого природного реактора, прототип которого мы еще не сумели воссоздать в наших лабораториях,— внутреннее ядро планеты. Там, в условиях очень высоких давлений и температур, в обстановке «спокойного горения», идут реакции ядерного синтеза вещества, те самые, которые я подробно охарактеризовал, говоря о вспышках пятого типа. Резкое ускорение этих реакций и приводит к эффекту вспышки сверхновой. Подобные вспышки наблюдались мною многократно в нашей галактике и за ее пределами. Причины детонации подобных вспышек могут быть разные. Одна из них — искусственные термоядерные взрывы... Мы уже научились производить их. Накопили запасы ядерной энергии невообразимой мощности в военных арсеналах противостоящих группировок. Этой энергии, даже ее части, достаточно для детонации «ядерного котла» в ядре нашей планеты. Я утверждаю, и покойный профессор Траоре был согласен со мной,— мы, наша цивилизация, на пороге самоуничтожения, подобно тем космическим объектам, гибель которых мне пришлось наблюдать. Может быть, это естественный конец цивилизации подобного типа; может быть, одна из таких цивилизаций уже завершила свое существование в нашей Солнечной системе — я имею в виду гибель планеты Фазтон. Космические шрамы этой катастрофы несут на себе все планеты земной группы, включая и Землю. Я не исключаю даже и того,

что древнейшие цивилизации Земли, например цивилизация Атлантиды,— наследники фаэтонцев... Но вся моя человеческая сущность восстает против мысли, что гибель нынешней цивилизации Земли неизбежна. Разум, сумевший подняться от первых костров палеолита к атомной энергии, генной инженерии, разум, шагнувший к ближайшим планетам, протянувший руку навстречу разуму других миров, не должен быть обречен. Нынешний опаснейший рубеж нашего пути можно преодолеть. Тем более что мы уже догадались об опасности; опасности, перекрестившей пути и надежды иных миров, в чем-то подобных нашему.

В первой части доклада я упоминал, что гипотетические цивилизации, весть о гибели которых доносят вспышки сверхновых пятого типа, скорее всего близки нам по уровню технологического развития, а если и опережают, то незначительно. Почему мы с профессором Траоре выдвинули такое предположение? Решающими являются предпосылки социальные. Нынешний рубеж НТР опасен не столько чудовищными мощностями, подвластными людям, сколько разобщенностью мира, полярностью интересов противостоящих группировок с разными социальными идеалами, взаимным недоверием, недостаточной информированностью, а порой безответственностью тех, от кого зависит слишком многое. Ныне, в конце двадцатого века, угроза любого ядерного столкновения — ограниченного или неограниченного — чревата всеобщим уничтожением. Мы хорошо знаем, что угрозы предупреждающего и ответного ядерного удара на Земле звучали уже не раз, хотя для судеб нашей цивилизации безразлично, какой из ударов детонирует ядерный котел в недрах планеты. Любой подобный конфликт толкает наш мир на грань катастрофы, за которой только раскаленная газовая туманность и ничего больше. Именно этот исторический промежуток между созданием термоядерного оружия и овладением энергией «спокойного» термоядерного горения, соответствующий интервалу постепенного объединения человечества, промежуток, чреватый революциями в науке, природе, обществе, и является наиболее опасным... Овладев тайной управляемого ядерного синтеза, разгадав до конца энергетику планет и звезд, разум, без сомнения, найдет средства и для предотвращения вспышек сверхновых пя-

того типа. Но это вероятно происходит уже на ином социальном уровне, более совершенном, чем нынешний, когда опасность ядерного столкновения внутри цивилизации снимается с повестки дня. Доложенные уважаемому собранию материалы заставляют предположить, что более совершенного социального уровня достигает лишь часть цивилизаций, возможно незначительная. На этом,— Агийэр низко склонил голову,— позвольте мне теперь закончить.

Некоторое время в зале царила пронзительная тишина. Никто не шевелился. Агийэр продолжал стоять у кафедры, не поднимая головы. Потом что-то похожее на общий вздох пронеслось над амфитеатром, и тотчас застрекотали кинокамеры, зашелестели блокноты, слышались негромкие возгласы телевизионщиков. А затем аудитория словно взорвалась.

Где-то в центре вспыхнули аплодисменты, но их тотчас заглушили топот, свист, возгласы:

- Вздор!
- Фантастика...
- Дешевая агитация!
- Здесь не собрание борцов за мир!
- Прочь с советской агентурой!
- Эй там, легче на поворотах.
- Позор!..
- Вторая половина — бред.
- Заткнитесь там!
- Долой...
- На костер такую науку!

— Господа, господа,— председательствующий, высоко подняв руку с серебряным колокольчиком, сотрясал им, но звона не было слышно,— успокойтесь, господа... Каждый сможет высказаться по существу прочитанного доклада... Успокойтесь же, иначе я вынужден буду прервать заседание.

Аудитория продолжала бушевать, но теперь стало очевидно, что мнения присутствующих разделены. Внимание телевизионщиков переключилось с Агийэра на эпицентры беспорядка в амфитеатре, где крик нарастал и начинали вспыхивать потасовки.

— Все было заранее подготовлено,— твердил Стоун своему соседу,— в зале дружки Агийэра...

— А мне показалось, что шум начали его противники и они же первые замахали кулаками...

— Господа, господа! — взывал, тряся колокольчиком, председатель.

Но аудитория уже стала неуправляемой. В центральных секторах амфитеатра завязались ожесточенные драки, втягивающие все большее число участников. Проходы были забиты людьми, старающимися избежать участия в схватках; у выходов из зала образовались пробки. С грохотом упала одна из телевизионных камер; однако остальные телевизионщики продолжали иступленно снимать то, что творилось вокруг.

Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы, в самый разгар потасовки, переполоха и хаоса, на проволоке, протянутой под потолком аудитории — на ней висели флаги стран — участниц конференции, — не появилась странного вида девица с садовой лейкой в одной руке и свернутым рулоном белой ткани в другой. Девица с пронзительным визгом пронеслась по проволоке, кропя из лейки вонючей, бурой жидкостью всех, кто находился внизу. Перед тем как исчезнуть в пролете окна, девица швырнула в зал сверток. Он развернулся в полете и медленно опадал вниз. На полосе легкой белой ткани отчетливо читались слова: «За полную сексуальную свободу перед концом света».

Зал быстро затихал; участники заседания и потасовок торопливо расходились, зажимая платками носы и с отвращением стряхивая с волос и одежды прилипчатые бурые капли.

* * *

Агийэра журналисты перехватили, когда он пытался незаметно исчезнуть через один из служебных выходов.

— Несколько вопросов, профессор.

Агийэр шагнул было обратно, но его уже окружили плотным кольцом. Засверкали лампы-вспышки.

— Верите ли вы сами в возможность самоуничтожения нашей цивилизации, профессор?

— Так же, как и покойный профессор Траоре. Он автор наиболее пессимистической части прогноза, и я полностью

разделяю его убежденность в крайней опасности нынешней ситуации.

— На чем базируются предположения профессора Траоре о термоядерных реакциях в ядре Земли?

— Прежде всего, на определенных аналогиях с энергетикой звезд. Как известно, звезды представляют собой термоядерные генераторы различных типов, способные выделять энергию на протяжении многих миллионов и миллиардов лет. При этом звезда является генератором термояда во всем своем объеме — от центра до поверхности. У большинства планет источник термоядерной энергии ограничен. Он заключен внутри планеты в виде активного ядра. Сверху ядро одето оболочками — разными у планет разных типов. Например, у Юпитера они ледяные и газовые, у нашей Земли — это атмосфера, кора, мантия.

Для Земли профессор Траоре произвел ряд сложных расчетов. Ему удалось суммировать общую энергию землетрясений, вулканизма, колебательных движений коры, тектонических процессов на глубине, наконец, тепловой поток, поступающий из недр. Генератор всех этих проявлений земной динамики может быть только термоядерным.

Иные известные нам энергетические источники исключаются: они не в состоянии объяснить количественную сторону внутренней активности Земли. Эта работа еще не опубликована, я читал ее в рукописи. Могу добавить, что Гуледу Траоре очень помогло открытие советского физика Бориса Мамырина. Мамырин недавно обнаружил поток первичного гелия, непрерывно поступающего из глубоких зон Земли. Гелий — прямой продукт ядерных преобразований, идущих в недрах. Таким образом, открытие Мамырина стало пресловутой точкой над «i» в концепции, разработанной Траоре.

— Известно ли вам, профессор, почему советская делегация отсутствовала на этой конференции?

— Нет... Приглашения были посланы. И несколько советских ученых заявили свои доклады. Но никто из них не прибыл. Может быть, государственный департамент отказал в визах

— Еще вопрос: ваше мнение о сегодняшних инцидентах?

— Мне очень жаль, что заседание было прервано и я не имел возможности ответить на вопросы.

— Считаете ли вы, что инциденты были заранее подготовлены?

— Не хотел бы отвечать на этот вопрос...

— Говорят, что в зале находилось много ваших сторонников из «Ассоциации в защиту мира».

— Не имею чести быть членом этой Ассоциации и мало кого там знаю. Насколько я успел заметить, драки провоцировали какие-то неизвестные мне молодые люди. Студенты здешнего университета и кое-кто из молодых ученых попытались дать им отпор.

— А голая красотка под потолком?

— Это, вероятно, было подготовлено; но, думаю, не теми, кто организовывал драки.

— Знал ли кто-нибудь заранее о содержании вашего доклада, профессор?

— В общих чертах — президиум конференции. Кое-что было известно моим студентам, которым читаю факультатив по физике сверхновых.

— Позавчера вы выступали на городском митинге борцов за мир?

— Я был там вместе с профессором Траоре, но не выступал.

— А профессор Траоре?

— Он выступал...

— Позвольте, господа. Полиция. Прошу расступиться! Кольцо журналистов, плотно сомкнутое вокруг Агийэра, распалось. Два плечистых увальня с плоскими безбровыми лицами шагнули к Агийэру. У них были одинаковые серые костюмы, белые в полоску рубашки и темные галстуки. Серые фетровые шляпы были одинаково сдвинуты на затылок.

— Профессор Освальдо Агийэр?

— Это я.

— Придется поехать с нами.

— А в чем дело?

— Шериф Джонсон хочет с вами побеседовать.

Снова засверкали лампы-вспышки.

Полицейские не возражали. Даже ухмылялись. Немного рекламы в таком деле не помешает.

Агийэр смущенно кашлянул:

— Может быть, не сейчас. Я... Я мог бы сам приехать к шерифу позднее.

— Не выйдет.— Один из полицейских потянул Агийэра за рукав.— Пошли.

И второй добавил:

— Позднее у шерифа не будет времени...

Поддерживая Агийэра под локти, они повели его к стоящей невдалеке серой машине. Вслед продолжали стрекотать кинокамеры и щелкали затворы фотоаппаратов.

* * *

В присмной шерифа пришлось долго ждать. Провожатые указали Агийэру свободное кресло; сами устроились рядом на подоконнике. Дверь в кабинет шерифа, обитая тисненой кожей, была плотно закрыта. Секретарша в больших розовых очках монотонно отвечала в ответ на телефонные звонки, что шериф Джонсон занят и никого не принимает.

— Не знаете, зачем я понадобился шерифу? — спросил Агийэр у своих провожатых.

Один молча пожал плечами, другой вытащил из кармана свернутую газету и протянул Агийэру.

— Это тут,— сказал он и щелкнул пальцем по газете,— на сегодня назначена демонстрация в центре, потом факельное шествие... Шериф опасается пожаров...

Агийэр развернул газету и увидел репортаж о митинге в защиту мира. В центре первой полосы была помещена большая фотография — Гулед Траоре во время выступления. За плечом Траоре Агийэр разглядел свое лицо.

— Значит, это,— пробормотал он, возвращая газету полицейскому,— а я подумал, что в связи с событиями в университете.

— Вот именно,— кивнул полицейский, сунув газету в карман.— Многовато визгу из-за одной головы...

Дверь кабинета шерифа распахнулась, оттуда вышел высокий худощавый человек в черном костюме с очень бледным костистым лицом, красным носом и оттопыренными ушами. Волос на его голове было совсем мало. Провожатые Агийэра встали с подоконника и почтительно вытянулись.

— Ага,— сказал бледный человек с красным носом и уставился на Агийэра,— он?

— Он, капитан,— отозвался один из полицейских.

— Проводите, шериф ждет,— красноносый махнул рукой и направился к выходу из приемной.

В кабинете шерифа за огромным столом сидел огромный человек с багровым лицом, седыми бакенбардами и коротко подстриженными седыми волосами. Он мельком взглянул на Агийэра из-под насупленных бровей и молча указал одно из кресел возле стола.

— Профессор Освальдо Агийэр? — спросил он глухим, надтреснутым голосом и, не дожидаясь ответа, добавил: — А вы, ребята, шагайте. Вы больше не нужны.

Агийэр молча ждал. Шериф, не глядя на него, перебирал бумаги, сброшюрованные в черной пластиковой папке и морщился.

— Если я правильно понял,— начал наконец шериф, продолжая перелистывать бумаги,— вы, профессор, утверждаете, что господь бог поместил Адама, ну и соответственно нас с вами, на термоядерной бомбе замедленного действия? Или он подложил нам эту бомбу позднее за грехи наши?

Агийэр улыбнулся:

— Если воспользоваться вашей метафорой, шериф, полагаю, что «бомба» существовала с самого начала, то есть задолго до Адама и Евы.

Шериф Джонсон шевельнул кустистой седой бровью, но промолчал.

— Должен, однако, заметить, что идея термоядерной «бомбы» замедленного действия принадлежит не мне. Я в основном занимаюсь звездами...

— Знаю,— шериф отхаркнул и осторожно сплюнул в хрустальную пепельницу, стоящую на столе,— идея этого черного нигерийца, как его...

— Гулед Траоре, он американец в третьем поколении и очень известный ученый. Он...

— Знаю,— снова прервал шериф,— поэтому, как лояльный гражданин, сожалею, что он сунулся не в свое дело.

— Уверяю вас, эта проблема лежит в области его научных компетенций. Он специалист-ядерщик, и он...

— Его научные компетенции — ядерные боеголовки. Вот и занимался бы ими на здоровье. Ваши, профессор, — вспышки сверхновых, кажется, они бывают довольно далеко от Земли?

— В последнее время они опасно приблизились, если принять во внимание гипотезу Траоре.

— Не скромничайте. Вашу общую, — шериф вздохнул. — Он уже получил свой гонорар.

Агийэр удивленно вскинул брови:

— Как это? Не понимаю...

— Противно, когда умные люди изображают наивных простаков, — проворчал шериф и снова отхаркнул. — Автомобильная катастрофа, черт побери! Его нашпиговали свинцом раньше, чем машина расплющилась о придорожное дерево.

— Невозможно! — воскликнул Агийэр.

— Почему же? Даже вполне закономерно. Многим, профессор, могло не понравиться то, что он говорил вчера на митинге, а вы... сегодня в университете.

— Но...

— Знаете, теперь не остается времени для «но». Полиция штата, конечно, попытается найти преступников, однако не убежден, что это случится быстро и что мы доберемся до самых истоков. Будем, конечно, стараться. Признаюсь вам, мы ведь раскрываем не больше половины преступлений. Поэтому хочу дать один совет. Уезжайте, и как можно скорее. Я могу гарантировать вашу безопасность еще сутки, максимум двое... Возвращайтесь в Пуэрто-Рико к своим телескопам. А еще лучше поезжайте отдохнуть куда-нибудь подальше в Европу. Чтобы основательно забылся сегодняшний досадный случай...

— Я читаю сейчас факультатив в здешнем университете. И у меня нет средств оплатить неустойку, если я должен буду немедленно уехать.

Шериф задумался, насупив брови.

— Полагаю, это удастся урегулировать, — заметил он наконец, словно говоря сам с собой. — Вечером вам позвонят... И еще один совет... Не выходите сегодня из вашего номера в отеле. Даже откажитесь от участия в заключительном банкете.

— Банкет должен быть завтра.

— Его перенесли на сегодняшний вечер. Конференция завершила работу. Прсний по вашему докладу решено не проводить.

Агийэр задумчиво покивал головой:

— Я предполагал... Если я вам больше не нужен, позвольте поблагодарить вас, господин шериф. За советы... Но я должен подумать...

Шериф Джонсон беспокойно пошевелился в кресле.

— Поймите меня правильно, Агийэр. Выборщики, которые трижды отдавали мне свои голоса, хотят жить спокойно; хотят, чтобы ничто не нарушало установленный ими ритм их личной жизни. Большинство из них заслужили это право. Но всюду, везде и всегда были недовольные. Им только дай повод... Вы говорите, угроза термоядерной войны. Для тех, кто меня выбирал,— он указал в окно,— это, как землетрясение в Китае. Они ведь уверены, что атомные бомбы, над которыми трудился ваш покойный коллега, будут взрываться не тут, а за океаном...

— Даже если не последует ответного удара,— быстро возразил Агийэр,— взрывы за океаном могут оказаться фатальными для ваших выборщиков, шериф, вообще для всех нас.

— Подождите,— поморщился Джонсон,— не перебивайте и дослушайте. В Апокалипсисе тоже говорится о конце света. И срок вроде бы подходящий — девяностые годы. Так вот, ваше карканье на научной основе, оно вроде Апокалипсиса. Что за разница, какой конец, если дело до конца дойдет? Но из-за пророчеств Апокалипсиса массовых демонстраций не было. А посмотрите, что творится последние недели. И не только в нашем городе, по всей Америке. Люди, которые меня выбирали, теперь спрашивают себя: а не ошиблись ли они? Повторяю, они хотят жить и спать спокойно... А демонстрации, митинги, шабаш в прессе и все то, что еще может последовать, для них это похуже пророчеств Апокалипсиса и ваших. Я не против сенсационных открытий и фантастических бестселлеров, Агийэр, но всему свое время. А вы выбрали время неподходящее. Поэтому послушайтесь и уезжайте скорее.

— Я подумаю...

— А я уже подумал... Если вы не исчезнете из города

до завтрашнего вечера и если никто не успеет превратить вас в начинку для деревянного пирога, я вас засажу как нарушителя спокойствия. Засажу, даже если вы не появитесь на демонстрациях и митингах. Вот так... А теперь до свидания, хотя я предпочел бы иную форму прощания.

Агийэр молча поклонился и вышел из кабинета.

Шериф покачал головой, вздохнул, взял одну из телефонных трубок.

— Лесли?.. Он пошел... Отряди сопровождение и пусть не спускают с него глаз... Да... Пусть останутся в отеле. И еще: зарезервируй одно место на утренний рейс до Сан-Хуана. Ему...

* * *

Возвратившись в отель, Агийэр обнаружил у себя в номере конверт с приглашением на прощальный вечерний банкет. Пробежав глазами приглашение, он задумался. Шериф советовал не покидать номера, но встречи на банкете оставались единственной возможностью услышать мнения коллег по существу доклада. Если действительно придется уехать...

Агийэр решил, что пойдет на банкет. Приняв это решение, он сразу успокоился. Ну действительно, не станут же в него стрелять на банкете.

Он позвонил в кафе, заказал крепкий кофе и занялся газетами; нашел заметку об автомобильной катастрофе и смерти Траоре, однако никаких упоминаний об убийстве не было. Возможно, шериф просто хотел припугнуть его? Шерифа, конечно, понять можно. Волна демонстраций продолжала нарастать. Большинство газет подробно описывали вчерашний митинг и шествие, в котором приняли участие более трехсот тысяч человек. Левые газеты писали об эксцессах при разгоне вечерних демонстраций, о грубости полиции. Некоторые газеты поместили портрет Траоре в траурной обводке. Однако смысл его последнего выступления был искажен и даже перевран. Заголовки кричали: «Создатель ядерных боеголовок за всеобщее разоружение», «Жизнь и сама планета под угрозой». Но истоки угрозы и сущность предупреждения, сделанного Гуледом Траоре, либо прошли мимо внимания

журналистов, либо были намеренно исключены из репортажей.

Агийэр подумал, что сообщения в прессе и по телевидению о его сегодняшнем докладе на конференции существенно прояснят и дополнят картину.

В дверь постучали. Официант-негр принес поднос с кофе и небольшой белый конверт.

— Приказано передать сеньору,— сказал он, вручая с поклоном конверт Агийэру.

В конверте находилась визитная карточка с золотым обрезом. «Абраам Иеремия Хэбст-старший»,— прочел Агийэр. На обратной стороне небрежным корявым почерком было приписано: «Хочу побеседовать с вами. Предлагаю встретиться вечером во время банкета». Ниже дата и время. Агийэр глянул на часы. Приписка была сделана двадцать минут назад.

— Вы не знаете, кто этот господин? — спросил Агийэр, протягивая карточку официанту.

Тот приоткрыл в улыбке крупные белые зубы.

— Господин Хэбст? Его все знают. Казино, журналы, газеты, кино, телевидение. Очень богатый человек.— Официант зажмурился и покачал головой.— Очень. Отели... Этот тоже и еще кое-что...

— Понятно,— сказал Агийэр, беря чашку с кофе.— Благодарю вас, друг мой!

Официант исчез, бесшумно притворив дверь.

«Интересно, зачем я понадобился этому Хэбсту,— размышлял Агийэр, потягивая маленькими глотками душистый горячий кофе.— Захотел узнать подробности? Богачи должны всполошиться больше тех, кому, кроме жизни, терять нечего... Подобный разговор едва ли доставит удовольствие. Этого типа даже не интересует мое согласие. Но, в конце концов, для пользы дела можно говорить с каждым, кто способен понять человеческий язык»...

Агийэр допил кофе и включил телевизор. Показывали какой-то дурацкий детектив, в котором все сразу было ясно. Реклама, чередующаяся со стрельбой и погонями, была так спрепарирована, что могла отравить козла, выкормленного битым стеклом и колючей проволокой. Агийэр переключил программу. Аскетического вида духовный с безумными глазами призывал любить ближних, каяться и не забывать о нуждах своего прихода. Еще

поворот переключателя. Розовощекий, атлетически сложенный недоросль распространяется о вкусовых качествах и калорийности кукурузных хлопьев, поджаренных по методу «Братьев Симсон и К°». Агийэр покачал головой и выключил телевизор. Прилег на диван. До начала банкета оставалось полтора часа.

* * *

Ровно в семь Агийэр спустился в банкетный зал. Гостей было еще немного. Подошел официант с подносом коктейлей. Агийэр выбрал крепкий с дольками лимона, отпил глоток и огляделся. Возле окна, держа в руках фужеры, стояли Джон Стоун и Мейзинг. Мейзинг издал кивнул и поманил пальцем. Приближаясь к ним, Агийэр заметил движение Стоуна; тот хотел уйти, но Мейзинг придержал его, взяв под руку.

— Ну что, возмутитель спокойствия,— спросил Мейзинг, улыбаясь,— как самочувствие? Взорвал нам финал конференции.

— Самочувствие именно такое, как вы предполагаете,— без улыбки ответил Агийэр.— Ничего подобного не мог бы и вообразить.

— Вообразить, пожалуй, можно было,— ядовито заметил Стоун.— Половина Америки обезумела...

— Лучшая половина, не так ли, Освальдо? — снова улыбнулся Мейзинг.

Агийэр молча пожал плечами.

— Разумеется,— кивнул Стоун,— коллега предпочитает именно ту половину.

— Я на стороне здравомыслящих,— устало сказал Агийэр.— Об этом и попытался говорить в докладе.

— Его первая часть превосходна,— объявил Мейзинг, смакуя коктейль.— Фундаментальный вклад в теорию сверхновых. Поздравляю.

— А второй не следовало касаться,— добавил Стоун,— и все обошлось бы.

— Нет,— решительно возразил Мейзинг.— Провокация была хорошо подготовлена. Если бы Освальдо ограничился первой частью, ему пришлось бы отвечать на множество вопросов. В сложившейся ситуации взрыв был неизбежен.

— Поймите,— смуглое лицо Агийэра искривила судорога,— я не мог поступить иначе, зная о гибели Траоре.

— Действительно автомобильная катастрофа? — прищурился Стоун.

— Так написано в газетах,— Агийэр сделал долгую паузу.— А сегодня днем шериф сказал мне, что это убийство.

— Вы были у шерифа?

— Он... пригласил меня и... посоветовал... как можно скорее вернуться в Пуэрто-Рико.

— Что за чушь! — воскликнул Мейзинг.— Давать подобные советы отнюдь не входит в его компетенцию.

— Нет, почему же,— заметил Стоун, сделав глоток коктейля.— Шериф Джонсон печется о спокойствии в своем штате.

— Ерунда! — Мейзинг протянул пустой фужер проходившему мимо официанту и взял другой.— Одним сторонником разоружения больше, одним меньше. Дело ведь не в этом.

— Конечно. Шериф имеет в виду идеи коллеги Агийэра. А они — бензин в костры демонстраций и сало за воротник всем, кто делает бизнес на военных заказах.

— Что изменится, если коллега Агийэр уедет к себе в Аресибо? Птичка уже выпорхнула, ее не поймаешь.

— Я решительно против коктейля науки с политикой,— резко сказал Стоун.— Те, кто идут на такое,— глупцы или... авантюристы.

— А те, кто работает на военно-промышленный комплекс? — вспыхнул Агийэр.

— В моем представлении — патриоты.

— Даже если результат их научных открытий грозит всеобщим уничтожением?

— Коллеги, коллеги,— примирительно вмешался Мейзинг,— этот спор не выведет вас на дорогу истины. Наука будет принимать участие в создании новых видов оружия, пока оружие существует. «На нынешнем социальном уровне», как сказал в докладе коллега Агийэр, без оружия, видимо, не обойтись. Не надо только безудержно наращивать его. Я лично так и воспринял заключительную часть доклада. И не вижу в ней абсолютно ничего криминального.

— Шериф Джонсон, по-видимому, считает иначе... Не хотелось бы быть дурным пророком, но, по-моему, сегодняшний доклад, учитывая нездоровый интерес к нему средств массовой информации, еще больше накалил обстановку. От таких демонстраций, как вчера, один шаг до баррикад и вспышки пожаров. Идеи коллеги Агийэра, при всей их фантастичности, производят впечатление. Особенно на людей некомпетентных. Если подрывные элементы возьмут их на вооружение...— Стоун умолк и многозначительно покачал головой.

— Выступите сами с опровержением,— предложил Агийэр,— но мотивированным, опирающимся на расчеты. Может быть, вам удастся опровергнуть выводы Траоре и... мои. Шериф Джонсон был бы весьма признателен, а движение сторонников мира сразу пошло бы на убыль.

— Не имею ни малейшего желания соваться в эту кашу,— фыркнул Стоун.

— Не потому ли, что расчеты Траоре трудно опровергнуть? Кстати, один из его прогнозов подтвердился. Помните тысяча девятьсот шестидесятый год?

— Не знаю, что вы имеете в виду,— нахмурился Стоун.

— Подземные ядерные испытания в Неваде.

— Ну и что?

— Траоре тогда предупреждал, что запроектированная мощность подземных взрывов может активизировать природные процессы в геологическом поясе Анд. Так и случилось... После взрывов в Неваде начались катастрофические землетрясения в Чили, а затем извержения вулканов в южно-американских Андах.

— Фантастика! Это было случайным совпадением.

— Совпадение довольно знаменательное,— задумчиво сказал Мейзинг.— Помню, об этом много писали газеты. Геологи тогда поделились на два лагеря... Тем не менее, Государственный департамент счел необходимым выступить с официальным опровержением. И так как опровергался сам факт испытаний, а я, например, хорошо знал, что взрывы в Неваде имели место, опровержение показалось мне довольно неуклюжим трюком.

— Траоре рассказывал,— Агийэр обращался теперь только к Мейзингу,— что и недавнее извержение вулкана Сент-Элен было спровоцировано подземными ядерными

взрывами в Неваде Он только не успел произвести расчетов

— И это вполне возможно,— согласился Мейзинг — Конечно, мы ведем себя крайне неосторожно Ваш призыв, коллега, вполне своевременен

Стоун раздраженно кашлянул, но промолчал

К ним приблизился молодой человек в черном смокинге, с голубым эмалевым значком оргсектора конференции

Кивнув Агийэру, он сделал рукой приглашающий жест

— Господин Хэбст старший ждет в гостиной на втором этаже, мистер Агийэр Я провожу вас

— Я пока занят, разве не видите,— резко сказал Агийэр

— Ну-ну, не петушись, иди,— усмехнулся Мейзинг, подталкивая Агийэра вперед — Абраам Хэбст не привык долго ждать и никому не простил бы подобного неуважения к своей персоне

* * *

У входа в гостиную, куда провели Агийэра, скучали два плечистых субъекта в смокингах с постными лицами и настороженными глазами Провожатый сделал им знак рукой Они молча расступились Отстранив тяжелую, вытканную золотом портьеру, Агийэр прошел в гостиную Здесь царил полумрак Пол был устлан мягким ковром

В глубине возле небольшого стола, покрытого пестрой скатертью, сидел в кресле кто то лысый в больших темных очках

Агийэр огляделся Больше в гостиной никого не было Лысый сидел молча и не шевелился

— Господин Хэбст? — осведомился Агийэр, сделав шаг вперед

— Поближе,— последовал ответ — Я плохо вижу Агийэр ступил еще пару шагов

— Садитесь,— лысый шевельнулся и указал на кресло у стены

Агийэр сел Кресло было установлено так, что свет от единственного включенного торшера падал прямо в

лицо Агийэра. Лицо его собеседника оставалось в тени, можно было различить только дымчатые очки в золотой оправе и шишковатый старческий череп с венчиком редких седых волос. Агийэр подумал, что этому человеку, наверно, не меньше восьмидесяти лет.

— Я достаточно стар, — сказал вдруг человек в очках, словно угадав мысли Агийэра, — я видел на своем веку множество разных людей, но я впервые вижу чудака, с такой легкостью предсказывающего конец света.

Голос у него был глуховатый, но резкий, голос человека, привыкшего распоряжаться.

Агийэр промолчал, ожидая, что последует дальше.

— Вы испанец?

— Предки отца были испанцами, мать — пуэрториканка. Я американский подданный, как и мои родители.

— И вероятно, атеист.

— Да.

— Я так и думал. Именно атеизм когда-нибудь сгубит Америку.

— Вы пригласили меня, чтоб сообщить это? — поинтересовался Агийэр.

— Нет. Я — издатель. То есть — издатель тоже. Я хочу приобрести у вас исключительное право на публикацию всего написанного вами.

— Исключительное право?.. — повторил Агийэр. — Что это значит?

— Это значит, что все ваши публикации, в том числе и текст сегодняшнего доклада, будут проходить только через мои издательства. И нигде больше.

— Вы хотите купить это право, чтобы ни одна строка не была опубликована?

Хэбст хрипло рассмеялся:

— Я бизнесмен, молодой человек, а не благотворительное общество. Ваши измышления не станут дороже, если они полежат в моих сейфах. Нет, я хочу купить вас, чтобы печатать, и как можно скорее. Полагаю, что на этом можно хорошо заработать.

— Я должен подумать.

— Нет. Вы должны решить сегодня же, сейчас... Здесь мой адвокат. Он уже составил проект договора. Вам остается только подписать.

— Но...— Агийэр заколебался.— Что я буду иметь от этого?

— Двести пятьдесят тысяч сегодня же чеками. Дальше — соответствующие проценты, в зависимости от тиражности. Полагаю, что тиражи будут достаточно высокими. Оговорено одно дополнительное условие.

— Какое же?

— Вы обязуетесь в течение года не покидать обсерваторию в Аресибо, куда должны будете возвратиться завтра. Это... исключительно в целях вашей безопасности и... гарантии моей прибыли на капитал, который вкладываю в вас.

— Остаются еще права моего покойного соавтора...

— О них не волнуйтесь. У него нет наследников. Мои люди уже навели справки. Вы единственный распорядитель... вашей общей гипотезы.

— А мои лекции, которые я не смогу дочитать в здешнем университете?

— Это уже урегулировано.

Агийэр на мгновение задумался:

— Пожалуй, я согласен.

— Ступайте подпишите договор.

* * *

Самолет авиакомпании TVA, совершавший утренний рейс по маршруту Лос-Анджелес — Сан-Хуан, взорвался через несколько минут после старта из Нового Орлеана. Все пассажиры и команда погибли. Тайна этой катастрофы осталась навсегда погребенной в Мексиканском заливе, потому что ни одна террористическая организация не взяла на себя ответственности за взрыв...

Говорили, что Абраам Иеремия Хэбст-старший заработал миллионы на изданиях научно-фантастических романов и научных статей Агийэра. Феноменальный успех публикаций объяснялся тем, что романы и соответствующие им по тематике научные статьи издавались совместно в карманной серии «Современная фантастика».

Борьба за всеобщее разоружение и объявление ядерного оружия вне закона продолжала нарастать... Во время одного из ее «пиков» наследники Абраама Хэбст-старшего были привлечены к ответственности за анти-

американскую деятельность. Гвоздем обвинений явились многократные крупнотиражные переиздания книг Агийэра...

* * *

Прошло много лет, и объединенное Человечество сумело переступить опасный рубеж, который социологи называли порогом Траоре — Агийэра. И когда после звездных экспедиций возник обычай ежегодной траурной церемонии у памятника Героям Вселенной, первыми в длинном списке сыновей Земли, отдавших за нее жизнь, стали называть имена Агийэра и Траоре...

Под звуки древнего траурного марша Шопена самый заслуженный из астролетчиков провозглашал:

— Освальдо Агийэр!

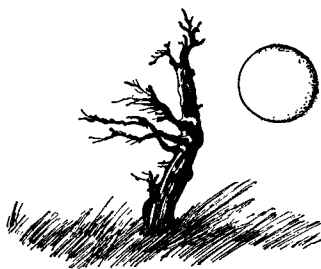
И самая прекрасная из молодых девушек отвечала:

— Погиб за Землю.

— Гулед Траоре.

— Погиб за Землю...

1983 год

ВСТРЕЧА НА АОСТЕ

РАССКАЗ

ни опустились на пригорок, покрытый жесткой голубовато-зеленой травой. Между тонкими стеблями желтел песок.

— Заросшие дюны,— сказал Ивар,—

внизу за кустами озеро.

— Я видел его,— кивнул Инспектор,— когда огибали лес.

— Странно, что их нет сегодня.— Ивар снял солнцезащитные очки и, прищурившись, внимательно оглядел поляну и зеленое кольцо кустарников.— Обычно они приходят сюда погреться на солнце.

— Их могло испугать наше появление, шелест винтов,— сказал Инспектор.

Он расстегнул ремни на груди и осторожно опустил со спины миниатюрный рапцевый винтокрыл.

— Нет, они не пугливы,— мягко возразил Ивар,— даже общительны... Иногда кажется, что все понимают... Даже мысли, но...

Он не кончил. Инспектор внимательно взглянул на молодого биолога.

— Считаете их разумными, Ивар?

— Не в земном значении, конечно... Однако их поведение не раз поражало меня и Леа.

— Я читал ваши статьи.— Инспектор нагнулся, потрогал теплый песок, потом

прилег на спину, подложив под затылок ладони. Его солнцезащитные очки ярко сверкнули, отразив лучи полуденного солнца.— Хорошо тут,— продолжал он, подставляя подбородок и щеки солнечным лучам,— почти как на Земле в средних широтах. Не жалеете, что согласились поехать сюда?

Ивар решительно потрянул головой:

— Нет... За эти два года удалось кое-что сделать, узнать... Жизнь на Аосте постепенно восстанавливается, хотя некоторые представители здешней фауны, вероятно, уничтожены полностью.

— Вы имсете в виду риндлей?

— Не только... Впрочем, с риндлями неясно. Вскоре после нашего прилета Леа видела на окраине Западных болот засохший след... Он мог быть оставлен риндлем.

— Значит, тут не столь безопасно, как вы вчера дружно утверждали вместе с Леа.— Инспектор приподнялся и сел.

— Западные болота далеко,— усмехнулся Ивар,— в другом полушарии, за пределами нашего заповедника.

— Полагаете, риндли, если они действительно сохранились, станут соблюдать ваши границы?

— Их интеллектом никто никогда не занимался.

— Еще бы.

— Но их шкуры и кость клыков слишком высоко ценились в прошлом веке. Риндли были уничтожены едва ли не первыми.

— Не совсем так... Охота на них считалась наиболее престижной. Как когда-то — на львов и носорогов на Земле.

— С тем, что риндли гораздо опаснее...

— Те, кто рисковал охотиться здесь, имели более совершенное оружие, чем участники африканских сафари.

— Увы! Поэтому менее чем за двадцать лет обитатели здешних лесов и прерий были почти полностью истреблены.

— А как обстоит дело сейчас?

Ивар ответил не сразу. Он откинулся на локтях, сбросил с плеч ремни винтокрыла, сорвал голубовато-зеленую травинку, надкусил, взглянул на Инспектора:

— Это ведь главное, ради чего вы прилетели, не так ли?

— Ну, не только это...

— Мы с Леа догадались еще вчера, потому что именно этого вопроса вчера вы не задали... Видите ли, — Ивар вздохнул, — статут заповедника в целом соблюдается, но... Заповедник только треть поверхности планеты. На южном континенте действует рудник, правда всего один, но там поселок, несколько десятков человек с семьями. Люди разные... Я уже не говорю о морях, куда систематически наведываются любители морской охоты с Земли, и не только с Земли... Наконец, Западные экваториальные болота... Они в центральной части вообще не исследованы. Там при желании можно создать любую базу, делать оттуда вылазки. Людей в штате Заповедника, как вы знаете, мало. Кроме нас с Леа — всего шестеро наблюдателей; из них — двое стажеры. Кончится стажировка, и улетят.

— Сделайте так, чтобы не улетели.

— Для нашей работы нужны люди особого склада... Их становится все меньше. Здесь отнюдь не передний край науки и прогресса.

— А если распространить статут заповедника на всю планету?

— Разве сейчас это возможно? Многие из малых планет, вероятно, следовало бы превратить в заповедники, но... Объединенной Земле требуется все больше минерального сырья, места для расселения растущего человечества. Кроме того, даже простое расширение здешнего заповедника, например, на часть акваторий и Западные болота, потребовало бы значительного увеличения штатов.

— Земля, вероятно, могла бы пойти на это, — сказал Инспектор. — Мир Аосты уникален. Это наконец все поняли. И потом, если вы действительно правы, проблема контакта...

— Пока лишь гипотеза, — вздохнул Ивар, — надежных доказательств, увы, нет...

— Тем более важно сохранить в неприкосновенности этот удивительный, уникальный мир, чтобы понять его... Когда подумаешь, чем в действительности оказались малые планеты! Кто мог столетие назад предполагать такое, — Инспектор оглянулся по сторонам и сделал широкий жест правой рукой, — ведь это уменьшенная модель Земли.

— В масштабе один к ста,— усмехнулся Ивар.

— Прекрасная модель; ее биосфера должна сохраниться в девственной неприкосновенности, тем более что земную мы давно превратили в ноосферу.

— Хорошо, что вообще не уничтожили...

Инспектор кивнул очень серьезно:

— Существовала такая опасность. К счастью, это уже в прошлом. Именно поэтому теперь мы можем с вами мечтать о превращении всей Аосты в заповедник. И не только мечтать...

Легкий шорох в кустарнике заставил Инспектора умолкнуть. Ивар предостерегающе прижал палец к губам. Оба замерли, прислушиваясь. Но шорох больше не повторился, и никто не вышел на поляну.

— Не хотят почему-то показаться сегодня,— сказал Ивар, оглянувшись вокруг.

— Могли собраться в другом месте.

— Могли... Тут недалеко есть еще одна поляна у самой воды. Можем слетать туда.

Ивар приподнялся, протянул руку Инспектору. Тот тоже встал.

Они прикрепили к плечам винтокрылы и бесшумно поднялись в воздух.

* * *

Едва они исчезли, вокруг поляны послышался шорох. Из голубоватой зелени кустарников выставились рыжеватые пушистые мордочки с круглыми настороженными ушками, длинными темными рыльцами и внимательными черными глазками. Убедившись, что пригорок пуст, пушистые рыжие существа выбрались из кустов и неторопливо заковыляли на коротких задних лапках к центру поляны. Передними они жестикулировали, поглядывая друг на друга. За каждым волочился по траве пушистый длинный хвост.

Тот, что шествовал впереди — самый крупный,— приблизился к месту, где только что отдыхал Инспектор. Принюхавшись, зверек присел и пустил тонкую желтую струйку. Остальные подошли, последовали его примеру. Потом, отвернувшись и подняв хвосты, все дружно закидали отмеченное место сухим песком.

Вожак взъерошил густую шерсть, отряхнулся и внимательно оглядел поляну. Примятая трава указывала место, где сидел Ивар. Вожак направился туда. Остальные ждали... Потоптавшись, вожак свернулся клубком на примятой траве и лег, накрыв длиннорылую мордочку концом хвоста. Остальные приковыляли и, покружившись каждый на своем месте, тоже свернулись клубками.

Легкий ветерок шевелил ворсинки золотистой шерсти, темные кисточки настороженных ушей. Блестели в солнечных лучах десятки внимательных круглых глаз.

* * *

— Сегодня не получилось, — извиняющимся тоном сказал Ивар, снимая винтокрыл. Они только что опустились вместе с Инспектором возле веранды жилого корпуса Базы.

Инспектор не ответил, он выглядел утомленным и молча отстегивал ремни своего летательного аппарата.

— Их поведение никогда нельзя предугадать, — Ивар помог Инспектору освободиться от винтокрыла, — то неделями прячутся, то общительны, даже назойливы. Один жил у нас в дождливый сезон.

— Где жил? — не понял Инспектор.

— В доме. Спал в гостиной на диване. Они очень чистоплотны и ласковы. Леа привязалась к нему. Но потом с наступлением солнечных дней он исчез и больше не появился. Леа убеждена — с ним что-то случилось. Она до сих пор переживает.

— Чем же он питался?

— Тем же, чем и мы. Последние недели перед его исчезновением Леа приучила его есть вместе с нами за столом. У него был свой обеденный прибор и высокий табурет. Правда, пользоваться ножом и вилок он не научился, но передними лапами орудовал очень искусно, почти как мы руками. Пробовал даже брать ложку; но чаще расплескивал содержимое. Кто знает, если бы он пожил у нас дольше...

— Любопытно... А что они едят в природе?

— Знаете, просто удивительно. Я, пока сам не убедился, не хотел верить... В литературу это еще не попало. Мою статью тоже вернули. Тем не менее, там все точно.

Они питаются медом диких пчел, молоком диких коз, ягодами, плодами, орехами, грибами, корнями трав, которые предварительно моют в родниковой воде.

— Забавно... Ну, а дикие пчелы и козы как к этому относятся?

— Вообразите, позволяют...

— Вам действительно удалось сделать поразительные открытия, Ивар. Тем более досадно, что мы их сегодня не видели.

— Может, повезет завтра или послезавтра.

— У меня, к сожалению, не так много времени. На Аосте надо встретиться не только с вами.

* * *

Они продолжили беседу на открытой веранде за ужином. Ивар и Леа рассказывали о своей жизни на Аосте. Инспектор молча слушал, изредка вставляя короткие реплики. Солнце село. Догорала яркая в полнеба лимонно-алая заря. Уже зажглись и светили все ярче на фоне угасающей зари три вечерние звезды Аосты: красноватый Марс, голубая Земля, а совсем низко — у самого горизонта — светлая искорка Венеры.

— Они редко бывают видны все вместе,— сказала Леа.— Вам повезло, Инспектор.

— Если бы так же повезло и в остальном...

Молодая женщина взглянула на него с удивлением:

— Разве это не зависит только от вас?

Он молча покачал головой.

Леа продолжала внимательно вглядываться в его лицо. Он вздрогнул. Попросил:

— Не надо так смотреть на меня.

Она не отвела глаз:

— Почему, Инспектор?

— Ваш взгляд проникает внутрь.

Она рассмеялась, опустила глаза:

— Этому мы, вероятно, научились от здешних обитателей. Иногда мне кажется, они читают наши мысли.

— Как вы мои сейчас?

Она снова рассмеялась:

— Сейчас уже нет... Минутой раньше, может быть... Скажите, Инспектор, вы ведь бывали на Аосте?

Он заколебался:

— Нет... То есть, да... Но это было давно. Очень давно...

Ее лицо, еще мгновение назад прекрасное и оживленное, словно потускнело.

— Значит, правда,— она вздохнула.

— О чем ты? — встревоженно спросил Ивар.

— Нет-нет, пустяки,— она поднялась из-за стола,— пойду приготовить кофе.

Инспектор, насупившись, проводил ее долгим взглядом. Повернувшись к Ивару, спросил:

— Вы что-нибудь слышали обо мне?

— Кроме того, что вы Инспектор Охраны среды обитания на Малых планетах?

Он молча кивнул.

— И... известный ученый, член Всемирной академии?

Автор Каталога фауны...

Он прервал нетерпеливым движением руки.

— Я не это имел в виду.

— Тогда что?

— То, что было раньше. Гораздо раньше...

Ивар резко тряхнул головой:

— Нет. Мне ничего не известно. И чего ради...

— Тогда откуда она знает?

Ивар попытался обратить все в шутку:

— Интуиция женщины... Знаете, как это у них бывает?

А впрочем, какое может иметь значение, что вы когда-то были тут, на Аосте. Каждый вправе...

Он снова прервал нетерпеливо и гневно:

— Представляете, может... Я летел сюда и сомневался... Имею ли я право на встречу с прошлым... С моим прошлым... Я не собирался ни о чем рассказывать. Зачем? Просто хотел увидеть... А она сразу догадалась... Почему?

— Кажется, начинаю все понимать,— прошептал Ивар.— Вы когда-то были «вольным охотником»? Здесь на Аосте?

— Был... Целых двадцать лет. Те самые двадцать лет, о которых вы сегодня днем вспоминали. Двадцать лет, молодой человек, я добывал тут шкуры, кость и черепа. Это было задолго до того, как вы с ней родились. Потом... Потом я попался, как и многие другие, был осужден. У меня нашлось время подумать. Освобождение принесла Революция. То, о чем вы знали,— это все было после...

Когда я услышал о ваших поисках контакта здесь, на Аосте, я... не мог не прилететь. Вы понимаете?

— Да... Но не могу понять, зачем вы все это рассказали мне.

— Так лучше... И потом — она все равно догадалась бы и сказала вам... Возвращаясь в прошлое, надо найти силу быть к себе беспощадным...

— Кажется, вы преувеличиваете значение того, что было. Все последующее...

Он тяжело вздохнул:

— Я тоже так думал... Здесь понял, что нет. Мы сегодня не встретили их... Это не случайно.

— Подождем до завтра,— спокойно сказал Ивар.

* * *

Утро следующего дня было прохладное, тихое, солнечное. Капельки росы блестели в голубовато-зеленой листве деревьев, искрились на фиолетово-алых соцветиях, которые за ночь раскрылись на кустарниках вокруг веранды.

— Мы полетим сначала на восток, потом на север к побережью Центрального моря,— сказал Ивар.

— Они там тоже есть? — Инспектор забросил за спину ранец винтокрыла.

— Они везде.

Инспектор нахмурился; он не мог справиться с пряжкой крепления. Ивар помог защелкнуть замок.

— Будь осторожен, Ив,— попросила Леа.

Она стояла на веранде, облокотясь о балюстраду, и смотрела, как они взлетают.

— Мы не полетим высоко,— крикнул сверху Ивар.

— И не опаздывайте к обеду!

— Постараемся...

До полудня они успели осмотреть несколько больших полей в восточной части заповедника. Поляны были пусты. На участках редколесья тоже никого не оказалось.

— Они сегодня скрываются в чаще,— говорил Ивар,— там мы стараемся не тревожить их.

— Я не видел сегодня и птиц,— заметил Инспектор. Он становился все мрачнее.

— Может, их не так уж много, как считают,— про-

бормотал Инспектор, когда пролетали еще над одной совершенно пустой солнечной поляной.— Помню...— Он не кончил.

— Вы хотели сказать, что раньше их было больше и они не прятались днем.— Ивар внимательно вглядывался в кустарники, окаймляющие поляну.

— Раньше их было множество повсюду. В такую погоду, как сегодня, они грелись на солнце большими группами... Подпускали совсем близко. Их добывали тысячами...

— Но зачем?

— Меха... Он очень ценился... Как платина и дороже. До сих пор на Земле манти и шапки из этого меха — не только музейные экспонаты... Их мехом утепляли даже скафандры астронавтов. Он удивительно стоек, легок, в нем не жарко в зной и не холодно в космическом вакууме. Когда-то у меня тоже был скафандр, утепленный их мехом...

Поляна кончилась. Теперь они летели над самыми кронами высоких деревьев с широкими, глянцевитыми листьями. В густой тени под деревьями ничего нельзя было разглядеть.

— Они там конечно есть,— сказал Ивар,— но сегодня не хотят выходить на открытые места. У них это бывает... Словно решают все вместе... Я убежден, они могут общаться друг с другом на больших расстояниях.

— Каким образом?

— Пока не могу объяснить... Если они разумны, может быть, путем передачи мыслей. Звуков они не издают.

— Да, они молчали, даже когда их убивали...

По лицу Ивара промелькнула гримаса отвращения:

— Вы тоже, Инспектор?

— Конечно... Я был едва ли не первым, кто начал их промысел. До того тут охотились на риндлей и крупную дичь.

Некоторое время летели молча.

— Пора поворачивать на север,— сказал Ивар.— Видите скалистую гряду впереди? Там восточная граница заповедника.

— А в горах они встречаются?

— Я их там никогда не видел. Кажется, они не любят скалистых почв.

Ивар плавно взмахнул левой рукой и, описав в воздухе широкую дугу, направился к северу.

Инспектор приотстал на повороте, но, ускорив полет, вскоре догнал Ивара. Они снова полетели рядом, чуть выше верхушек деревьев. Лес тут рос густо; могучие кроны слились в сплошной голубовато-зеленый полог, под которым внизу ничего не было видно.

Ивар повернул голову и взглянул на своего спутника. Костистое, смуглое от загара лицо Инспектора словно окаменело. Тонкие губы были плотно сжаты. Глубокие морщины казались черными. Поток встречного ветра шевелил редкие, седые волосы на виске и за ухом. Ивару вдруг представилась жухлая осенняя трава высоко в горах, клонимая порывами ледяного ветра.

«Зачем он появился на Аосте? — снова подумал Ивар. — Что ему в действительности надо? Что он ищет тут?! «У него черно в душе и холодно в сердце, — сказала ночью Леа, — его биополе источает ужас...» Вчера вечером он долго не ложился. Стоял возле окна и всматривался в темноту...»

Ивару и Леа тоже не спалось. Они спустились в сад и, обнявшись, молча бродили по темным аллеям. Пряно пахли расцветающие кустарники. Теплый воздух был неподвижен. Высоко в небе искрились звезды. В кустарнике вокруг дома временами слышался шорох. Вспыхивали и гасли пары зеленоватых глаз.

— словно светляки на Земле, — шепнул Ивар.

— Они тоже встревожены, — тихо сказала Леа, — раньше они никогда не приходили сюда ночью.

— Может быть, позвать его?

Леа испугалась:

— Нет-нет... Они сразу исчезнут... Я уверена — причина в нем. Они догадались и наблюдают...

«Леа, конечно, права, — думал Ивар. — Они поняли и не хотят появляться. Наши полеты бесполезны. Он никого не увидит»...

— Мы опять не встретим их, — сказал со вздохом Инспектор, словно отгадав мысли Ивара, — тут даже не видно полян.

— Лес тянется до самого побережья. Там, на берегу, домик одного из наблюдателей. Если он на месте, он, может быть, подскажет...

Наблюдателя на месте не оказалось. Опустившись у самого домика, Инспектор и Ивар сняли винтокрылы, огляделись. Вблизи никого не было видно. Домик стоял на опушке леса в густой тени старых деревьев. В десятке шагов от крыльца начинался широкий песчаный пляж. В ярком свете солнца он казался почти белым. Дальше лежало море — белесое и спокойное, как зеркало. Воздух был неподвижен, влажен и горяч.

Ивар пригласил Инспектора зайти в дом. Инспектор покачал головой:

— Посижу тут. Хочу посмотреть на море.

Он присел на ступеньку крыльца, расстегнул ворот комбинезона и глубоко вздохнул, потом добавил:

— Вы не обращайтесь на меня внимания. Занимайтесь своими делами. Я передохну немного.

— Можно прилечь в комнате.

— Нет, не хочу...

Ивар зашел в домик. Включил диктофон, оставленный на столе. Прослушал последние записи. Продиктовал несколько фраз о своем посещении поста. Окинув взглядом знакомое помещение, мысленно отметил, что нет на месте лучевого пистолета. Видимо, наблюдатель захватил его сегодня с собой. Это означало бы, что след, о котором упоминала вчерашняя запись, показался наблюдателю не просто «интересным»...

Когда Ивар вышел наружу, Инспектора на крыльце уже не было... Глубоко задумавшись, он прохаживался по берегу у самой воды. Ивар направился к нему.

— Эти места кажутся мне странно знакомыми,— сказал Инспектор, когда Ивар приблизился,— не сохранилось ли за ближайшим мысом остатков мола или причала?

Он указал на запад, где песчаный берег отклонялся к северу, огибая холм, поросший лесом.

— Там действительно есть какие-то руины,— ответил удивленный Ивар,— мы не раз задумывались, что они означают.

— Пойдем посмотрим,— предложил Инспектор.

— А может быть...— Ивар взглянул на винтокрылы, оставленные возле домика.

— Лучше пешком, пора немного размять ноги.

Они направились на запад вдоль кромки берега. Тут зной почти не ощущался. От воды веяло прохладой. Идти

по влажному песку было легко. Инспектор шагал впереди широко, пружинисто.

— Здешняя сила тяжести позволяет забыть о возрасте,— сказал он, обернувшись к Ивару. По его лицу промелькнуло подобие улыбки.

Ивар кивнул:

— Поэтому используем тут винтокрылы. В земных условиях они не потянули бы... При желании тут можно летать без всяких приспособлений. Надо только хорошо разбежаться, когда есть ветер. Мы с Леа пробовали взлетать и парить при ветре, подражая здешним птицам.

— Птиц тут совсем мало,— заметил Инспектор.

— Это не везде... Там, где мы живем...— Ивар не кончил, вспомнив слова Леа, сказанные утром, что птицы второй день не появляются.

Когда поднялись на холм, Инспектор остановился. За холмом берег изгибался широкой дугой, образуя бухту, открытую на север. От подножия холма массивная каменная кладка уходила в море. Ее дальний конец был разрушен — там торчали из воды отдельные камни.

— Это, конечно, здесь,— тихо сказал Инспектор. Он присел на ствол поваленного дерева и долго смотрел на бухту и на пустынный белый берег. Пляж в бухте был еще шире, чем на востоке у домика наблюдателя. Приглядевшись, Ивар заметил на берегу бухты странный темный узор, словно проступающий снизу из-под песка,— квадраты, прямоугольники, дуги, как будто очерченные гигантским циркулем, прямые линии, расходящиеся лучами из одного центра. Никогда еще Ивару не приходилось видеть тут ничего подобного.

Он показал Инспектору на загадочные контуры:

— Кажется, мираж?

Тот медленно покачал головой:

— Остатки нашего поселка... Сейчас благоприятное освещение... Фундаменты домов и контуры улиц просвечивают сквозь песок... Полвека назад тут жили люди, много людей. Вы разве не слышали об этом поселке?

— Нет.

— В новой истории планет о нем упоминается; только не всё... Далеко не всё... Мне говорили, что он был стерт с поверхности Аосты — остался только мол; но, оказывается, песок сохранил кое-что...

«Большой поселок,— думал Ивар,— а мы и не знали. Тут, конечно, надо организовать раскопки»...

— Это место нельзя трогать,— сказал вдруг Инспектор,— на нем печать проклятия. Его надо забыть навсегда. Я тоже хотел бы забыть, но рок привел меня именно сюда. Или это насмешка судьбы?

В его голосе прозвучала такая горечь, что Ивар вздрогнул.

— Что здесь произошло, Инспектор?

— Расплата... Расплата за зло, совершенное на Аосте.

— Вы могли бы... рассказать?

— Я должен это сделать. Может быть, тогда...— он закусил губы...— Впрочем, все равно... Вы тут живете, вы должны знать.— Он помолчал, собираясь с мыслями, потом заговорил, отрешенно глядя перед собой.— После первой же высадки на Аосту ее удивительный мир привлек внимание не только ученых, но и «рыцарей удачи»... Это было время жестокого соперничества в космосе. Пока на форуме ЮНЕСКО договаривались о составе и планах научных экспедиций на Аосту, кое-кто уже начал тут добывать платину и алмазы. Вы упоминали о руднике на южном континенте. Когда-то их было тут много, платину добывали прямо из речных и прибрежных россыпей. Горнодобытчикам нужна была пища. Того, что привозили, не хватало. А местные леса и прерии кишели жизнью. Сначала охотились лишь затем, чтобы добывать мясо. Потом внимание привлекли шкуры, кость. И началось. Я попал сюда, когда меха с Аосты на Земле ценились дороже золота. Научные станции — ученые все-таки их тут создали — к тому времени уже были уничтожены. Тут бушевала «меховая лихорадка»; конкурирующие ганги воевали друг с другом за охотничьи угодья и за добытые меха. Возникали и распадались «объединения» и «союзы». Вчерашние союзники превращались в непримиримых врагов, когда дело доходило до дележа добычи. На Земле говорилось о сотрудничестве в космосе, тут рекой лилась кровь. Впрочем, такова история не одной Аосты... Так было и на Земле, когда выходцы из старой Европы «открывали» для себя «новые» континенты за океанами...

Я тут начинал «вольным охотником», потом вынужден был присоединиться к одному из гангов. Во главе его стоял человек предприимчивый и отважный. Здесь, на берегу

этой бухты, была наша база и наша «столица». Вскоре она стала значительным поселком. Потеснив другие ганги, мы оказались властелинами целого полушария. У нас появился свой межпланетный корабль для связи с Землей. Многие «охотники» обзавелись семьями. В этом поселке жили женщины, дети... Но ситуация начала меняться. Первые годы охотились преимущественно на крупную дичь, и наиболее ценной добычей были риндли. Они становились все более редкими. Ведь мы только уничтожали. В колонии началось брожение... Мне удалось объединить недовольных и... В общем, я оказался во главе ганга. Мой предшественник предпочел вернуться на Землю. У нас не оставалось другого выхода — надо было переключаться на мелкую дичь... — Он вдруг умолк и начал оглядываться.

— «Мелкая дичь» — это о н и? — спросил Ивар.

— И они тоже... Нет... В первую очередь о н и, потому что их мех оказался наиболее ценным. Вскоре он стал цениться дороже, чем мех риндлей, хотя риндлей мы добывали все меньше. В отличие от охоты на риндлей, которая всегда была риском, «мелкая дичь» добывалась легко и безопасно. Это даже нельзя было назвать охотой. Мы просто убивали палками, ножами, и о н и умирали без звука, без сопротивления. Дела нашей колонии снова пошли в гору, хотя на Земле объединенные нации к этому времени уже приняли закон, запрещающий бесконтрольное уничтожение живых существ на других планетах.

Но мы свистели на земные законы. А между тем возмездие надвигалось. Должен вам сказать, Ивар, что вначале риндли никогда не нападали на нас первыми. Раненные, они становились очень опасными; неосторожный охотник или охотник неопытный зачастую сам превращался в жертву. Но повторяю, первыми риндли не нападали, даже если бывали окружены. И вот началось что-то странное.

Риндли стали нападать на охотников, высматривающих иную дичь. Оказалось, что их не так уж мало на Аосте. Может быть, они научились скрываться от нас. Чаше риндли нападали из засады или ночью на полевые лагеря. За короткое время погибло большое число охотников и среди них многие старые и опытные. Началась настоящая паника. Люди стали бояться выходить за пре-

дела поселка. Даже хорошо вооруженные группы охотников теперь возвращались ни с чем, а зачастую и не в полном составе. Мы поняли, что нам объявлена война, и решили нанести контрудар. Главным противником мы считали риндлей — это была первая роковая ошибка... Как раз в это время я собирался лететь на Землю с очередной партией ценных мехов. На корабле оставались свободные места, и я предложил захватить с собой женщин и детей. Не потому, что мы опасались за их участь, — просто на их охрану приходилось отвлекать часть охотников. К сожалению, лететь согласились не все, а я не стал настаивать. Это оказалось второй роковой ошибкой, потому что спаслись лишь те, кто улетел со мной...

Остальное мне стало известно лишь на суде — когда судили меня. Я был арестован сразу же по возвращении на Землю. Груз — всю нелегкую добычу последнего года — конфисковали. Меня приговорили к длительному заключению. Теперь уже неважно, что послужило причиной нашего разоблачения, — у нас было много конкурентов и завистников. Важно другое: во время суда я впервые услышал, что среди ученых возникла идея о разумности некоторых обитателей малых планет, в частности и на Аосте. А в длинном списке предъявленных мне обвинений указывалось, что я виновен и в гибели всех членов колонии, оставленных на Аосте. Оказывается, вскоре после нашего старта с Аосты, когда объединенный отряд охотников выступил на поиски риндлей, большая... стая, а может быть... отряд риндлей напал ночью на колонию. Только немногим удалось добраться до лодок и отплыть в море, но и они погибли во время шторма.

Оставшиеся на берегу стали жертвами риндлей, которые перед уходом разрушили до основания все постройки поселка. Погибли и охотники. Риндли напали на их лагерь в лесу и уничтожили всех до одного.

Ну а тут, — Инспектор указал вниз на берег бухты, — разрушение довершили штормы. Песок похоронил развалины поселка, и лишь иногда при особо благоприятном положении солнца можно что-то различить. Вот смотрите, пока я рассказывал, солнце опустилось ниже и уже ничего не видно.

— Я заметил, — сказал Ивар, — контур на песке исчез, когда вы говорили о ночном нападении риндлей.

— А может, его и не было вовсе,— пробормотал со вздохом Инспектор,— может, нам только показалось?

Ивар не ответил, и они долго сидели молча.

— Все это очень странно,— сказал наконец Ивар.— Если риндли могли уничтожить поселок — значит, их было много, а вы говорили, что их уже почти не оставалось, когда вы стали охотиться на этих... на малышей...

— Для меня это тоже загадка,— согласился Инспектор,— впрочем, как и разумность обитателей здешнего мира. Ученые уже не раз ошибались...

— Риндли были хищниками?

— Их считали хищниками, хотя не поручусь... Мясо их съедобно, а когда мы свеживали их, в их желудках находили остатки растительной пищи. И, в отличие от нас, риндли никогда не пожирали тел... своих жертв.

— Да, очень-очень странно,— повторил Ивар.— Не нападали первыми, были истреблены и вдруг сразу возникли в большом количестве и нападали. И снова исчезли, хотя больше их никто не истреблял. Как они все-таки выглядели? Вы, Инспектор, не раз видели их вблизи...

— Как выглядели? — Он принялся тереть лоб.— Странно, отчетливо представляю, как выглядел их мех, шкура, а вот как они сами... Сейчас... — Он отвернулся, замолчал и вдруг произнес совсем иным голосом, в котором прозвучали удивление и облегчение: — А-а вот так выглядели, смотрите.

Ивар оглянулся и остолбенел. Сзади всего в нескольких шагах сидел огромный зверь. Он возвышался над ними как гора. Гора рыжевато-сиреневого меха, увенчанная широкой мордой с круглыми торчащими ушами. Он сидел по-кошачьи на подогнутых задних лапах; передние — массивные, как обтянутые мехом колонны,— он поставил перед собой, обернув их длинным пушистым хвостом. Темный конец хвоста нервно подрагивал, широкий черный нос настороженно принюхивался, большие янтарные глаза внимательно глядели на них сверху.

— Не пугайтесь,— спокойно сказал Инспектор.— Они никогда... не нападают первыми. А этот — он просто... пришел за мной... Сидите тихо, а я — я сам подойду к нему.

— Нет-нет,— зашептал Ивар.— Не двигайтесь. Может быть, он уйдет... И слышите, поднимается ветер,

можно вскочить, попробовать взлететь. Спланируем в долину, там винтокрылы. Может, успем.

— Ну что вы,— в голосе Инспектора прозвучала усмешка,— они прыгают на добрых пятьдесят метров. Все это бесполезно... Вам ничего не угрожает. А у меня с ним .. свои расчеты. Отвернитесь и не смотрите туда, а я пойду... Счастья вам и Леа,— голос его дрогнул,— прощайте.

— Да нет же! — закричал Ивар, схватив Инспектора за руку.— Я не пушу вас! Стойте!

Золотисто-сиреневый зверь шевельнул массивной головой и, наморщив лоб, переводил взгляд с Инспектора на Ивара и обратно. Его янтарные глаза чуть сузились, а черный кончик хвоста начал двигаться быстрее.

— Перестаньте,— твердо сказал Инспектор.— Ну же,— он резко высвободил руку и встал.— Не смейте двигаться с места. Это приказ. Отвернитесь.— Он сделал шаг по направлению к зверю.

— Нет,— прошептал Ивар,— нет, не хочу...

С трудом преодолевая охватившую его слабость, Ивар поднялся на ставших вдруг ватными ногах и повернулся к чудовищу. Инспектор уже находился на полпути.

— Слушай, риндль,— закричал Ивар, задрав голову,— не трогай его. Пожалуйста. Он все понял. Не трогай! Прошу тебя.

Широкий черный нос шевельнулся, втягивая незнакомые запахи. Риндль сузил глаза и вдруг распахнул розовую пасть в продолжительном сладком зевке. Блеснули ряды острых ослепительно белых зубов, длинные усы отогнулись к круглым ушам. Закрыв пасть, риндль посмотрел вниз на стоящего перед ним Инспектора. Ивару показалось, что во взгляде круглых желтых глаз не было злобы, скорее недоумение, а может быть, скука.

Вдруг черный нос снова дрогнул, сморщился, янтарные глаза опять сузились и риндль громко чихнул.

Инспектор, который успел заслониться локтем, едва удержался на ногах. Риндль мельком глянул на него, понявшись, брезгливо отряхнул передние лапы и, резко повернувшись, исчез за деревьями.

Ивар опомнился первый. Перевел дыхание, шагнул к Инспектору, шепнул:

— Ну вот, он тоже понял... Скорей возвращаемся. Бежим!

Инспектор не ответил. Опустив голову, молча после довал за Иваром.

* * *

Когда они взлетели, пушистый рыжий шарик выкатился из кустарника на мысу, распрямился, присев на коротких задних лапках, и, подняв к небу длинное темное рыльце, долго глядел им вслед. Потом похлопал себя передними лапками по животу, подобрал пушистый хвост и исчез в кустах.

На базу Заповедника Инспектор и Ивар возвратились затемно. Леа ждала их на веранде. Обнимая Ивара, шепнула:

— Я очень тревожилась. Радировал Дон. Он видел на севере свежие следы риндля...

— Да, я знаю,— сказал Ивар.— Мы там были; я читал его записи. Кажется, риндли, не совсем то, что мы думали, дорогая... Пожалуй, мы их больше не увидим.

Леа взглянула на него, улыбнулась:

— Еще один шаг к контакту, правда? Они должны поверить... Должны... И знаешь, птицы сегодня вернулись... А он?..— Леа бросила быстрый взгляд на Инспектора.

— Он...— Ивар, улыбаясь, молча глядел на нее.

Леа поняла, тихонько рассмеялась:

— Значит, сегодня он будет спать спокойно.

— Да, и завтра покинет Аосту навсегда...

ЭКЗАМЕН НА ЗВАНИЕ ЧЕЛОВЕКА

«...Потерпев неудачу на государственном экзамене, я возвращался в родное село». Эти слова не из повести о современном студенте. Они были написаны китайским новеллистом больше тринадцати веков назад. Не станем утверждать, что это — первое упоминание об экзаменах в мировой литературе. Важно, что вот уже второе тысячелетие человечество постепенно свыкается с мыслью, что получить право на что-либо можно лишь выдержав испытание, сдав экзамен (ведь само это слово на языке древних римлян и означает «испытание»). В самом деле, мы держим экзамены на аттестат зрелости и чтобы получить рабочую специальность, оканчивая ПТУ. Экзамены сопровождают всю жизнь студента института или техникума. Экзамен нужно сдать, чтобы водить автомобиль или парусную яхту, чтобы с аквалангом погрузиться в увлекательный мир «шестого континента» или подняться в воздух на дельтаплане...

Однако среди этих экзаменов нет — на первый взгляд — самого главного: на право называться Человеком. Профессии можно менять. В конце концов не обязательно водить машину или нырять с аквалангом. Но Человеком обязан быть каждый. Экзамен на Человека нас заставляет держать — зачастую произвольно — вся наша жизнь. И потому именно этот экзамен всегда был, есть и будет в центре внимания литературы. Ценность художественного произведения не в последнюю очередь определяется тем, насколько писатель побуждает нас сознавать серьезность, значительность этого экзамена.

Именно его сдавал герой тысячелетия назад написанной тростниковым пером на папирусе древнеегипетской повести «Злоключения Синухета»; именно эту задачу — остаться Человеком даже в нечеловеческих условиях — решал на своем необитаемом острове Робинзон Крузо.

И герои пяти произведений ленинградского писателя-фантаста Александра Шалимова, объединенных этой книгой, также — каждый по-своему — сдают экзамен на звание Человека.

Бессмертие издревле было человеческой мечтой. Бессмертием наделяли люди придуманных ими богов, и оно, бессмертие это, было едва ли не главным признаком божественности. Древние греки говорили не: «Всемогущие боги», а: «Бессмертные боги». Искали бессмертия и сами люди — вспомним хотя бы легендарного героя древнешумерского эпоса Гильгамеша. А вполне реальный испанский конкистадор Хуан Понсе де Леон отправился искать остров Бimini, где бьет из-под земли источник, дарующий вечную молодость... Эликсир бессмертия тщетно пытались добыть средневековые алхимики...

Бессмертия нет, оно невозможно. Но окажись оно достигнутым — и стало бы тормозом на пути человеческого развития. Смена поколений обеспечила выживание наиболее приспособленных, без этого невозможен был бы естественный отбор, а следовательно, и эволюционный процесс, в результате которого появился на нашей планете Человек Разумный.

Эта мысль давно волнует литературу. Достаточно вспомнить струльдбругов — бессмертных людей, описанных Джонатаном Свифтом в одном из путешествий Лемюэля Гулливера. Стоят в этом же ряду и пьеса Карела Чапека «Средство Макропулоса», и многие другие фантастические произведения.

Вообще, тема эта — наряду с Машиной Времени, роботами, космическими полетами и контактами с иными цивилизациями — одна из самых распространенных в фантастике. И неудивительно, что едва ли не всякому писателю-фантасту хочется в свой черед попробовать силы на этой проблеме.

С выводами, к которым пришел Александр Шалимов, трудно не согласиться. «Бессмертие означает прекращение развития. Всякого развития, Од,— говорит один из героев в финале «Цены бессмертия».— Став бессмертными, эны остановились, застыли. В бессмертии — смерть живого начала. Жизнь — развитие, творчество... А за века бессмертия эны не создали ничего нового. Лишь цеплялись за свое существование, старались продлить его, сделать

абсолютным. И, добиваясь абсолютного бессмертия, рвали последние связи с жизнью. Величайшая из закономерностей природы оказалась нарушенной...»

Да, бессмертие — это тупик; это остановка прогресса; больше того, это неизбежный социальный регресс, приводящий даже самое развитое общество к диктатуре фашистского толка. Именно такой силой и выступает в повести Шалимова правящая верхушка — Круг Жизни и Смерти. Бессмертие неизбежно приводит к самосохранению — любой ценой. А значит, и ценой жизни. Но только чужой.

И вот Круг Жизни и Смерти приговаривает планету Мауна, нашу Землю, обрекает ее на гибель во имя продолжения собственного существования.

Но против этого восстают ассистент Од, философ Шу, дочь Главного астронома Эны, юная девушка Ия. Жертвуя жизнью ради спасения чужой цивилизации, даже в самом существовании которой они не уверены, герои эти обретают подлинное бессмертие — взамен унылого вечного существования обитателей Эны. Их подвиг прекрасен тем более, что не могут они рассчитывать даже на благодарную память сородичей или тех, кого спасают от гибели: их жертва останется безвестной. Лишь в голосе собственной совести черпают они силы, лишь в страстной убежденности в собственной правоте.

Пусть боги смотрят безучастно
На скорбь земли: их вечен век.
Но только страстное прекрасно
В тебе, мгновенный человек!

Эти строки Валерия Брюсова вполне приложимы к героям «Цены бессмертия», которые доказали жизнью и смертью своей право на высокое звание Человека.

А вот выдержал ли свой экзамен профессор Гомби, герой «Тайны атолла Муай»? На этот вопрос ответить однозначно гораздо труднее.

Ровно сто лет назад, в 1886 году, Жюль Верн устами Робура-Завоевателя произнес слова, на век вперед определившие одну из ключевых идей научно-фантастической литературы: «...успехи науки не должны обгонять совершенствования нравов... Явись я сегодня, я пришел бы слишком рано, и мне не удалось бы примирить про-

тиворечивые и своекорыстные интересы людей». Под этими словами мог бы подписаться и Хранитель тайны Тихоокеанского кратера профессор Гомби.

Эта тайна — возможность высвободить гигантскую энергию земных недр, которая «еще страшнее той дьявольской силы, что скрыта в смертоносных цилиндрах водородных бомб». В сегодняшнем, раздираемом классовыми и политическими противоречиями, мире появление такой силы неизбежно означало бы, что она будет взята на вооружение теми, кто меньше всего печется о благе человечества. И вот Гомби, исполненный ответственности за возможное использование своего открытия, решает умолчать о нем. «Своим открытием я чуть не привел человечество на грань гибели,— говорит он.— Во искупление я решил сделать счастливыми хотя бы немногих — тех, кто населял клочок земли, давший мне спасение».

Это известная с древних времен формула: уйди от зла и сотворишь благо. Вот только — достаточно ли уйти от зла? Или все-таки со злом необходимо бороться? Вроде бы профессор Гомби понимает необходимость борьбы, даже утверждает, что «безумцев надо остановить. Вовремя остановить!..» Но что он может, борец-одиночка? Не переоценивает ли он своих сил? Ведь даже все население атолла Муаи, наставником и руководителем которого стал Гомби, всего лишь горстка людей, практически изолированных от мира.

И потому трагический финал — гибель острова и его обитателей — выглядит в повести не столько роковой случайностью, сколько неизбежностью. Слишком могущественны силы, против которых выступил Гомби. Его инкогнито не может длиться вечно, рано или поздно оно будет раскрыто, а тогда... Что ж, это может быть и неудавшимся испытанием ракеты с термоядерной боеголовкой, и наоборот — испытанием, увенчавшимся двойным успехом.

К тому же судьба атолла Муаи вовсе не исключительна. Вспомним хотя бы трагедию атоллов Бикини и Эниветок или недавние испытания на атолле Муруроа...

Нельзя сказать, что Гомби не выдержал экзамена, ибо он не захотел служить силам зла, не допустил, чтобы во зло было употреблено его открытие. Но и считать его справившимся с испытанием тоже невозможно, ибо он

потерпел крах, попытавшись лишь пассивно сопротивляться злу, уклоняясь от открытой борьбы за свои идеалы, за торжество добра и справедливости. Он хотел превратить Муаи в некий аналог пресловутой башни из слоновой кости, чтобы ее стенами отгородиться от мира, начисто забыв при этом, что все подобные сооружения изначально обречены. Ему не достало той жесткой цельности, которая отличает капитана Рута Доррингтона, героя следующей повести — «Приобщение к большинству».

В ней представлено возможное недалекое будущее капиталистической системы. Во все звенья государственной машины, во все слои и структуры общества проникла тайная империя мафии; собственно, она-то и есть теперь государство. Невидимая и могущественная сила приговаривает всякого, кто осмелился подняться над средним уровнем, к «добровольной» смерти. Что ж, на Западе уже сегодня организованная преступность утверждает беззаконие на месте закона...

Правда повести, однако, не только в этом. Не зря фашизм планомерно «приобщал к большинству» передовую интеллигенцию и особенно коммунистов. Преступная система только тогда и чувствует себя в безопасности, когда перед ней безликая толпа — вместо народа, гордого своими вождями, мыслителями, поэтами. И сама такая система выдвигает наверх не самого сильного, умного, хитрого, но непременно того, кто по своим «средним показателям» наилучшим образом отвечал бы ее устоям и правилам игры. Идеальная посредственность — вот символ хорошо отлаженной машины подавления человека. И столь же ярким ее символом является анонимность власть предержащей верхушки, которая в «Приобщении к большинству» именуется Высшим Советом Равных. (Вспомним, в «Цене бессмертия» столь же анонимен действующий фашистскими методами Круг Жизни и Смерти.)

Сама по себе эта идея — диктатура не отдельной личности или группы, а некоего неизвестного, скрытого и потому кажущегося всеведущим и вездесущим сообщества — уже не раз исследовалась, моделировалась фантастикой. Заявлена тема была еще в романе известного польского писателя-фантаста Станислава Лема «Эдем» и затем развивалась во многих произведениях — вплоть

до повести братьев Стругацких «Обитаемый остров», где детально выписана атмосфера и структура анонимной власти Неизвестных Отцов. И все же Шалимов сумел создать собственную, непохожую на другие и удивительно достоверную модель. Но о достоверности разговор еще впереди.

А пока — пока перед нами судьба и выбор капитана Рута Доррингтона, который находит свое, достойное Человеска место в мире: приходит в ряды Сопротивления. Нелегко его путь, непросто выпутаться из той паутины лжи и страха, которой оплел всю страну Высший Совет Равных. Но «они, когда создавали свою паутину, забыли об одном... Человека нельзя лишить самого смысла существования... А смысл в том, чтобы как можно полнее выразить себя — в труде, подвиге, любви — во всем, что составляет суть разумной жизни». Так говорит в финале повести Доррингтону один из участников Сопротивления. И значит, избранный Доррингтоном путь — единственный, на котором можно отстоять свое право называться Человеком.

Этот же единственно достойный человека путь приводит к гибели героев рассказа «Бомба замедленного действия» Освальдо Агийэра и Гуледа Траоре. Оба они олицетворяют бунт человеческого разума против ядерного безумия, способного высвободить энергию земных недр, — ту самую, которую так боялся дать в руки людям профессор Гомби. Причем высвободить мгновенно — так, что и вся наша планета исчезнет в яростном буйстве звездного огня, вспыхнув сверхновой. Нет, не совершали Агийэр и Траоре героических поступков; они просто делали то, что казалось им нужным и честным. Они лишь до конца оставались собой. Но ведь это и значит сдать экзамен на Человека.

Но даже если человечество благополучно перешагнет «порог Агийэра — Траоре» — это вовсе не значит, что дальнейшая дорога его будет ровной и гладкой. Встанут новые проблемы, новые трудности, и чтобы преодолеть их, потребуются не только знания и умения, но — прежде всего! — нравственная зрелость, подлинный гуманизм, каким отмечены, например, Ивар и Леа, герои рассказа «Встреча на Аосте».

Не террацид — уничтожение и осквернение всего живого и неживого на планете — должен нести с собою

человек, не хищническое, грабительское отношение к миру, а мудрое и доброе понимание. Тогда — и только тогда! — путь его по континентам и океанам Земли или любой другой планеты окажется подлинно человеческим путем.

Почти два десятилетия назад Александр Шалимов писал, определяя художественные задачи научной фантастики, что «герой современного научно-фантастического произведения — человек, обычный или необычный, оказывающийся чаще всего в необычной же ситуации, и развитие сюжета служит раскрытию внутренних черт этого героя, особенностей развития его характера». И всем своим творчеством писатель доказывает, что это не случайная мысль, а творческое кредо, которому он верен всегда. Мы говорим «всем творчеством», потому что эта книга — своеобразный творческий отчет Шалимова за двадцать лет писательского труда. Ведь первая его повесть — «Цена бессмертия» — увидела свет еще в 1964 году, а завершающие рассказы написаны недавно и публикуются впервые. Однако в каждом из произведений сборника явственно виден интерес в первую очередь именно к герою, его судьбе, его характеру, внутреннему миру, к тому нравственному выбору, который должен сделать он, сдавая свой экзамен на звание Человека.

Но герой этот живет и действует в мире — как правило, фантастическом, рожденном воображением писателя мира, — который на редкость представим, объемлен и вещественен.

В статье об Иване Антоновиче Ефремове Шалимов писал: «Говорят, писателя создает его биография. По отношению к фантастам это, по-видимому, справедливо вдвойне. Опыт и знания — не только трамплин для научно-фантастической модели, но и необходимые условия феномена достоверности, отсутствие которого лишает научно-фантастическое произведение права называться художественным.

Феномен достоверности — это то, что заставляет читателя безоговорочно поверить в прочитанное, сколь бы невероятно оно ни было, понять и принять героев повествования, «прожить» вместе с некоторыми из них совершенно невозможные жизни, а потом возвращаться к прочитанной книге снова и снова».

Книги самого Александра Шалимова именно потому

и отличаются такой достоверностью, что автор их — человек, обладающий немалым опытом и обширными знаниями. Геолог, участвовавший в экспедициях, маршруты которых исчертили Среднюю Азию, Памир, Кавказ, Кольский полуостров, Крым, Алтай, Карпаты, Камчатку, Курильские острова. Он бывал в Японии и Соединенных Штатах Америки, Англии, Польше, Индии, Шри Ланке, Мексике, Кубе, Алжире, Тунисе, Марокко, Франции, Испании, Португалии, Греции, Турции... Не потому ли описываемый им мир всегда столь достоверен? Кажется, вот открой сейчас дверь — и выйдешь не на знакомую свою лестничную площадку, а туда, на белый коралловый песок атолла Муаи, услышишь равномерный шум наката... В рассказчике чувствуются глубокие профессиональные знания, и потому так легко веришь в правоту идей профессора Гомби или Освальдо Агийэра, когда говорят они о скрытой энергии земных недр.

Но главное — все произведения Александра Шалимова отличает глубокая вера в человека, в то, что всегда сумеет он справиться с любыми трудностями, совладать с любыми обстоятельствами, преодолеть все преграды, поставленные перед ним мирозданием или противоречивой человеческой же природой. Эти произведения — гимн человеку-творцу и человеку-гражданину, тому, о котором писал некогда Валерий Брюсов:

Верю, дерзкий! Ты поставишь
Над землей ряды ветрил.
Ты по прихоти направишь
Бег в пространстве, меж светил.

И насельники вселенной,
Те, чей путь ты пересек,
Повторят привет священный:
Будь прославлен, Человек!

*Андрей БАЛАБУХА
Анатолий БРИТИКОВ*

СОДЕРЖАНИЕ

ПОВЕСТИ

ЦЕНА БЕССМЕРТИЯ	5
ТАЙНА АТОЛЛА МУАИ	79
ПРИБОЩЕНИЕ К БОЛЬШИНСТВУ	151

© Издательство «Детская литература», 1980 г.

РАССКАЗЫ

БОМБА ЗАМЕДЛЕННОГО ДЕЙСТВИЯ*	245
ВСТРЕЧА НА АОСТЕ*	273
Экзамен на звание человека. Послесловие А. Бала- бухи и А. Бритикова	294